

ART ART

3
2022

ART

12+

Журнал «Арт»

✓
r
v
r
r
B
x
п

ART ART

Акценты

Третий номер начинается с актуального на сегодняшний день вопроса: «Что читает молодёжь?» В разделе «Точка зрения» читатель может познакомиться с результатами блиц-интервью, проведённого Марией Игушевой и Романом Пашниным.

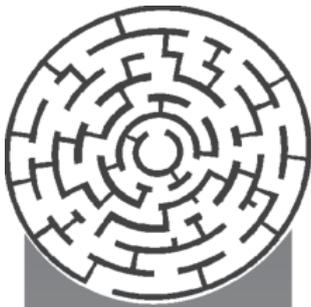
К 650-летию коми письменности приурочен особый раздел, в котором опубликованы два материала: интервью Игоря Иванова с Павлом Лимеровым о Стефане Пермском и созданном им алфавите-анбуре, его месте в мировых алфавитных системах, а также статья Павла Лимерова о религиозной литературной традиции Верхней Вычегды, созданной усилиями Стефана Ермолина в конце XIX – начале XX века, с публикацией уникального памятника этой литературы «Сöбирайтчан рад» в переводе на русский язык. В этом же разделе очерк Галины Бутыревой «Солнце село в море и осветило рыбу» о летней поездке коми писателей и библиотечных работников на родину Фёдора Абрамова и Иоанна Кронштадтского.

Раздел «Литература сегоДНЯ» открывается подборкой стихотворений «Мы от птиц приходим...» нового автора – Дениса Попова. Это серьёзная вдумчивая поэзия, претендующая на внимательное прочтение. Коми поэзия представлена подборкой стихов-песен известного коми поэта-песенника Василия Лодыгина. Журнал прощается с поэтом, ушедшим от нас совсем недавно. «За закрытыми глазами» – небольшая дебютная повесть Татьяны Плосковой. В её центре – глубокая психологическая драма инвалида-колясочника, которая не оставит равнодушным читателя.

Отдельный раздел журнала посвящён памяти рано ушедшей от нас Елены Козловой. Читатель познакомится с её небольшими произведениями «Августын» (В августе), «Вөр чомйö» (В лесную избушку), «Пур кылöдöм» (Плотовой сплав), а также с воспоминаниями писателей Республики Коми, лично знавших Елену Козлову.

В разделе «Арт-факт» представлена статья московского искусствоведа Дарьи Мамоновой о выставочном проекте «Графика народов Севера», в котором принял участие и Юрий Лисовский.

В журнале «Ы!» – рассказ Елены Афанасьевой «Кутш» (Беркут) о том, от чего мы ушли. Может быть, нужно оглянуться: а вдруг мы оставили в прошлом самое главное, без чего и жить не стоит?

СОДЕРЖАНИЕ

• Точка зрения

М. Игушева, Р. Пашнин.

Человек читающий. Мысли о чтении. *Блиц-интервью* 4

• Коми письменности – 650 лет

П. Лимеров: Загадочная Пермская письменность
(интервью И. Иванова) 13

П. Лимеров. Памятник литературы Верхней Вычегды:
Собирайчём рад – Соборный чин 25

Г. Бутырева. Солнце село в море и осветило рыбу 56

• Литература сегодня

Д. Попов. «Мы от птиц приходим...». *Стихи* 71

Т. Плоскова. За закрытыми глазами. *Повесть* 77

В. Лодыгин. «Вөр-пу йылыс век на огыра...» *Кывбуръяс* 101

• Е. Козлова. «Без тебя всё сейчас по-другому...»

Писатели о Е. Козловой. Воспоминания 108

Е. Козлова. Августын. *Пьеса. Вөр чомйö. Пур кылöдöм. Висьтъяс* 129

• Национальный парк «Койгородский» на страже коми «джунглей» 144

• Арт-факт

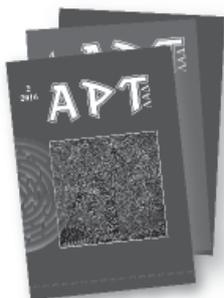
Д. Мамонова. Проект «Графика народов Севера» 153

• Ы

Е. Афанасьева. Кутш. *Висьт* 178

Беркут. *Рассказ* 184

А. Старцева. Тэкöд сёрни. *Кывбуръяс* 190

Присоединяйтесь!

к мессенджерам и социальным сетям

[instagram.com/art.lad_rk](https://www.instagram.com/art.lad_rk)

vk.com/zhurnalart

t.me/komiart

ok.ru/art.artovich

artjournal.tumblr.com

**ЧИТАЙТЕ ТАМ,
ГДЕ УДОБНО**

АРТ ЛАД

Республиканский
литературно-публицистический,
историко-культурологический,
художественный журнал

Республикаса литература,
публицистика, история,
культурология да
художественной журнал

Издаётся с 1997 года четыре раза в год
на коми и русском языках.

Публикация социально значимых тем
осуществляется при государственной поддержке
Министерства цифрового развития, связи
и массовых коммуникаций Республики Коми.

Учредители (соучредители):

Администрация Главы Республики Коми,
Министерство национальной политики
Республики Коми, МОД «Коми войтыр»,
АУ РК «Редакция журнала «Арт».

Руководитель редакции – Татьяна Логинова.

Главный редактор – Павел Лимеров.

Художественный редактор – Юрий Лисовский.

Технический редактор – Роман Пашнин.

Корректор – Алёна Старцева.

Главный бухгалтер – Татьяна Леончик.

Журнал «Арт»

Зарегистрировано Управлением
Роскомнадзора по Республике Коми.
Регистрационный номер и дата принятия
решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77-35079 от 23 января 2009 г.

Тираж: 1200 экземпляров.

© Журнал «Арт», № 3 (99) 2022 г.

Дата выхода в свет: 12.09.2022 г.

Руководитель редакции:

Логинова Т. И.

Главный редактор:

Лимеров П. Ф.

Цена свободная.

В оформлении обложки
и заставок использованы работы
(©) Ю. Лисовского.

Адрес редакции, издателя:

167982, Республика Коми, г. Сыктывкар,
ул. Карла Маркса, д. 229, каб. 136.
тел./факс: (8212) 201-499.
E-mail: artkomi@mail.ru,
www.artlad.ru

Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография»

с электронных носителей заказчика
в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов.

Подписано к печати по графику – 30.08.22.

Фактически – 30.08.22.

Формат: 70x100 1/16. Печать офсетная.

Усл. п. л. 15,48. Заказ № 22-5963.

Адрес типографии: 167982, Республика Коми,
г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

Подписной индекс:

П4453 по каталогу «Почта России»

Все права на материалы, опубликованные в
номере, принадлежат журналу «Арт».
Перепечатка без разрешения редакции
запрещена. При использовании
материалов ссылка обязательна.

Материалы, не опубликованные в журнале,
редакция не рецензирует и не возвращает
авторам. Публикуя материал, редакция не
обязательно поддерживает точку зрения
автора.

www.artlad.ru

Точка зрения

Человек читающий. Мысли о чтении

Блиц-интервью

92 % из нас, жителей России, читают книги. Эту довольно оптимистичную цифру обнаружил в мае Всероссийский центр изучения общественного мнения. Согласно исследованию, мы всё так же предпочитаем бумажные книги, периодически читая с гаджетов. А из всего многообразия жанров выбираем художественную литературу. Любопытно, чаще других не читают... молодые люди в возрасте от 25 до 34 лет. Но наши герои хоть и входят в эту «меньше всех читающую» возрастную группу, статистику улучшают. Для них чтение – привычный и важный процесс, неотъемлемая часть будней.

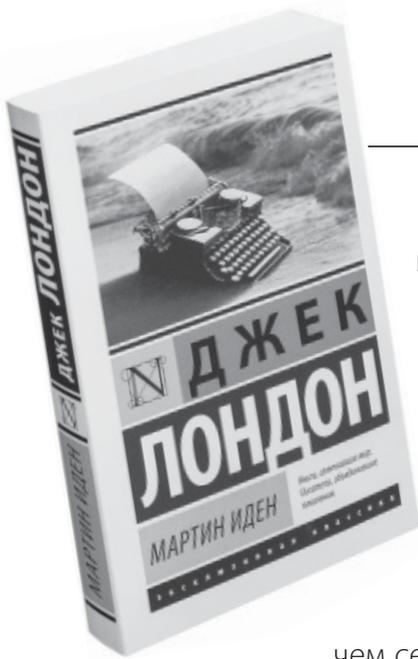
Мы задавали им одни и те же вопросы: об образовании, профессии, чтении «для работы» и «для себя», узнавали, как они выбирают книгу, кто привил им привычку читать и какая из недавно прочитанных книг оставила самое яркое послевкусие. Ответы наших героев могут показаться неожиданными и в некотором смысле обновляющими представления о человеке читающем.

«Голодные игры», популярная психология и зарубежная классика

Екатерина Божок, 25 лет, закончила Сыктывкарский государственный университет по направлению «Математика и компьютерные науки», работает программистом в одной из сыктывкарских компаний. Любимые книги: «Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери, «Граф Монте-Кристо» Александра Дюма и «Три товарища» Эриха Марии Ремарка.

Екатерина полюбила читать в школе, в старших классах девушка часто выбирала фантастику и, например, зачитывалась бестселлерами от Сьюзен Коллинз. По романам этого американского автора снята знаменитая и очень популярная кинотрилогия «Голодные игры». Фантастические фильмы и друзья-сверстники во многом формировали читательский вкус Кати в юности. Подростки обменивались книгами, обсуждали прочитанное и рекомендовали друг другу новинки. Сейчас круг литературных предпочтений Екатерины намного шире.

– Мне, конечно, нужно читать по работе, но не всегда есть время и желание, в годы студенчества я изучала куда больше литературы по программированию, чем сейчас. Рабочих задач хватает и без этого, – вздыхая, признаётся Екатерина, но «чтению для себя» время всё же находит, сейчас это «Мартин Иден» Джека Лондона, «Воскресение» – последний роман Льва Толстого и повесть Джона Р.Р. Толкина «Хоббит, или Туда и обратно». Для девушки несколько начатых в один момент книг – обычное дело. Екатерина с улыбкой отмечает, что, начиная знакомиться с новым произведением, всегда надеется его дочитать, но делает это лишь в том слу-

чае, если книга и правда покажется ей интересной. Научпопу вердикт «интересно»/«не интересно» выносится довольно скоро: Екатерине достаточно первых 3-5 страниц. К литературе художественной девушка не так строга и считает, что для погружения в повествование может понадобиться время и, скорее всего, сотня страниц.

Кроме художественной литературы в библиотеке Кати много книг по популярной психологии. Прямо сейчас Роберт Лихи помогает молодому программисту из Сыктывкара справиться с тревогами.

– «Свобода от тревоги» – это почти что руководство по избавлению от стресса, всё понятно и очень интересно, – отмечает Катя. – Будучи школьницей много читала подобной литературы, и она мне помогала. Я выросла, сталкивалась с первыми проблемами, именно из таких книг узнавала, что не одинока и подобное случается не только со мной, но и с другими людьми по всему миру. И становилось легче.

«Разбивать» книгу на сериал

Недавно товарищ поделился со мной репликами своей читальни... Сначала я долго «отходила» от жёсткой, живой прозы Эдуарда Лимонова... Не умею проглатывать книги быстро, иногда вынуждена перечитывать целые куски, чтобы уловить сюжетную линию, а тут ещё жестокие сцены из жизни рабочего посёлка... В книге много эпизодов насилия, таких реалистичных, что лучше заранее дистанцировать себя от героев. Речь вот об этом произведении...

«Подросток Савенко» – пронзительное повествование о жизни пацана, который придерживается совсем не интеллигентских взглядов, но это не мешает ему блистать поэтическим талантом и разительно отличаться от своих соплеменников – малолетних преступников. Вместе с Эди-бэби я страда-

Ксения Штогриня, 30 лет, бухгалтер

ла и задавалась философскими вопросами больше месяца, пришлось разбить книгу на сериал. Это как раз не тот случай, когда хочется прочитать быстро, да и сюжет эмоционально затратный. Внутренний диалог главного героя показался мне необыкновенно искренним и достоверным. Книга увлекательная, несомненно, как и её автор.

От сказок Маршака к древнеиндийскому эпосу

Денис Грибков, 33 года, работает крановщиком-стропальщиком, образование – неполное высшее. Любимые книги: Ридерз Дайджест «Азбука Природы», зачитанные до дыр «Морские рассказы» Константина Станюковича и фантастика от Александра Беляева.

– Я очень люблю читать, и это с детства. Моё первое воспоминание, связанное с книгами: большой сборник сказок Самуила Маршака с красочными иллюстрациями, они мне нравились особенно, но и сказки были по сердцу. Затем уже появились хрестоматии, энциклопедии, что-то брал из библиотеки, – вспоминает Денис.

Любовь мальчика к чтению в семье разделяла только мама, а вот старший брат даже подшучивал над увлечением младшего, но отношение к книгам шуточки не изменили. В подростковом возрасте Денису нравились произведения и школьной программы, и фантастика, а ещё периодика – газеты и журналы, отцовский «За рулём» и всеизвестный «Ридерз дайджест».

Работа крановщика-стропальщика предполагает чтение технической литературы небольших объёмов, это некий свод правил, который нужно держать в уме. Поэтому в том, что касается чтения, Денису не приходится раз-

рывать между «надо» и «хочется». Недавно молодой человек окончил Федеральную школу радио, и в последние месяцы книжная полка пополняется с учётом нового увлечения. Сейчас Денис «идёт» по списку литературы, в основном это чтение, помогающее нарабатывать новые навыки. Прямо сейчас в руках начинающего радиоведущего книга в ярко-оранжевой обложке с драконом.

– «Пиши, сокращай» Максима Ильяхова и Людмилы Сарычевой порекомендовали во время учёбы. Она про создание сильных, ёмких текстов и читается отлично, – говорит Денис. – Хотя многое от настроения зависит, бывают дни – отлично «заходит» классика, а порой читаешь и не помнишь, что было на предыдущей странице. Поэтому, когда есть возможность, чтение выбираю по настроению. Думаю, как закончу с литературой по учёбе, возьмусь за древнеиндийский эпос – «Махабхарата». Уже давно хотел погрузиться в эту тему.

Литература не должна давать готовых ответов

В начале лета взялся за «Библиотекаря» Михаила Елизарова. Текст мощный, многослойный, с шестью подтекстами. Боюсь, я не всё понял и остался в лёгком замешательстве от динамичного сюжета с блокбастерным рубиловом, крышесносными персонажами и, мягко говоря, неожиданной развязкой. Не стоит ждать от «Библиотекаря» готовых ответов, хотя в самом начале всё кажется прозрачным. На мой скромный взгляд, этот текст не для читателя-сёрфера, который пройдёт по гребню волны и запомнит совершенно безумные батальные сцены и циничные шутки (у автора всё в порядке как с чувством современного русского языка, так и с чувством юмора). Как сказал сам Елизаров в одном интервью, «Литература не должна давать готовых ответов, это чудовищный шаблон. Ружья, которые висят на стене в начале произведения, не стреляют, а сюжетные линии не обязательно сходятся в финале».

Да, ты остаёшься наедине со своими мыслями после прочтения подобной прозы, с одним желанием: отыскать господина Елизарова в рюмочной «Зюзино» и потребовать разъяснений и долгих разговоров о том, правильно ли ты его понял. Но потом отпускает... и появляется благодарность автору, что позволил тебе быть читателем-соавтором, дал шанс сделать свои умозаключения и дописать собственный следующий том в своей голове.

Кирилл Майоров, 28 лет,
разработчик сайтов

Татьяна Черниговская,
советский и российский учёный в
области нейронауки и психолингвистики.
Доктор биологических наук,
доктор филологических наук,
член-корреспондент РАО

“ Чтобы развиваться, надо читать сложную литературу

Татьяна Черниговская считает: важно линейное чтение – от начала до конца. Гипертекст, вынуждающий кликать на выделенное слово и как бы проваливаться в него, порождает нестройность мысли.

«Люди, которые выросли на таком типе чтения, не в состоянии прочесть большой текст целиком. У них рваное сознание – кое-что отсюда, оттуда. Когда спрашиваешь ребёнка, про что был этот рассказ, он вам его не может пересказать».

Прогнозы учёных о будущем чтения неоптимистичны – предсказывают серьёзный раскол между возможностями интеллектуальной элиты и основной массы населения земного шара.

Мозг пластичен не только в детстве, как считали раньше. Доказано: он образует новые нейронные связи до конца жизни. Любая работа, кроме скучной и рутинной, приносит пользу для мозга. Главное – иметь дело с постоянно меняющейся, сложной информацией.

Без визита к психотерапевту: исцеляющая сила стихотворений

Светлана Кузнецова, 25 лет,
специалист отдела кадров

Книга «Привет, моя Девочка. Стихи-исцеление женской души», написанная Ясной Токарик и Дмитрием Чернышовым, – образный и по-настоящему искренний разговор любящей всех нас Вселенной с твоей внутренней девочкой. Психологически бережная и тонкая работа двух авторов хранит в глубине посланий ключи к живой и настоящей, цельной женщине.

Мне **ОЧЕНЬ** понравился такой формат стихотворений. На самом деле я почувствовала какое-то вдохновение, воодушевление и внутреннее спокойствие, что

Наука VS манга

Назар Журавлёв, 33 года,
закончил Сыктывкарский
государственный университет по
направлению «Менеджмент».
Работает старшим инженером в
лаборатории демографии УрО РАН
«Коми научный центр», преподаёт
менеджмент в Колледже
экономики и права СыктГУ.
Любимые книги: Чарльз Диккенс
«Жизнь и приключения Николаса
Никльби», Андрей Белянин «Меч без
имени», Дзюндзи Ито «Спираль».

– По словам родителей, я довольно рано начал читать, примерно с пяти лет. Будучи ребёнком, а затем подростком, читал очень много, и так продолжалось до окончания старших классов школы, – вспоминает Назар. На читательский вкус юноши большое влияние оказывала мама, с ней Назар обсуждал прочитанное, она же могла рекомендовать новые произведения из обширной домашней библиотеки.

Чтение вернулось в повседневную жизнь Назара уже после окончания университета. Работа молодого учёного связана с исследованиями, и постоянное обновление знаний – залог успешной деятельности, а также профилактика досадных ошибок: без актуальных данных сложно проводить исследования на надлежащем уровне. Преподавательская деятельность тоже требует постоянного пополнения базы знаний, к тому же менеджмент – динамично развивающаяся сфера со своими тенденциями. Профильную литературу Назар предпочитает читать с классических – бумажных – носителей. Берёт у коллег, заказывает онлайн, покупает в книжных магазинах во время командировок в крупные города.

Но и домашняя библиотека нашего героя довольно разнообразна и отражает литературные увлечения разных лет: современная остросюжетная литература, графические романы, поэзия, научпоп. Для Назара важно качество бумаги, вёрстка и дизайн бумажных книг – в эпоху цифровых носителей содержание можно найти и онлайн, а, значит,

я не одна, что все проблемы решаемы и не такие уж они серьёзные в масштабах Вселенной.

Вся книга даёт один важный посыл – внутреннее равновесие и умиротворение. Я будто побывала на сеансе у психотерапевта!

Очень советую эту книгу, она станет прекрасным подарком любой женщине, и неважно, одинокая она или в браке, молода или уже в возрасте. Маленькая девочка есть в каждой из нас, сколько бы нам ни было лет и сколько бы мы ни прошли в жизни. И эта книга даст успокоение вашему внутреннему миру и осознание многих истин, скрытых буквально на поверхности нашей жизни.

роль качества печати и оформления бумажной версии возрастает.

– В последнее время много читаю с экрана смартфона, я довольно ленивый, а такое чтение кажется мне менее энергозатратным, – говорит Назар. – Выбираю фантастические, научно-фантастические романы, новеллы разного качества.

Особенное место в литературной жизни Назара занимают графические романы и манга. Их чтение отличается от чтения литературы в привычном понимании. В данных жанрах большой упор делается на визуальную составляющую, читателю уже не нужно продумывать, представлять образ героя, его характер, проще следить за сюжетом.

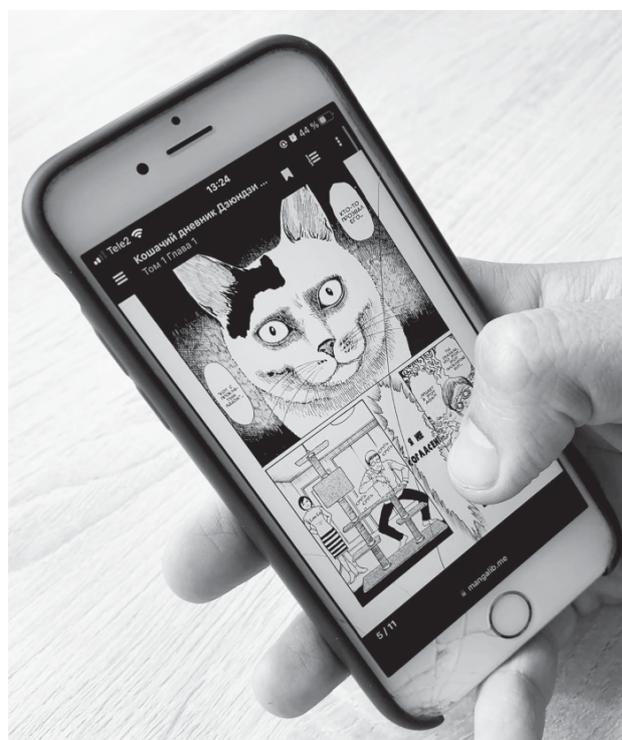
– С одной стороны, это плохо, ограничивается фантазия, восприятие читателя, но с другой – это чтение 2 в 1, ведь автор может подчеркнуть происходящее и визуально, и текстом. Отмечу, по насыщенности текста графические романы часто уступают привычным форматам. Это лёгкое, в зависимости от жанра пугающее или забавное чтение, – считает Назар.

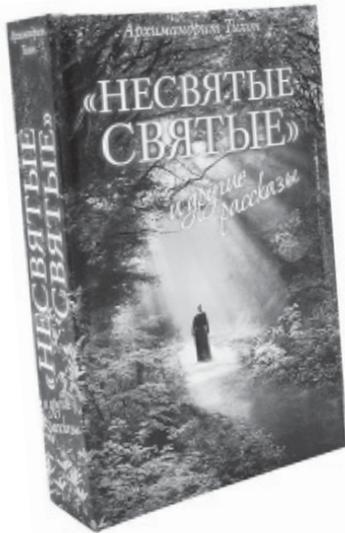
Для нашего героя такая литература – своеобразный отдых, переключение с рабочих мыслей. Но и графические романы бывают разного уровня, в некоторых поднимаются важные и острые социальные, политические вопросы, вопросы морального выбора,

такие произведения становятся лауреатами престижных литературных премий, а их чтение сложно назвать «лёгким». А, перелистнув последнюю страницу, читатели будут озадачены, взволнованы не меньше, чем после прочтения серьёзного многостраничного текстового романа.

Назар – рекордсмен по количеству прочитанных книг среди наших героев: в год это около сотни-полутора сотен произведений.

– Это значимая часть моей жизни, таким образом я отдыхаю, развлекаюсь, просто заполняю время. Хотя иногда это становится проблемой: вместо того, чтобы заняться чем-то полезным, я читаю очередной роман про боевого хомяка.

Евгений Ляйнен, 26 лет,
служитель подворья
Валаамского монастыря

Между мечом и наковальней: о незакрытом мире Церкви

Настоятельно рекомендую к прочтению «Несвятые святые» архимандрита Тихона (Шевкунова). Для глубоко верующего человека эта книга будет очень и очень интересной. Но я бы посоветовал прочесть её и людям, которые не верят в Бога, далеки от Церкви и, может быть, недолюбливают священников.

Сегодня в общественном сознании много негативных стереотипов, связанных с православным духовенством. Главный из них – это деньги, которые якобы «рекой льются» в «поповские карманы» в то время, как простой народ бедствует.

«Пройдя» вместе с автором некоторый путь по тексту, читатель, где-то на странице сотой или двухсотой оставит своё желание «обсудить» священников (всего в книге 636 страниц).

Страница за страницей... С одной стороны, читатель видит борьбу советской власти с Церковью, а с другой – духовное пробуждение тогдашнего общества – первые шаги советских граждан к Богу.

А священники где-то посредине – «между мечом и наковальней»: с одной стороны, совершать богослужения, произносить проповеди, беседовать с людьми реально нуж-

но, а с другой – нельзя, потому что опасно! Деятельность священников была сопряжена с серьёзными проблемами – начиная с лишения регистрации и оканчивая тюремным заключением. Причём и то, и другое могло произойти внезапно, мгновенно и, что называется, «на ровном месте» – ни за что, просто так, «чтобы другие боялись».

Повесть будет интересна и тем, кто по-прежнему считает православные монастыри «закрытыми резервациями для неполноценных», а монахов – злыми, тёмными и унылыми меланхоликами.

Стоит начать чтение, и после 10–15 страниц это предвзятое отношение выветрится.

Герои увлекательной повести отца Тихона – монахи разных возрастов и духовных званий. Читатель увидит мудрых, прогрессивных, образованных, интеллигентных и интересных людей. Автор книги «глубоко смотрит в своих героев».

...Длинные волосы, седые бороды, чёрные рясы и тяжёлые металлические кресты на груди, а также порой суровые взгляды – всё это внешний облик. А за этим – судьба каждого отдельного человека. Судьба интересная, уникальная и неповторимая.

Кукловоды правят миром

**Николай Рожков, 31 год,
водитель трамвая**

Оказывается, за массивными коваными монастырскими воротами – увлекательный мир, в котором есть тайны, новости, события, сюрпризы, радости и печали, в котором, в конце концов, есть жизнь, и она «бьёт ключом».

«Несвятые святые» – это удивительная книга о людях. Есть в ней юные послушники, которые только «набивают шишки» на своём пути, есть приходские священники, которые, несмотря на материальные трудности, достойно несут служение в отдалённых уголках России.

Автор, как вы уже поняли, глубоко «копает» в прошлое. В серии рассказов представлено множество примеров монахов, которые пережили репрессии, Великую Отечественную войну и сталинские лагеря. Герои книги – сильные, мужественные, «видавшие виды», «закалённые» трудностями и, как результат всего этого, мудрые люди.

Одному из них, архимандриту Иоанну (Крестьянкину), посвящено много страниц. Читатель не останется равнодушным от интересных примеров из жизни этого выдающегося человека – старца и духовника, которого знает весь православный мир.

Описывая судьбы, характеры и жизненные ситуации, автор показывает, какие люди руководили православными монастырями в советской России.

«Львиная доля» книги уделена простым верующим гражданам – очень интересные и познавательные истории. Много мудрости. Читатель сможет почерпнуть для себя немало полезного.

Из последнего прочитал «Ложную память» Павла Шушканова. Смело могу рекомендовать!

Как только я взглянул на аннотацию, то сразу понял, что история завязана на физике и квантовой механике в частности. Этот мир настолько уникален, что авторская фантазия может быть безграничной и Павел – автор книги – справился с задачей просто отлично.

Ходят легенды, что, зайдя в старое городское здание, люди больше из него не возвращаются. А если вдруг удалось вернуться, то эти люди сходят с ума. Горожане слагают легенды, а местные СМИ поддерживают всю эту тему, чтобы был повод для новых статей. Главный герой Максим занимается фотографией и решает разобраться, в чём собственно дело. Естественно, он сначала не верит местным байкам. Однако вскоре его мнение кардинально меняется.

История мне очень понравилась за неизбитый сюжет. Ты сначала не понимаешь, что же происходит, а когда всё проясняется, не веришь, что такое возможно. Но, честно сказать, я верю в подобное развитие сюжета, ведь никто не знает, как оно там на самом деле. Есть ли какие-то кукловоды, руководящие нашим миром.

Как говорится, пчёлы не знают, что собирают мёд для пасечника, ведь он выходит за границы их понимания...

*О литературных предпочтениях расспрашивали
Мария Игушева, Роман Пашнин.*

Загадочная Пермская письменность

Беседа о значении Стефана Пермского для Церкви и России

Игорь Владимирович Иванов родился 1 июля 1964 года в г. Мурманске в семье журналиста и адвоката. Окончив факультет журналистики Ленинградского университета, работал в газете «Молодёжь Севера». С 1991 года является главным редактором православной газеты Севера России

«Вера»-«Эском», а с 1995-го возглавляет и издательство «Эском». Автор-составитель книг «Наследие Стефана Пермского», «Златой ларец» и др. С журнальными очерками печататься начал с 1988 года.

Живёт в г. Сыктывкаре.

Павел Фёдорович Лимеров, главный редактор журнала «Арт-Лад», член СП России, ведущий научный сотрудник сектора фольклора ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, кандидат филологических наук. Область научных интересов: фольклористика, этнография, мифология,

религиоведение, история литературы. Автор более 200 научных публикаций, в том числе девяти книг.

– Позволь мне начать разговор не с ходу о подвижничестве служителя Стефана, а с другого... Скажи, каким тебе представляется Стефан внешне? Вот ты писал книгу «Образ св. Стефана Пермского...» – какой образ стоял перед тобой?

– Как правило, Стефана изображают как старца. Такой пожилой, длиннородый человек, пришёл в Пермь и крестил зырян на закате своей жизни. На самом деле Стефан был достаточно молод. Дата его рождения неизвестна, но по Житию определяется примерно 1340 годом, то есть в 1372 году, когда Стефан в Ростовском монастыре составлял свою азбуку-анбур, ему было 32 года, а

крестить Вычегодскую Пермь он отправился в 1379 году, в возрасте 39 лет. Это ведь молодой ещё мужчина в полном расцвете сил. Я представляю его достаточно высоким, худощавым, плотного телосложения, с окладистой бородой. Скорее он был красивым: трудно представить человека, который покори сердце язычников, отталкивающего вида или угрюмым.

– Но на иконах он изображается по-разному...

– Возможно, некоторые иконы передают портретное сходство со Стефаном. Есть иконы, которые изображают его хоть и бородатым, но не стариком.

– А что ты можешь на основании своих изысканий сказать про характер святителя? Мы ведь помним: то ли родовое, то ли личное его прозвище было – Храп. Об этом есть упоминание у Епифания, биографа святителя, лично его знавшего, в «Плаче пермских людей»: «навешивали на тебя прозвища, – говорится от имени пермян, – отчего некоторые называли тебя Храпом, не разумея силы и благодати Божьей, имеющейся в тебе и через тебя». И много впоследствии на этом спекулировали, а кто-то пытался даже науку подтянуть, чтоб доказать, что это был довольно-таки напористый, самоуверенный человек...

– В словаре Даля «храп» имеет значение «нахал, наглец, буян». Взять «нахрапом» значит взять силой. Так что прозвище Стефана, скорее всего, было дано ему недоброжелателями. Конечно, сын какого-то безродного клирика из приграничного с полуночными странами городка со странным названием

Устюг вдруг вошёл в ближний круг Великого князя, высших иерархов Церкви, стал епископом – конечно, кто-то ему завидовал и объяснял «нахрапистостью» Стефана, его «наглостью», а не талантом. Впрочем, прозвище Храп можно толковать и иначе: мы же не знаем, что доподлинно означало это слово именно в то время. Да, Храпом его называли, но ведь «нахрапистость» в делах веры – это усердие в деле духовного просвещения. А лично у него в чём она проявлялась – в том, что он всю жизнь, с младенческих ногтей буквально, стремился к знаниям, несмотря на препятствия.

– То есть ты хочешь сказать, что эта коннотация данного слова в ту пору могла быть и позитивной, а не отрицательной?

– Смотри: он с семи лет выучился читать, с восьми он уже канонаршил в соборе, в 20 лет он принял постриг в Ростовском монастыре, в так называемом Братском затворе Григория Богослова. Епифаний Премудрый пишет, что

Список древнепермской азбуки из рукописного Номоканона 1510 г. и воспроизведение стефановского алфавита нашим шрифтом. Над буквами – предполагаемые стефановские названия, внизу – звуковое значение.

что большинство современных алфавитов происходят от одного – финикийского. Он был изобретён приблизительно 2000 лет до нашей эры в Финикии, в государстве на территории нынешнего Ливана. От финикийского произошёл греческий, от него – латиница и наша кириллица. Это из наиболее очевидных фактов. А так, от финикийского происходят еврейский, арабский, рунические алфавиты и, что совсем кажется невероятным, – брахми, от которого произошли письменности Индии. Так вот стефановский алфавит – графически иной, хотя и сохраняет финикийский порядок букв. Учёные выдвинули много гипотез по поводу начертания стефановских букв: от зырянских пасов до финикийских букв и даже до брахми, но убедительных доказательств пока ещё нет.

– А как насчёт существования стефановской письменности?

– Ну, это маловероятно. Того древнефиникийца, который изобрёл буквенный алфавит, то есть алфавит, в котором каждая буква означает отдельный звук, учёные называют величайшим гением всех времён и народов. Этого не произошло ни в Древнем Египте, ни в Китае, ни в Индии, не говоря уже о Европе. Почему же буквенная письменность не смогла бы самостоятельно зародиться в дремучих древнезырянских лесах? Была ли необходимость в азбуке для сугубо устной культуры? Я, конечно, патриот своего народа, но есть ведь и здравый смысл. Стефан изобретал азбуку для того, чтобы включить коми народ в культуру письменную, приобщить к текстам, аналогов которым в культуре древних коми не было и не могло быть. И свою задачу этот алфавит выполнил. Меня смущает только одно: почему Стефан не взял за основу алфавита кириллицу, как это происходило в наше время, а изобретал свою графику?

– Насколько полиглоты характерны были для времени Стефана?

– Для домонгольской Руси знание языков достаточно характерно. Была распространена грамотность, князья и духовные лица могли знать по несколько языков, однако за столетия золотоордынского правления Русью грамотность отошла на культурную периферию, и Стефан со своим знанием четырёх языков сильно выделялся.

– Было ли стремление познавать языки обусловлено желанием Стефана использовать это для создания новой азбуки и перевода на него Священного Писания, или он просто был любознательным человеком?

– Епифаний пишет, как последовательно Стефан изучал философию и богословие и для этого изучил греческий. Славянский был знаком Стефану с детских лет. Как безусловно одному из самых образованных людей своего времени ему была открыта дорога стать книжником, как это случилось с самим Епифанием. Но вот наряду с греческим Стефан вдруг самостоятельно (!) изучает пермский язык. Это чудо надо толковать исходя из апостольской практики, чуда Пятидесятницы. Как тогда на апостолов снизошёл Святой Дух и они узнали множество языков, чтобы проповедовать веру в Христа, так и со Стефаном произошло то же самое, только с пермским языком. И изучив таким образом этот язык, Стефан уже должен был идти путём апостолов, совершить свой кенозис, как это называет русский философ Г. П. Федотов. Как некогда совершил его Христос, проповедуя божественные истины людям, как это совершили апостолы.

– Как ты думаешь, чей пример у него был перед глазами? Перводиакона мученика Стефана? Или разбредшихся по свету апостолов?

– Стефана при рождении нарекли во имя мученика Стефана перводиакона. Эта готовность к жертвенности в характере Стефана присутствует. Но Епифаний подчёркивает духовную связь Стефана с апостолом славян, создателем славянской письменности

Константином-Кириллом. Параллелей много, начиная с того, как они оба предпочитали постижение грамоты детским играм и впоследствии Константин создал славянскую письменность, а Стефан – пермскую. Причём, отмечает Епифаний, подвиг Стефана значительнее, поскольку он один создавал письменность, а Константину помогал его брат Мефодий. Другой безусловный пример для Стефана – апостол Павел. Конечно, перед глазами Стефана был пример и апостольский, он ведь считал себя продолжателем их деяний, поскольку апостолы крестили многие народы, но никто из них не забредал в землю Перми.

– В твоём представлении Стефан — это церковный интеллеktуал, молитвенник или проповедник?

– Он был тем и другим, и третьим. Как проповедник он обладал огромной харизмой. Иначе невозможно объяснить, как в считанные годы он сумел объяснить языческому народу основы христианства? Если бы не его проповеднический дар, его бы просто слушать никто не стал. Он был молитвенником, в Житии есть много примеров его молитвенных обращений к Богу. А как интеллеktуал он изобретает азбуку и создаёт письменность. По сути, Стефан Пермский – родитель интеллеktуальной жизни в Коми крае. Я уже говорил, что создать азбуку это уже великое дело, но ведь он ещё на пермский язык перевёл все богослужебные тексты – это порядка шести-восьми книг – Апракос, Апостол, Псалтырь, Часослов и пр., а также Литургию Иоанна Богослова.

– А было ли всё это здесь, на Вычегде, востребовано?

– Через некоторое время стало востребованным. По мере того как распространялась грамота. Кстати, «грамота» в переводе с греческого и есть Азбука. Удивительно, как он сумел убедить язычников-пермян в том, что это им нужно. Нужна вера в Христа, нужна грамота. Сейчас нам легко рассуждать, а для тех пермян-язычников это было решение поистине революционное. Они

ведь не просто принимали веру в русского Бога, они полностью меняли свой образ жизни. Христианство зарождалось в земледельческой среде, оно и сохранило в себе многие понятия земледельческой культуры, непонятные народам охотничьих культур. Остаётся только догадываться, как Стефану удалось донести до разума пермян понятия, несовместимые с их культурой, а главное – принять их.

– Чем же отличаются эти две культуры? Я имею в виду земледельческую от охотничьей?

– Да всем. Земледельческая предполагает оседлый образ жизни, огромные поселения, в которых живёт достаточно большое количество людей. А охотники – кочевые или полукочевые племена, к тому же разделённые на родовые группы, расселившиеся по всему пространству тайги. Численность их, как правило, невысока, может, достигает тысяч десяти.

– Ты полагаешь, пермян было так мало? Некоторые утверждают, что их было не меньше ста тысяч.

– Для народа охотников сто тысяч – слишком много. Сто тысяч коми, кажется, набиралось где-нибудь к середине 18 века. А для средневековья сто тысяч – это численность большого народа. Чем отличаются охотники от земледельцев? Земледельцы живут по 100 человек на один квадратный километр пространства. Их кормит земля, и, чтобы её обрабатывать, лишние руки не помешают. Поэтому численность земледельцев неуклонно росла. Охотничья культура зависима от леса, и для добычи пропитания одному охотнику необходимо сто квадратных километров пространства. Поэтому численность охотничьего народа не увеличивается или увеличивается до определённого количества, а затем снова убывает из-за каких-то болезней или лесных войн. Природа сама регулирует коли-

чество охотников. Представь, коми жили родами по всей территории тайги-пармы, а это тысячи километров, и людей надо было собрать, чтобы хотя бы начать проповедовать. Нужна была такая точка, культурный центр, где собирались бы все пермяне-коми, может, на какие-то общие моления или праздники. Такой точкой и была Усть-Вымь, где находилось главное капище язычников с легендарной «прокудливой берёзой». Вряд ли Стефан смог пройти на это капище, не получив определённых санкций от самих коми людей. Здесь прошла первая проповедь Стефана, отсюда волна христианства стала распространяться по всему пространству Вычегодской Перми. И вот уже появляются первые христианские поселения, люди начинают селиться не по родовому признаку, а в сёлах, вокруг храмов, получает развитие и крестьянский труд, хотя охота и остаётся приоритетным занятием.

– То есть из племён, из родового общества начинает формироваться народ?

– Так и есть. Народ начинает формироваться из отдельных родовых объединений именно после принятия христианства, а вместе с ним – оседлого, крестьянского образа жизни. Усть-Вымь получает статус владычного городка, строятся Вотча, Турья, Яренский городок – вот начало новой коми культуры.

– А как воспринимала языческая элита эти преобразования?

– Это, конечно, отдельная тема. Всем известен эпизод прения Стефана с Памом-сотником. Наверно, слишком благостной картины перехода в христианство языческих жрецов не было. Но Стефан сразу же озадачился формированием новой элиты. Школы для пермян, о которых пишет Епифаний, были созданы как раз для этого. Стефан понимал, что продолжить его дело может только грамотный слой из самих же пермян, а не из прибывших русских священников. И это ему удалось. Сохранились книги XVI века, состав-

ленные книжниками из пермян. Известны даже их имена, оставленные на книгах. Это Гаврила по прозвищу Попов и Васюк по прозвищу Кылдашев.

– Может, это вслепую было? У нас ведь и в XIX веке ещё встречались дьячки, которые копировали старинные книги, не вникая совершенно, не понимая.

– Это исключено. Это были коми, свободно владеющие двумя языками, а также славянским языком книжности. Другое дело, что этот Васюк переписывает славянский текст «Номоканона», в конце – дополняя по русски: «Писал сию книгу Васюк Попов, сын Гаврилов» и пермской азбукой на коми языке: «Мезöсö Исус Кростосэ, мылышты мэнö крэка мортöс Васюкös. Аминь Кылдашев» (Господи Исус Христос, Сыне Божий, помилуй меня грешного Васюка. Аминь Кылдашев).

– Ведь и знаем-то мы о них по именам, данным в крещении... Но тогда получается, что отличие нашей северной традиции от более южной в том, что если христианское просвещение на Русь шло через элиту, то здесь Стефан просвещать стал с простого народа. Может быть, здесь тогда ещё не сформировалось своей элиты, хотя по крайней мере жреческая-то была, наверное. А может, святитель таким путём пошёл сознательно?

– Конечно, элита существовала, и Стефан каким-то образом в этой среде не был чужим. Чужой человек не знал бы, где находятся кумирницы, даже где расположен Усть-Вымь.

– Всё-таки Устюг с Пермью и до Стефана длительное время торговал, связи были, и, несомненно, пермяне рассказывали русским о своей жизни.

– Само собой связи существовали, и торговые, и духовные. И крест пермяне целовали в 1333 году, ещё при великом князе Иване Калите. Платили дань. Так что Пам, главный волхв Перми, был «сотником», а в средневе-

ковой русской иерархии это должность наместника великого князя.

Но в духовную жизнь Перми русские не вмешивались никогда. Крещение было инициативой самого Стефана.

– Мне хотелось бы спросить у тебя о соотношении реальности и легенды в нашем восприятии образа Стефана. Одну такую легенду мне довелось услышать в Ошлапье на Нижней Вычегде – о происхождении названия деревни. В ней рассказывалось о том, как Стефан победил местного туна, принявшего обличие медведя, выстрелив в него из лука себе между ног... Важны ли легенды для понимания Стефана?

– Такие легенды рождались в языческом мире, и в них Стефан уже не христианский проповедник, а богатырь... Было два типа легенд. Одни рождались в церковной среде, в христианской традиции. Например, легенды о том, как Стефан рубил священную берёзу. Или легенды с распространённым христианским мотивом ослепления, когда язычники, нападающие на святого, слепнут. А есть ещё легенды народные, например, когда святой проплывает перекаат, бурлит вода, и он говорит: «Остановись, порог!» Бурление прекращается, и он, минувя это место, называет его «Кось», что значит порог по коми, так называется и деревня Кось, по-русски Кошки. Стефан плывёт по реке на камне, преобразуя языческое пространство в христианское. Поэтому есть легенды о плавании Стефана на Выми, Вычегде, Мезени и даже на Каме. На Выми когда-то бытовали целые эпические сказания о подвигах Стефана, к сожалению, записали их уже поздно, почти на излёте. В 1920-е годы П. Г. Доронин записал ряд легенд о единоборствах Стефана с языческими тунами, вроде того Ошлапья, о котором ты говоришь. Распространены легенды о том, как Стефан крестит чудь, а она закапывается в землю. Так что в фольклоре коми образ

Стефана поистине эпичен, он есть у всех групп коми и даже у коми-пермяков.

– И в какой степени этот образ соотносится с реальной фигурой святителя?

– Он никак не связан с реальной фигурой.

– Кажется, Стефан просто перевернул сознание современников накануне, как тогда считалось, конца света. То есть как раз в то время миссия не рассматривалась как задача Церкви – главным было молиться и спастись в преддверии прихода антихриста. Христианская ойкумена была определена – прочим же племенам и народам надлежало погибнуть непросвещёнными во тьме неверия. Стефан же первым перевернул сознание современников, решив заняться просвещением. Притом, думаю, определение «вмешиваться в духовную жизнь» не вполне точно. Так поступали католики со своей латынью, где силой, а где пропагандой обращая язычников в подчинение Риму...

– Да, в православной Церкви, в отличие от католической, не было органа пропаганды, специально занимавшейся практикой миссионерства. Об этом Карташёв пишет в «Истории Русской Церкви». Русские князья только подчиняли завоёванные племена силой оружия, и те просто начинали платить дань, и всё. То есть в духовную жизнь князья не вмешивались. Если те принимали православие, то стихийно, без насильственного крещения. Карел в XIII веке крестили только после того, как шведы начали обращать их в католичество. Только тогда наши очухались и стали крестить их в православие, чтобы оставить в своём подданстве. Чаще всего случалось, что, принимая православие, принимали и русский язык, и вливались в состав русского народа.

– Только надо заметить, что как такового даже понятия русификации в то время не существовало.

– Об этом даже и не думали. Всё проис-

ходило спонтанно. Есть такое понятие – монастырско-крестьянская колонизация. Его ввёл историк В. Ключевский в конце XIX века. Начинается она как раз во времена Стефана Пермского, и её инициатором считается Сергей Радонежский, первым основавший лесную обитель, вокруг которой вскоре образовался Троице-Сергиев монастырь. Так вот, из этого монастыря ушло множество монахов, строивших по примеру Сергия свои кельи удалённо в лесу. Но вскоре к такому подвижнику приходили другие, формировался монастырь, а возле него селились крестьяне-колонисты. Находился новый подвижник, искавший уединения в лесной пустыни, уходил из монастыря, строил свою келью в отдалении, и история повторялась. Так в течение двух столетий был колонизирован весь Русский Север, а его ведь населяли разные племена и народы, общее название которых сохранилось под именем «чудь». Колонисты селились рядом с ними, чудь крестилась и вместе с православием принимала русский язык. Стефан изменил эту практику, крестив коми народ проповедью на коми языке. Иными словами, в отличие от других «чудских» народов, коми принимали русскую веру на коми языке, не превращаясь при этом в русских. А с возникновением Пермской епархии устанавливаются административные границы, в которых проживает пермское православное население. Надо ли говорить, что эти границы становятся ещё и границами языков – колонизация как бы обтекает их, не входя в коми православную территорию. В средневековье это был единственный случай, когда в состав Руси вошла иноэтничная территория со своими административными границами. Это и был первый шаг от Московской Руси к Российской империи. Об этом, к сожалению, вообще не помнят. Ещё об одном подвиге Стефана Пермского тоже не знают, к сожалению. Но ведь он, по сути, включил коми язык в состав литургических языков Европы. На седьмом Вселенском Соборе был принят догмат о триязычии, и литургическими языками

ми были оставлены только греческий, латынь и иудейский. С некоторого времени в состав литургических включился и славянский. И так было порядка 500 лет, пока Стефан не перевёл на коми язык богослужебные книги и Литургию. За такие дела в средние века по головке не гладили. В Европе только за попытку перевести главы из Нового завета на народный язык могли сжечь на костре. И первые переводы на народные языки литургических текстов появляются только в связи Реформацией в протестантской среде.

– Наверно, всё-таки Запад больше придерживался буквы закона, а у нас было больше свободы, не было костров, таких жёстких вещей. Византийское христианство у нас не являлось такой формой духовного закрепощения язычников, не шло параллельно с «приобретением» территорий. Как писал в XI веке первый митрополит из русских Иларион в своём «Слове о законе и благодати», «Благодать и Истина всю землю наполнили, и вера на все народы распространилась». И вот Пермь-то и была крещена не по закону, а по благодати.

Стефан огромный пласт понятий привнёс для зырян. Но давай глянем с другой стороны, практической, так сказать: какой стимул у коми охотника был изучать незнакомые понятия? Ведь это не облегчало и не улучшало его жизнь, не давало ему никакого прироста. Вот отправляет лесной житель своего сына учиться вере и грамоте – какой у него стимул лишаться работника, помощника на охотничьих путях? И что это за чудесная сила, которая подвигала его самого изучать Священное Писание и новую азбуку?

– Наверное, это та же движущая сила, которая собрала вокруг Стефана зырян. Тут трудно сказать просто. Понимаешь, Житие Стефана Пермского – это, видимо, единственное Житие без чудес. Ведь и святого-то в Церкви прославляют обычно только после того, как подтверждены чудеса, совершивши-

еся по молитвам к нему. А Житие Стефана – это, можно сказать, этнографическое описание его путешествия, крещения зырян. Как Афанасий Никитин описал свои хождения за три моря, так и тут: Епифаний описывает хождение Стефана в далёкую северную землю. Движущая сила – это энергия самого Стефана, подкрепляемая молитвами и откликом на них Святого Духа. Но главное чудо в этом Житии – это крещение язычников и создание письменности, да ещё и рождение Пермской епархии. Стефану только три года потребовалось, чтобы объявить о рождении новой епархии. А это значит, что набралось уже достаточное количество крещёных пермян, и даже сформирована церковная иерархия.

– Кажется, Епифаний считает чудом то, что пермские люди, приготовившись убить Стефана, всё-таки не совершили этого... Ты помнишь, в советское время популярно было объяснение: пришёл военный отряд со Стефаном, у зырян забрали детей и отправили их учиться вере, потом предоставили христианам некоторые льготы в карьерном росте, а близость к Стефану давала некоторое влияние и власть – ну и вуаля...

– Ну какие могут быть льготы вообще в лесной чаще? Это из области советской атеистической мифологии. В романе Г. Юшкова «Бива», в целом очень хорошем, есть эпизод, где язычники принимают крещение из-за того, что Стефан даром раздаёт хлеб, привезённый из Устюга. Сама по себе, такая версия крещения для народа унижительна, к тому же, как мне кажется, едва ли в то время хлеб для народа охотников был актуальной пищей. С военными отрядами тоже напряжёнка. Даже если у Стефана был воинский отряд, то трудно представить, как эти дружинники искали бы охотников-пермян на пространстве в тысячи и тысячи квадратных километров. Вообще, история о кровавом крещении коми появляется в 1920-30-е годы, её апологетом был Игнатий Мосшег, коми-пермяк,

эмигрировавший в Финляндию. В его концепции крещения как раз много кровавых событий, а само крещение ему представлялось только методом закабаления коми крестьян московским режимом. Но мне кажется, эта версия просто не имеет смысла. Если коми-пермяне по летописи целовали крест на верность московскому князю ещё за пятьдесят лет до Стефана и исправно платили подати, то какой смысл их убивать? Я уже упоминал, что главный волхв Пермской земли назван Епифанием сотником, то есть является наместником Великого князя на этой земле. Если и были какие-то верительные грамоты от Дмитрия Донского у Стефана, то предъявить их он мог только Паму как должностному лицу. Поэтому сражений быть не могло, но диспут о вере, описанный Епифанием, вполне возможен. Это не политическая разборка, а богословская полемика. И она заканчивается эпизодом Божьего Суда между Стефаном и Памом сотником, испытанием огнём и водой.

– Тут просматриваются прямые параллели со святым Патриком Ирландским, жившим в IV веке. Он проповедовал по благословию Папы Римского, поэтому его почему-то называют католическим святым, хотя это неправильно: он жил ещё до разделения церквей. Высадившись на острове, Патриций, или Патрик, обратил прежде в христианство старейшин, как сообщает нам его житие, и только потом его миссия распространилась на народ. То есть пошёл традиционным в ту пору путём – так ведь и византийские миссионеры сначала крестили Великого князя Владимира, а уже потом крестился народ. Иное дело у Стефана: он начал не с попыток обратить Паму. Замечательна также параллель между тем, как Стефан на своей иконе Зырянской Троицы объяснял смысл Троицы деревом с тремя ветвями, и тем, как Патрик в ирландской столице Таре, говоря о Боге-Троице, показывал королю трилистник клевера.

– Епифаний говорит не об одном прении Стефана с волхвом, а о многих. То есть они много раз сходились для споров и не могли переубедить один другого. В Житии святого Патрика темы богословских диспутов вообще отсутствуют, но есть сцена Божьего суда, в целом схожая с ситуацией в Житии Стефана. Ирландский король Лойгуре приказывает друиду и святому Патрику бросить священные книги в воду. Друид отказывается, поскольку считает, что вода – Бог святого Патрика (намёк на крещение в воде). Тогда для испытания строят дом наполовину из сухого дерева, наполовину из сырого. В сырую половину входит друид в одежде святого, а в сухую – мальчик, ученик святого, в одежде друида. Дом поджигают, и друид сгорает живо, при этом одежда святого остаётся целой, остаётся невредимым среди огня и мальчик, ученик Патрика. У Епифания сцена суда выглядит не так радикально, Пам отказывается от суда, ссылаясь на то, что он не умеет заговаривать огонь и воду в отличие от Стефана. Есть и другие параллели в биографиях этих двух святых. Тот и другой стали героями местных легенд. Легенды о Патрике вошли в состав его Жития, о Стефане – частично в Повесть о Стефане Пермском XVI века, но большая часть так и осталась в фольклоре народа. Мне вот неизвестны легенды о других крестителях. Ни одной легенды о крещении Руси Владимиром почему-то нет. Героем былин Владимир может быть, а вот о нём как о крестителе народа легенд не записано.

– Не связано ли возникновение легенд вокруг святых с тем, что крещение идёт не через элиты, а через народ? То есть я опять о своём: если крещение происходит «снизу», тогда в народе возникают эти легенды, которые потом соединяются в какой-нибудь свод, типа сказаний. А где был классический путь просвещения – через элиты – тогда просто не было культурной почвы, на которой мог бы вырасти народный герой, богатырь, каким и стал в конце концов Стефан.

– Похоже на то. Среди легенд о Стефане-крестителе основная часть – о том, как он, проплывая мимо или проходя, даёт название селу, местности, прозвища людям. Иными словами, чуть ли не каждое поселение имело свою легенду о Стефане и связывало себя и жителей с образом Стефана. Неважно как: язычники ли его там камнями закидали или похвастались, что снова ели белок, запрещённых крестителем. Главное в том, что они сами этой легендой включаются в одно пространство со Стефаном-крестителем и обретают какую-то подлинность. А легенды о состязаниях в магии с тунами так и вообще похожи на сражения шаманов, и Стефан выступает в них как эпический герой.

– В том, что над XIV веком возвышаются две такие фигуры, как Сергей Радонежский и Стефан Пермский, есть какая-то логика. Это символы или, скажем так, два крыла Церкви, два главных церковных подвига: один – молитвенник за Русь, а другой – просветитель. В каком-то смысле друг друга они дополняют. Почему же, на твой взгляд, путь Сергия нашёл многочисленных продолжателей, а Стефановский практически заглох, и только в XIX веке по-настоящему пошли миссионеры на восток?

– Ты не совсем прав. Конечно, лидером духовного Возрождения Руси был Сергей Радонежский, с него начинается то, что вошло в историю понятием Святая Русь. Но Стефановский путь тоже не заглох. Начиная с присоединения территории Перми Вычегодской, идёт движение Руси на восток, в Сибирь. Крещение Перми Вычегодской стало началом движения от Руси к Российской империи, – и в этом тоже следствие духовного подвига Стефана Пермского. Нельзя разделять подвиг Стефана и Сергия, потому что Русь-Россия именно так и создавалась, одновременно в пространстве и духовном, и имперском.

– Более того, эти два духовных брата стали краеугольным камнем всей дальнейшей христианской культуры. Благодаря им Русская Церковь перестала быть русской в национальном смысле, а стала вселенской.

– В Киеве, в Софийском соборе, есть фреска Васнецова, на которой изображены Сергей Радонежский, Стефан Пермский, митрополиты Пётр и Алексий. Четыре фигуры, которые создали вообще-то Московскую Русь.

– Но всё же степень почитания Сергия и Стефана в Отечестве ныне несопоставима. Да, были последователи у Стефана – тот же Феодорит Кольский, просветитель лопарей. Но в целом путь Стефана долгое время был мало востребован, хотя он, конечно, имел общехристианское значение. Значит ли это, что эта стезя чрезвычайно зависит от личных качеств человека, весь необходимый набор которых встречается у одного человека очень редко? Ну и обстоятельства – оказаться по Божьему произволению в нужное время в нужном месте – тоже...

– Мы опять возвращаемся к вопросу о личной харизме Стефана. Харизматичный лидер – тот, кто своими качествами личными объединяет вокруг себя людей.

Конечно, Стефана чтити ещё при жизни. Иначе после смерти, конечно, его не положили бы в великокняжеской усыпальнице Спаса на Бору в Кремле. Но дело даже не в этом. Его почитали и после кончины – до канонизации. Почитали как святого. До канонизации он считался предстоятелем Церкви наравне с Сергием Радонежским, Варлаамом Хутынским. И его канонизировали на Соборе митрополита Макария в 1549 году в числе первых сорока русских святых. Но ещё за столет до общецерковной канонизации Стефан почитался как местночтимый святой, и епископ Пермский и Вологодский Филофей заказал Проложное Житие Стефана и акафист Пахомию Сербу в 1472 году. Только вот

что непонятно, чей местночтимый святой был Стефан, если его мощи покоились в Кремлёвской церкви Спаса на Бору? Пермский или московский?

– Я здесь хочу уточнить: до Макарьевских поместных соборов 1547 и 1549 годов, когда установилось празднование Собора Российских чудотворцев, формально все русские святые были местночтимыми, что не исключало их почитание во всех уголках Великой Руси.

– Так всё же каким святым считать Стефана? Он не был местночтимым, поскольку был похоронен в Москве и сразу воспринимался как общерусский святой. Хотя да, официальная канонизация всех святых русских, в том числе Сергия Радонежского, произошла как раз на Макарьевских Соборах.

– Думаю, это многое может нам сказать об обществе того времени. Оно было по-настоящему христианским, понимающим смысл христианского служения и значение проповеди Стефана. А ведь если, условно говоря, перенести Стефана в век восемнадцатый, то с его проектом он бы не только разрешения не получил, но скорей всего получил бы от синодалов церковные прещения. За несколько веков произошла деградация церковной жизни. Пропало понимание того, что, кроме стяжания личного благочестия, на каждом христианине лежит обязанность нести слово Божие непрояснённым.

Как ты считаешь, обширным ли было личное творчество Стефана? Считается, что он был иконописцем, духовным писателем. Известно несколько его посланий, например, Дмитрию Донскому...

– Сохранились единичные его сочинения, но я думаю, что скорей всего их было много. Многие утеряны, но, возможно, в архивах что-то и сохранилось.

– У тебя есть надежда, что мы в них ещё что-то можем найти? Да-да, понимаю: всё-таки наши архивы очень плохо изучены, исследуются не целиком, а какими-то очень узкими специалистами. Да и стефановские сочинения могут быть не в оригинале, не подписаны или не его рукой написаны, а переписанными кем-то...

– Когда упразднили епархию в Усть-Выми, все бумаги перевезли в Вологду. И все тексты, как-то связанные со Стефаном, возможно, тоже были вместе с ними увезены. Но потом миграцию этих текстов совершенно невозможно проследить. Есть один московский исследователь, наш земляк, Борис Николаевич Морозов. Он давно уже в стефановской теме и, кстати, находит в ярославских и в московских архивах книги, в которых есть надписи стефановскими буквами. Он и утверждает, что архивами надо заниматься вплотную, надо си-

деть в архивах, и тогда непременно что-то может всплыть. Но я пока не вижу исследователя, который бы этим делом занялся.

– Ты как учёный видишь перспективы, назовём так, стефановедения? В каком направлении двигаться?

– Самым перспективным мне видится изучение как раз этих архивных материалов. Поиски в архивах следа стефановских рукописей. И не только стефановских, но и постстефановских, ведь были другие очень образованные архиереи. Тот же самый Питирим Пермский. Есть такая версия, что повесть о Петре и Февронии была написана Питиримом Пермским, который одно время был настоятелем Чудова монастыря. Первое житие святителя Алексия, кстати, тоже Питиримом составлено. Да и Иона, который продолжил стефановскую миссию в Великой Перми...

Беседовал Игорь Иванов.

Павел Лимеров

Памятник литературы Верхней Вычегды: *Сöбирайтчöм рад* – Соборный чин

Рождение коми-зырянской литературной традиции приходится на конец XIV века и связывается с переводами Стефаном Пермским на коми язык богослужебных книг. Начиная с этого времени, переводческая деятельность не прерывалась и сыграла основополагающую роль в развитии коми литературного языка¹.

В XIX веке переводы на коми язык религиозной литературы получают поддержку православной церкви и государства, начинается массовое издание церковной литературы на коми языке. В это же время издаются первые зырянские грамматики, предполагающие нормы коми литературного языка. К концу XIX века переводческая деятельность уже имеет статус официальной программы, и на коми язык переводят не только церковную литературу, но и тексты светского содержания. И вдруг на фоне этой вполне благополучной картины в конце XIX века на Верхней Вычегде происходит рождение автохтонной литературно-письменной традиции, независимой от развития официальной линии. Эта новая литературная традиция была связана с появлением в ряде верхневычегодских волостей – в сёлах Мыёлдино, Усть-Нем, Пожег – секты *бурсьылысьяс* (в традиционном переводе – *Певцов Добра*).

Основателем секты был крестьянин села Мыёлдино Стефан Артемьевич Ермолин, поначалу переводивший на коми язык проповеди священника Мыёлдинской церкви, вскоре однако переключившийся на самостоятельную религиозную деятельность. Для этого требовалась соответствующая литература на коми языке, и Ермолин переводил на коми язык (верхневычегодский диалект) различные богослужебные тексты, включая Псалтырь, акафисты, каноны, а также духовные стихи. Кроме того, он составлял проповеди на коми языке, возможно, что он автор многих духовных песен. Деятельность Ермолина получила поддержку среди местного населения, и с этого времени переводы религиозных текстов на коми язык обретают массовый характер. Формируются рукописные сборники, включающие духовные песни, стихи, молитвы, акафисты на русском и коми языках; сборники передаются по наследству, переписываются, как правило, в ученические тетради. Эта массовая рукописная литература до настоящего времени имеет хождение в ряде верхневычегодских сёл, но остаётся малоизученной. Посвящённые ей несколько публикаций (см. ниже) далеко не исчерпывают тему. Остаётся неизученным и само вероучение секты *бурсьылысьяс*, в своей мистической составляющей расхоронившееся с учением Русской православной церкви.

¹ Федюнёва Г. В. Письменность и становление коми литературной традиции // Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности: Колл. монография / В. М. Ванюшев и др.; науч. ред. Т. А. Снигирева, Е. К. Созина; Российская акад. наук, Уральское отд-ние, Ин-т истории и археологии, Удмуртский ин-т истории, языка и литературы, Ин-т языка, литературы и истории Коми НЦ. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2014. С. 33.

Село Мыёлдино. Вид на р. Вычегду.

В ходе экспедиционных исследований 2000-х годов нами были получены новые материалы, проливающие свет на богословие Певцов. Особенно это касается рукописи «Собирайтчём рад» («Соборный чин»), представляющей оригинальный литературный текст, созданный в среде Певцов, возможно, самим Стефаном Ермолиным.

Возникновение секты *бурсылысьяс* фиксируется в ряде доносов священника села Мыёлдино в епархиальное ведомство. Священник пишет жалобы на Стефана Артемьевича Ермолина, крестьянина села Мыёлдино Усть-Сысольского уезда, устраивающего самостоятельные духовные беседы, отвлекающие прихожан от церковных богослужений. В 1905 году епархиальное ведомство запрещает Ермолину «учительствовать», с него берётся письменное обязательство не проводить в дальнейшем духовных собраний, а также налагается штраф². Однако епархиальные санкции ни к чему не приводят, и Ермолин продолжает свою деятельность. В 1912 году в Усть-Сысольский уезд направляют специальную миссию для расследования действий Ермолина. По итогам этой миссии была опубликована статья в «Вологодских епархиальных ведомостях», автор которой имени своего не указал, подписавшись псевдонимом Вологжанин³. Написана статья живо, содержит множество фактических сведений о самом Стефане Ермолине и характере его деятельности. Она позволяет сделать вывод, что Ермолин – человек религиозно одарённый, хорошо говоривший по-русски, знавший Священное Писание и имевший представление о литургии. Знание Ермолиным русского языка говорит о том, что

² Гагарин Ю. В. История религии и атеизма народа коми. М.: Наука, 1978. С. 219.

³ Вологжанин. Новый «братец» Стефан Вологодский. Материалы для истории новейшего мистического сектанства // Вологодские епархиальные ведомости, 1912. № 19. С. 477–483; № 20. С. 504–512; № 21. С. 531–532; № 22. С. 557–561.

Поминальный обед и пение духовных песен. с. Мыёлдино.

какое-то время он жил в русских губерниях, где мог ознакомиться с деятельностью русских мистических сект⁴. Во всяком случае, к началу самостоятельной религиозной деятельности в 1895 году Ермолин имел представление о богослужебных собраниях русских сектантов – о так называемых «беседах» и «радениях»⁵. Поэтому он называет свои собрания *буркывзём*. Это слово с лёгкой руки того самого Вологжанина переводят как «беседа», что не совсем верно. Аналогом русскому слову «беседа»⁶ в коми языке является слово *сёрни* («беседа, разговор»). Вполне вероятно, что Ермолин не мог называть свои радения нейтральным *сёрни*, поэтому придумал неологизм *буркывзём*, соединив два слова *бур* и *кывзём* («добро, благо» + «слушание»). Это словосочетание не употребляется в разговорном коми языке, но в религиозном контексте приобретает необычные для нейтральной речи коннотации. *Буркывзём* буквально переводится как «благослушание», иными словами «слушание Благовестия», то есть Евангелия⁷. Соответственно, сам Ермолин называет себя *бурвисьталысь*, то есть «рассказывающий о Благой весте, благовестник». Такими же неологизмами являются и обозначения всей группы сподвижников Ермолина – *бурсьылысьяс* (буквально – «благопоющие», иначе – «Певцы Благовестия»), а также прихожан Ермолина – *буркывзысьяс* («слушающие Благовестие»)⁸.

⁴ Нельзя исключать, что Ермолин был знаком с духовными практиками старообрядцев соседней Керчомской волости и старообрядческих сёл Верхней Печоры.

⁵ Под «радением» понимаются торжественные моления с последующими экстатическими плясками, а также вся совокупность обрядового церемониала сектантов (см. об этом: Панченко А. А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М.: ОГИ, 2002. С. 235).

⁶ Вологжанин. Новый «братец» Стефан Вологодский... № 19. С. 478.

⁷ Современный перевод слова Евангелие на коми язык – *Бурвисьталём*.

⁸ Как было сказано выше, в литературе *бурсьылысьяс*, как правило, переводится как «Певцы Добра».

Первоначально Ермолин действительно помогает местному священнику, переводя его проповеди на доступный прихожанам коми язык, но уже вскоре начинает проповедовать самостоятельно. Изучавший этот вопрос Ю. В. Гагарин отмечает, что Ермолин переводит на коми язык что-то из Псалтыри, а также сочиняет духовные песни⁹. Замечание важное, поскольку переводы и самостоятельное творчество на коми языке в дальнейшем становятся характерной особенностью деятельности не только самого Ермолина, но и последующих приверженцев вероучения *бурсьылысьяс*. Таким образом, причиной успеха Ермолина среди крестьян Мыёлдинской волости стал языковой фактор: его проповеди на зырянском языке понимались прихожанами. Фактор немаловажный: дело в том, что в конце XIX века ломались старинные сословные привилегии зырянского духовенства и на зырянские приходы всё чаще стали распределяться русские священники, не знавшие коми языка. Если священники-зыряне сами доступно объясняли прихожанам слова проповеди, переводя её на коми язык, то русский священник этого сделать не мог, из-за чего между ним и прихожанами неизбежно возникала языковая пропасть, преодолеть которую можно было только выучив зырянский язык. На этом фоне проповедь Ермолина на родном для прихожан языке становилась более приемлемой, чем храмовая служба на непонятном церковно-славянском.

Однако языковой фактор едва ли был единственным. Немаловажную роль играла и религиозная харизма Стефана Ермолина, без которой успех его проповеди был бы не таким всеобъемлющим. Призванный расследовать феномен Ермолина Вологжанин пишет: «Стефан имеет какую-то особенную силу, которая притягивает к нему народ. Как тянет ко греху какому-нибудь или к вину, так тянет к Стефану. Женщины оставляют дом, детей, скот безвсякой жалости и проводят время до полночи. Ничего не жалко – только бы видеть и слышать Стефана. Один мужчина говорил своей жене: “Женщина она грамотная. У меня есть Евангелие, молитвослов и другие книги. Молись, говорю ей, – дома, так нет, дома ведь нет никакого усердия”»¹⁰. В другом месте этой же статьи Вологжанин сетует, что мыёлдинские женщины предпочитают литургии проповедь Ермолина, отправляясь послушать его за двадцать вёрст в с. Усть-Нем, а побывавшие в церкви мужики говорят: «Хорошо сказал сегодня батюшка, должно быть, поучился у нашего дяди Стефана!»¹¹

Религиозный авторитет Ермолина поддерживался и его даром «прозорливости»: считалось, будто бы он слышит мысли других, может узнать о событиях, происходящих в отдалённом от него месте, определяет степень греховности стоящего перед ним человека. Воздействие Ермолина на обычных людей было огромным. Приобщившись к его беседам, многие переставали употреблять спиртное, курить, начинали вести благопристойный образ жизни. Отвечая на вопросы Вологжанина, крестьяне отмечали, что после проповедей Ермолина изменилась их жизнь. Так, один из последователей Ермолина, А. Д. Чисталёв, указывал, что прежде он вёл «жизнь худую и грешную», а после того, как стал слушать Стефана, полностью переменялся, почувствовал на душе радость¹². Авторитет Ермолина поддерживался верой прихожан в его святость, в благодать, данную ему от Бога, которая подтверждалась слухами о том, что одежда его сама по себе светится, а над головами его последователей видят «светящиеся кружки» (нимбы). Признаком святости Ермолина были и его видения. В своей беседе с Вологжанином он сам признавался,

⁹ Гагарин Ю. В. История религии и атеизма народа коми. С. 218.

¹⁰ Вологжанин. Новый «братец» Стефан Вологодский... № 19. С. 480.

¹¹ Там же. № 22. С. 558.

¹² Там же. № 20. С. 506.

что его служение началось после того, как ему были явлены два креста: простой и восьмиконечный¹³. Это видение, не доступное обычному человеку, можно воспринять только «сердечными очами» – духовным зрением, и дало ему веру.

Понятие о духовном зрении лежит в основе учения Стефана Ермолина и является одним из значимых компонентов мистической составляющей его бесед *буркывзём*. Это особая благодать, ниспосланная Богом наиболее достойным адептам *бурсьылысьяс*. «Сердечными очами» можно видеть Иисуса Христа и ангелов, незримые кресты, которые даются в «горнем мире» устроителям бесед, нимбы над головами наиболее верных сподвижников Ермолина, иными словами, внутренним зрением видят истинное положение вещей. На замечание Вологжанина о том, что его видения креста «сердечными очами» могут быть прелестью, Ермолин отвечал, что дьявол может показаться человеку по-разному, но не в виде креста. С представлениями о духовном зрении связан и обычай *бурсьылысьяс* опускать глаза вниз, не глядеть прямо на человека при разговоре, а для женщин – прикрывать лица платком, ср.: «Если будешь смотреть на человека, то не увидишь ни Иисуса, ни ангелов»¹⁴.

По данным Ю. В. Гагарина, для *бурсьылысьяс* было характерно «обожествление» своих проповедников¹⁵. Не совсем ясно, признавали ли Певцы воплощением Иисуса Христа самого Ермолина. Гагарин отмечал, что будто бы почитатели Ермолина называли его Христом и пили воду, в которой он мыл ноги¹⁶. Вологжанин также приводил подобные примеры, но среди всех грехов Ермолина наибольшим называл «самовосхищение» им учительского звания¹⁷. Скорее всего, речь идёт о некоторых признаках «богоподобия» Стефана Ермолина, а не о божественном воплощении, как это свойственно христовщине. Тем не менее влияние христовщины на учение Певцов обнаруживается – хотя бы в представлении о возможном воплощении Богородицы в какую-либо из женщин-*бурсьылысьяс*. Так, Вологжанин пишет о раскаявшейся женщине, признавшей, что в среде Певцов её считали «богородицей». Она в то время якобы была больна душевно и после ничего об этом не помнила¹⁸. Если Вологжанин упоминает только об одном таком случае, то Гагарин пишет, что в 1920-е годы воплощения «богородиц» приняли едва ли не множественный характер¹⁹. В особом экстатическом состоянии, которое объяснялось нисхождением Святого Духа – *Дук пыр аддзём*, женщины-«богородицы» изрекали «пророчества». Усиление «богородичного» пророческого аспекта в движении *бурсьылысьяс* можно объяснить общим эсхатологическим настроением общества в постреволюционное время, а также некоторыми изменениями в сторону экстастики в обрядовых практиках *бурсьылысьяс*, происшедших уже после смерти Стефана Ермолина. Так, именно в 1920-е годы появляется обряд «умирания и воскресения», когда во время моления один из участников внезапно «умирал», а «воскреснув» рассказывал о своих видениях²⁰.

Изначально беседы-*буркывзём* Ермолина ограничивались чтением и толкованием переведённых на коми язык Псалтыри и Священного Писания. Однако некоторое время спустя появляется определённая структура бесед-*буркывзём*, предполагающая чередование чтения и толкования богослужебных текстов, пение духовных стихов

¹³ Там же. С. 511.

¹⁴ Там же. № 19. С. 511

¹⁵ Гагарин Ю. В. История религии и атеизма народа коми. С. 220.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Вологжанин. Новый «братец» Стефан Вологодский... № 19. С. 508.

¹⁸ Вологжанин. Там же. № 21. С. 582.

¹⁹ Гагарин Ю. В. История религии и атеизма народа коми. С. 253.

²⁰ Там же.

Д. Г. Игнатова со своими книгами.
с. Усть-Нем.

и проповедь самого Ермолина. Соответственно, беседа-буркывзём растягивалась по времени на весь день, с небольшими перерывами на приём пищи и отдых проповедника. Общий распорядок бесед известен из записей епархиальных миссионеров. Впервые его с некоторой снисходительностью и иронией представил тот же Вологжанин²¹, но более детально распорядок рассмотрен в работе Ю. В. Гагарина: «общая утренняя молитва, чаепитие, проповедь и толкование писания, обед, пение духовных песен, чай, беседа проповедника, пение, чай и ужин, вечерняя молитва, акафист»²². Сам Ермолин сидел в красном углу на подушке, рядом с ним располагались его певчие – собственно, *бурсылысьяс*. Собеседники сидели на лавках лицом к проповеднику и иконам. Очевидно, что все желающие послушать Ермолина на лавках не помещались, по данным того же вологодского миссионера, на беседу собиралось от тридцати до шестидесяти человек. Всех их надо было кормить, и крестьянской семье беседа обходилась довольно дорого, порядка 3–5 рублей. В качестве компенсации материальных затрат семья обретала духовные дары: считалось, что хозяин, устроивший одну беседу, получал невидимый медный крест, за вторую – серебряный крест, а за третью – золотой. При этом третья беседа приравнивалась паломничеству в Иерусалим, и за неё списывались грехи всего семейства. Сама же беседа равнялась Обедне.

Важно отметить экстатическое воздействие бесед. Вологжанин пишет, что люди во время беседы «теряют душевное равновесие» и выглядят сумасшедшими. Это состояние непонятного веселья, радости люди называют *Ен кодён кодалём* – ‘Пьянством от Бога’. На них будто бы снисходит Святой Дух, и от этого

²¹ Вологжанин. Новый «братец» Стефан Вологодский... № 19. С. 479.

²² Гагарин Ю. В. История религии и атеизма народа коми. С. 253.

они становятся пьяны: «веселье их во имя Христово». Причём с виду эти люди производили то же впечатление, как и от употребления алкоголя²³. Гагарин объясняет религиозный экстаз тем, что во время беседы верующие находились в полной отрешённости, совершали длительные, «изнурительные моления», слушали или исполняли «заунывное пение»²⁴. Эти компоненты, конечно, оказывали воздействие на собеседников, но едва ли были основными. Природа вхождения в экстатическое состояние непонятна, хотя, по сообщению этнографа И. Н. Ильиной, в 1981 году один из информантов указывал, что приехавшая из села Мыёлдино в начале 1960-х годов в деревню Дзоль женщина-бурсьылысь учила молиться *кружением*, но ни у кого не получалось²⁵. Несмотря на то, что это единичный факт, он красноречиво свидетельствует, что у *бурсьылысьяс* практиковались специальные действия, подобные радельным хождениям или кружениям в христовщине²⁶.

Очевидно, что некоей техникой вхождения в экстатическое состояние владел сам Стефан Ермолин: люди, опрашиваемые Вологжанином, указывали именно на него. «Духовное пьянство» и состояние общей сопричастности Святому Духу, как говорил один из свидетелей бесед, – состояние общей радости, были более привлекательными для крестьян, чем церковная Обедня. Кроме того, крестьяне приходили на беседы послушать пророков из среды *бурсьылысьяс*, которым во время беседы открывался доступ к неким каналам сакральной информации. Пророчество изначально занимало важное место в движении *бурсьылысьяс*, но в 1920-е годы, очевидно, в связи с возросшими

Библиотека верующего.
с. Усть-Нем.

²³ Вологжанин. Новый «братец» Стефан Вологодский... № 19. С. 481.

²⁴ Гагарин Ю. В. История религии и атеизма народа коми. С. 219.

²⁵ Устное сообщение И. Н. Ильиной.

²⁶ Панченко А. А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. С. 235–261.

Чин панихиды.
с. Мыёлдино.

эсхатологическими настроениями в обществе пророчествующих стало особенно много. Современный исследователь А. А. Чувьуров пишет, что в одном из донесений ОГПУ за 1925 год сообщалось, будто среди *бурсьылысьяс* насчитывается уже около 80 пророков²⁷. В те же 1920-е годы меняется и структура самих моленных собраний секты. Как отмечает Гагарин, беседы на коми языке сохраняли своё значение, но наряду с ними появился обряд умирения и воскресения, когда один или несколько человек во время моления падали на пол и «умирали» – пребывали в состоянии полной бесчувственности порядка двух часов, а затем «воскресали», приходили в себя, – их осеяли крестным знамением, повторяя: «Христос воскрес!» Воскресшие рассказывали о своих встречах с Богом, ангелами, но чаще всего – с душами умерших²⁸. Этот обряд практиковался довольно долго, во всяком случае, во время полевых экспедиционных исследований конца 1990-х – начала 2000-х годов в верхневичегодских сёлах ещё были живы свидетели этого обряда. По их рассказам, сам обряд совершался в круге: молящиеся стояли друг против друга, пели духовные песни, ожидая сошествия Святого Духа. Когда Дух сходил на кого-то из молящихся, человек падал замертво, а затем рассказывал о своих видениях. По словам Евдокии Тимовны Шаховой из села Пожег, во время «умирания» пророки, как правило, встречались с родителями²⁹. В Пожеге были свои пророки, но наибольшим авторитетом пользовались пророки из села Мыёлдино. Такой пророчицей в 1930–60-е годы считалась Наста пӧч (бабушка Наста), которая, живя в Мыёлдино, знала о новостях в Пожеге лучше, чем сами пожегодские. Считается,

²⁷ Чувьуров А. А. Гендерные отношения в религиозно-мистических сообществах // Мифология и повседневность. Гендерный подход в антропологических дисциплинах. СПб.: Алетей, 2001. С. 78.

²⁸ Гагарин Ю. В. История религии и атеизма народа коми. С. 253.

²⁹ Полевые материалы автора.

что она предсказала начало войны и её окончание. По словам информанта, в селе не было радио и никто не знал новостей. Но Наста пöч 9 мая ранним утром бегала по селу и кричала: «Гöрд петук вермис!» (Красный петух победил!), возвещая победу Красной армии³⁰.

Религиозные практики *бурсьылысьяс* сходят на нет в годы репрессий конца 1930-х годов, когда были арестованы наиболее яркие из духовидцев. Обратнo в сёла они уже не вернулись, так что традиция духовидения оказалась прерванной. Тем не менее религиозная жизнь в верхневыхегодских сёлах не прекращалась, несмотря на репрессии, прямые запреты и активную атеистическую пропаганду. Во все советские годы существовали общины верующих, бравших на себя ответственность за обрядовую жизнь в этих сёлах. Они проводили службы на местные престольные праздники и на некоторые основные православные праздники, но в основном исполняли обряды крещения и погребения. В настоящее время эти общины уже не считают себя *бурсьылысьяс*, хотя исполняют те же духовные песни, а также используют (переписывают) их рукописи или создают новые, ориентируясь на рукописную традицию Певцов.

Рукописи *бурсьылысьяс*, впрочем, как и вся рукописная традиция верхневыхегодского анклава, не часто становились объектом специального изучения. Это вполне объяснимо, поскольку для исследователей советского периода рукописи *бурсьылысьяс* не представляли интереса ввиду их религиозного содержания, тем более что сама рукописная традиция являлась сравнительно молодой и имела хождение в формате обычных школьных тетрадей, т. е. не была достаточно репрезентативной. В поле зрения науки рукописи

Обряд 40-го дня. Окуривание полотенца.
с. Мыёлдино.

³⁰ Полевые материалы автора.

И. Е. Паршукова с книгами.
с. Мыёлдино.

бурсьылысьяс попадают сравнительно поздно, только в конце 1990-х – начале 2000-х годов благодаря трудам А. А. Чувьурова, опубликовавшего ряд специальных статей и текстов из рукописей *бурсьылысьяс*³¹. В последние годы вышла статья Е. В. Прокуратовой, рассмотревшей некоторые сюжеты рукописной традиции вычегодских коми³².

В 2000, 2004 и 2005 годах мы проводили специальные полевые исследования в сёлах Пожег, Мыёлдино, Усть-Нем, Помоздино Усть-Куломского района Республики Коми для фиксации рукописной и исполнительской традиции верхневьчегодских коми. Как уже некогда отмечал А. А. Чувьуров, рукописная традиция Верхней Вычегды – явление уникальное в своей массовости, уникальное тем, что переписыванием текстов занимаются не отдельные грамотные «книжники»³³, а вполне светские люди, часто даже не имеющие отношения к религиозной деятельности. Информанты указывают, что нередко ещё в детстве родители заставляли их переписывать тексты из бабушкиных старых тетрадей в новые. Естественно, так происходило в семьях, в которых взрослые вели активную религиозную жизнь. В таких семьях хранятся как старые рукописные сборники, оставшиеся от предыдущего поколения, так и новые, составленные уже в настоящее время.

Рукопись «*Сөбйрайтчөм рад*» была предоставлена Р. И. Зайковой, жительницей села Мыёлдино. Текст на верхневьчегодском диалекте коми языка, с многочисленными вставками церковнославянизмов. Название «*Сөбйрайтчөм рад*» состоит

³¹ Чувьуров А. А. Духовные стихи в религиозной и обрядовой жизни вычегодских и печорских коми // Духовная культура Севера: итоги и перспективы исследований / Отв. ред. Т. Ф. Волкова. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2002. С. 62–69; Чувьуров А. А. Рукописная традиция вычегодских коми // Русский Север: Аспекты уникального в этнокультурной истории и народной традиции. Вып. 6. СПб.: МАЭ РАН, 2004. С. 385–415.

³² Прокуратова Е. В. Духовные стихи на евангельские сюжеты в рукописной традиции крестьян верхней Вычегды // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 12 (90). Ч. 3. С. 458–481.

³³ Чувьуров А. А. Рукописная традиция вычегодских коми. С. 387.

из двух искажённых русских слов, но по смыслу его надо переводить как «Соборный чин», поскольку слово *рад* (русс. «ряд») здесь употреблено как синоним слову *арт* 'порядок, чин'. Этот служебный текст *бурсьылысьяс*, скорее всего, был составлен для чтения или пения на беседах. По композиции «Сөбирайтчөм рад» состоит из Вступления и основной части. Вступление содержит три части, озаглавленные как «Песнь», на 3 листах, основной текст представляет собой последование 37 отдельных Песней. В отличие от Вступления, Песни основного текста пронумерованы: Песнь 1, Песнь 2 и т. д. В состав Песней также включены несколько духовных песен, обозначенные в тетради как «Молитвы». *Песнь* в данном случае противопоставлена обычной песне, для этого жанра в коми языке есть слово *сьыланкыв* «песня», а исполнение духовных песен отражено в самоназвании секты – *бурсьылысьяс*. По всей видимости, пелись «Сөбирайтчөм рад» одним чтецом или же несколькими во время богослужения. Тексты Песней не имеют синтаксического оформления в предложения, точки и запятые не несут пунктуационного значения, они вкупе с вертикальными чёрточками разделяют текст на ритмические паузы. К примеру:

«Помнитой Господлис. / Терпитьсяс переменитчасни и крепосте./ Бордасасни кыдчи и ороляс. Сполнея веритчей Господ сетас крепост асласи йозли» (Помните Господа. Терпеливые переменятся и окрепнут. / Окрылятся как орлы. Сполна верьте, Господь даст крепость своим людям») (л. 1)³⁴.

Многочисленные вставки союза «и» между словами служат для удобства исполнения пением и также не имеют смыслового значения. В целом, автор текста не имел понятия о современной коми грамматике, в том числе и орфографии. Например, употребляет «щ» вместо «дж», «дч» вместо «дз», «е» вместо «э», «и» вместо «ы», не знает разделительных свойств мягкого знака. Подобные «ошибки» говорят о том, что автор писал этот текст до принятия грамматических норм коми языка в 1920-х годах. Подражание печатному полууставу, использование знака ъ в конце слов в некоторых местах основной части также позволяют предположить, что текст переписан с более раннего протографа. К числу особенностей следует отнести множественные включения слов русской и церковнославянской лексики в структуру текста: «Благословен же вед эм Крестос Ен и миян, коди зев мудрей кыйсисясөси явитис, ыстис нали Духи Святеес» (Благословен же есть Христос Бог и наш, кто очень мудро ловителей и явил, послал им Духа и Святого) (л. 2). В данном предложении шесть слов церковнославянской лексики – при том, что этим словам можно найти соответствующие по значению аналоги в коми языке. Подобное включение церковнославянских слов говорит о намерении приблизить текст к церковному богослужебному формату. С этой же целью автор придаёт коми словам дополнительные христианские религиозные оттенки смысла, к примеру, в приведённом предложении слово *кыйсьысь* буквально переводится как «охотник», но в данном контексте имеет значение «ловитель».

Все эти детали позволяют предположительно датировать текст началом XX века, и его автором мог быть с большой долей вероятности сам Стефан Ермолин. В тексте «Чина» обнаруживаются ключевые положения ермолинского учения. Это, во-первых, представление о получении религиозного знания Ермолиным непосредственно от самого Бога. Об этом Вологжанин пишет со слов Ермолина: «Стефан получает от Бога знание, Бог ему открывает. Сам же Бог дал ему власть учить» [Вологжанин, № 20, с. 512]. Во-вторых,

³⁴ Здесь и далее текст «Чина» по рукописи [ФФ ИЯЛИ Р1205] в переводе с коми языка автора статьи. Далее приводим тексты в переводе, листы указываем в скобках.

это положение о незримом обычному зрению кресте, которое Вологжанин называет «основным учением Стефана» [там же, с. 511]. В-третьих, это положение о внутреннем зрении – «сердечных очах». Эти три аспекта вероучения Певцов известны в литературе, но уже в первых трёх песнях Вступления они раскрываются во всей полноте. Мы приводим текст «Чина» в переводе с коми языка на русский, по возможности учитывая особенности орфографии и пунктуации текста оригинала.

Сөбирайтчөм рад – Соборный чин*

Песнь

Помните Господа. Терпеливые переменятся и окрепнут, окрылятся как орлы. Сполна верьте, Господь даст крепость своим людям. Господь благословит своих людей покоем. Когда вы укрепитесь Великим Духом, тогда твой дух долгожданная радость обнимет. Людей любящий Господь, Истина же Твоя была и Глагол. Легко мне, сын мой, и хорошо. Хорошо же мне (от) Закона из Твоего рта, лучше тысяч золотников и серебряников. На Фаворе было сказано: Он есть Сын Мой возлюбленный, слушайте Его. Вот как было угодно Небесному Отцу. Пусть, мы станем слушать учение возлюбленного Сына. Через Него человек станет приятным Богу. Как и сказано в Писании: кого любит Господь, только тот живет в Премудрости. Его Премудрость слышит. Премудрая беседа Господа делает нас друзьями Богу. Пророков так Господь назвал своим ученикам: Вы друзья мои.

Песнь

Радуйтесь русские православные люди: глубокое, прекрасное, бесценное дарование вам послано Господом. Вот еще древние отцы бродили во тьме, глубоко (в неё) погружаясь от незнания, а вы поставлены хранить истину, избраны вы молиться кресту. Но не забывайте истину даже на время, (не думайте) что есть дар больше этого, должен (ты) из глубины души благодарить, этим (даром) мудро пользоваться, больше стараться, и нужно заботливо хранить этот (дар). Несите же достойно знамя креста Христа, будьте чистой посудой Божьей благодати. Без сна нужно хранить этот дар. Этой песни научил Андрей Первый Званный, поставил перед собой крест – всегда креститесь.

Песнь

Благословен же ведь есть Христос Бог наш, который явил очень мудрых ловителей и послал им Духа Святого. Им они и поймали вселенную. Любящий человек слава Тебе. Прославим Господа своим телом и своим духом. А ты милостивый сердцем и Господь сподоби и помоги Нам чистым сердцем Тебя славить и хвалить. Христос и Спаситель своим и воскресением ты являлся своим ученикам. Особенно когда они собирались, вместе и беседовали о Тебе. Научил и нас во всякое время беседовать о Тебе. И мы тогда будем во веки о Тебе радоваться. Воссияла и жизнь из гроба и наша, истина ведь в этом.

Господи и Иисус Христос открой мои глаза сердца (зрение сердца). Твои слова слышать и разуметь. Стараться по ним (жить), потому что я есть на земле странник. Не закрывай от меня свои повеления, но открой мои глаза и уразумею чудеса от Твоего Закона. Расскажи мне неизвестную тайну и премудрость свою. Надеюсь, на Тебя, Бог мой. Прославь мой ум и думы Своим светлым разумом, потому что Ты и во тьме пребывающих и высветил. Любой дар от Тебя добро, любое дарование и сполна. Господи и Иисусе Христе, Праздник и Свет.

пророкхее сичи господь шувие аеласи веле-
дчисяели, ти другхе менами эмее.

Радучейже рускей православней и йозей.
Дщущид прекрасней ченатэм дарование
тиэнли метема и господь, вот еще важ
Батхе бродитлемас пемидинти, ^{Дже} щущида
вёжелемас минем тодтомла, сувтодёма
тиэнне истинаэе кранитни. индема тиэнэе
Христосе крестли юрбитни. но энэйже вунэ-
дей тах время истима, мыйже вийим таис
ыщид дарование, но должен лод-пидёсань
благодаритни, таен колэ мудрей пёлзуйч-
ини, йонщика колэ таен миэнли старайчи-
ни, но колэ заботитчелен тае и хранитни.
нубейже достойней знамь Христоселие кресте.
ловейже чистой поеудаже ен благодатлен. узл-
итэг стрёга колэ-тае дарование кранитни. тае
силанкивсе веледлис первой званней Андрей,
субтедема асвочивлас и кресте веледчей-
же век крестанажеей.

Песнь 1.

2
 Благословен-же-вед эм кристос ем миян,
 коди зев мудрей кийсисеяеи явитис,
 иетис нали духи святее. / сиен маа кий-
 иени и селение. / мортес любитисей сла-
 ва же и тенид. / прославита мэй и госпо-
 дэе. / асланим телеэн асланим и лолон. /
 а тэ милеста сёлёма и господей. / сподобит
 и отсо. / миянэ и чистэй сёлөмон тэнэ
 славитни и ошкини, / кристосей и спасителей,
 аслад и лозий⁽³⁾местад. / тэ явитчолим и
 аслад велэдчисеяели. / оробэнэ кор-маа и
 сөбирайчиллисни, отлаин и беседуйтни.
 и тэ йились. / вэлэдин и миянэс бидчама
 пöран бэдэдуйтни и тэ йились. / и ми
 сэки пондам веки тэ йились
 радуйчими. / воидйтöма и
 гортись олөм и миянлон. /
 иетина веде и сидчи. /

Усмотри нашу радость, и научи нас праздновать, твой праздник Своей чистой радостью. Да будем радоваться достойно о Тебе. Во времени сподобимся счастливо радоваться. Не на Западе и Твоё царство, истина ведь в этом. Дай же нам возлюбленный Иисусе, лучший из учителей, чистой и горло орошающей воды. Твоё мудрое учение помоги нам осмыслить и понять, сладко вкусить. Спокойно веселиться и радоваться, Твоей чистой беседой, заботой и старанием, своё и поведение изменить по этой беседе. Неоткуда больше такой лёгкий и ясный путь нам найти. Как от сверкающего зеркала и от Тебя, к Святому Евангелию наклони моё сердце своим свидетельством. Открой мой слух из Твоего рта беседой поверни мои глаза, чтобы не видели они суету. Направь меня на свой Путь.

Господи Иисусе Христе, Истина и Свет, освети же своей милостью думающее зрение в наших сердцах. Истина ведь и в этом. Добро милостивый Господь, вдохни в нас Духом, смиренной любовью, заботой надежду на Спасение тем, кого ты так любишь. Да пусть бы прославился среди нас Твоё святое имя и истина ведь и в этом.

Царю Небесный.

Песнь 1

Придите же и собирайтесь, на большое Божественное – сидение. Первое сидение стояние. Чтобы все люди спаслись, достигли истинного знания. Обернуться, чтобы ожить, перемениться и своей беседой, весельем и хвалите Бога, трудитесь Господу веселием. Придите к Нему с радостью.

Песнь 2

Придите же и возрадуемся и Господу. Возгласим Богу своему и Спасителю, возгласим Ему духовным и Пением. Ничего нет приятнее (Богу) этой любви и похвал. Бога знающих ведёт Христово учение к удивлению и к празднику.

Песнь 3

Апостол Павел и источник, и вселенский учитель говорит. Разумейте друг друга, прославлением имени Бога и духовным пением. Чтобы это время не стало праздным, идём ли мы пешком или едем на лошади, чтобы занять ум, надо петь какую-нибудь церковную песню, или снова читать Псалтырь или молитву. Каждую неправедную мысль и мерзость перед Богом, если же это не изгладит и не приведёт к раскаянию, то откроется путь к смертному греху, охладит человека к Божьему Закону. Не дай нам, Господи, жить в голоде без твоей чистой речи, не слыша Христова учения. Идешь куда-то или приходишь, или занимаешься делами: пусть всегда будет во рту хвалящая Бога молитва, в уме страх Божий. Твоя мудрость, Господи, веселит меня и хранит.

Песнь 4

Христово учение осветит наш ум светом, истинным знанием. Оно наполнит наши сердца и радостью, и веселием, и мы ясно увидим волю Бога, с охотой направимся исполнять волю его, потому что добрым делом Бога узреть идём. От смирения же родится доброслушание. От зла – покорность.

Песнь 5

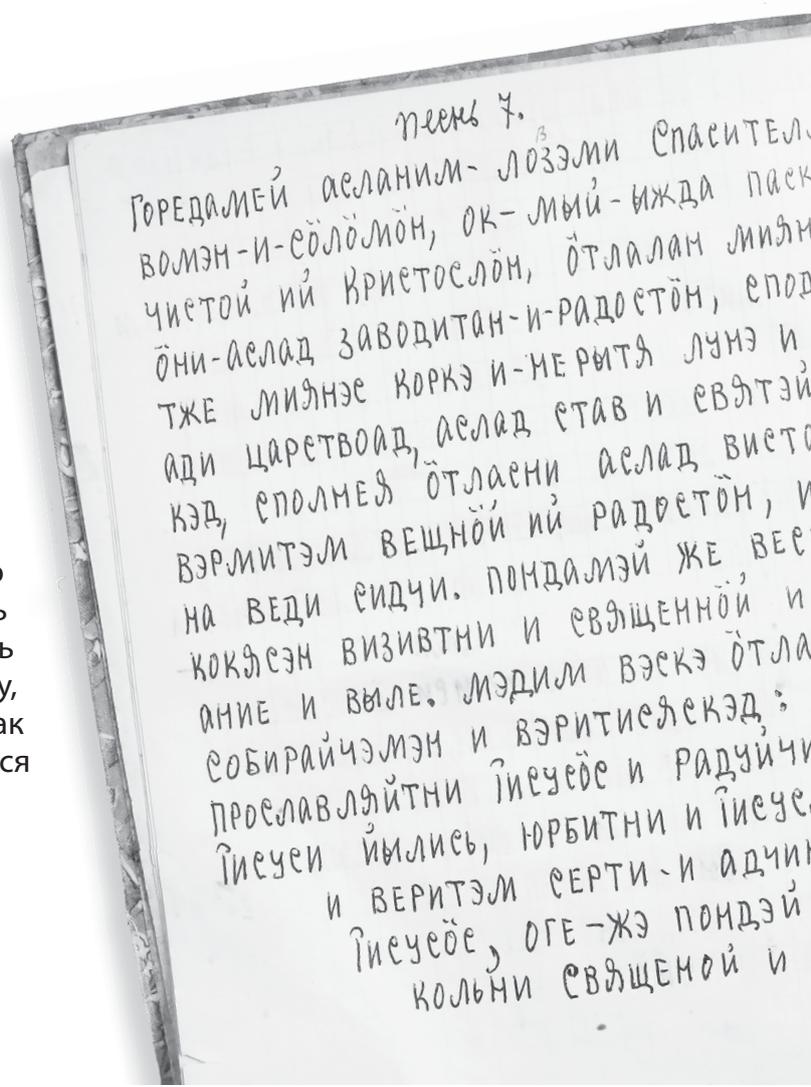
Среди нас сам Христос своей любовью и своей благодатью, своей готовностью услышать нашу молитву, наши просьбы исполняет. Господу Богу угодно и приятно, потому что мы с любовью к Нему и своей верой, надеждой на его милость собираемся с Его святым именем. Как, например, приятно бывает Отцу, когда дети с разных сторон собираются в его избу, чтобы отметить его день рождения – или какой-то иной праздник. Во время беседы и близок к нам со своей милостью Господь Бог, и мы близки к нему – и своими сердцами и своими мыслями. Не просто ведь древние христиане любили Божьим словом и высшим Законом и беседовать. Господь наш, Иисус Христос, наставляет нас. Сказано им: «Если где-нибудь собираетесь вдвоём и троём и по Имени Моему, тогда и Я среди вас». Но если так, то без сомнения и среди нас сам Христос.

Песнь 6

Будем просить Небесного Отца, чтобы он принял под своё всемогущее покровительство Евангелие Христа и имя. Среди неверующих и наша Россия, и пусть даст проповедникам (букв.: рассказывающим о Добре) веру и силу достойно пройти свой служение, чтобы он помог преодолеть им разные трудности, чтобы они сумели избавить (нас) от всякого зла и опасностей, чтобы не дали (нам) впасть в сонливость и в слабость своим трудом. Пусть согреться их души горячей любовью, старанием о Нём, Сам Своей благодатью пусть проведёт их путём беседы о Добре (Евангелия).

Песнь 7

Воскричим своему воскресшему Спасителю ртом и сердцем! Ох, какая Великая Пасха у чистого Христа! Объединишь нас сейчас своей начавшейся радостью, сподоби же нас когда-нибудь невечерний день и в Своём Царстве, со своими святыми, полностью объединиться со своей невыразимой словами вечной радостью. Истина в этом. Будем же весёлыми ногами течь на священное собрание, чтобы собраться вместе с верующими: прославлять Иисуса, радоваться об Иисусе, молиться Иисусу и по вере видеть Иисуса. Не станем же оставлять священного собрания, а станем заставляя друг друга любить как учиться духовному, как учиться мудрости, как учиться вере, как учиться доброй честной жизни, как учиться страху Божьему.

Песнь 8

Не страшно мне страдать, моё страдание чистой любви залог: на небесах и большая награда. В другой жизни сладкое же и празднование. О чистая радость – во сто раз слаще мирской радости, после той радости следует и вечная бесконечная радость. Понимающим возлюбившим верующим, Бог даёт и разумение, и дальнейшее средство. Кто оборвал суетные связи оборвана, тому это не понятно.

Дай же Господь мне и духовное и пение. Душе и телу на утешение и на грехов оставление, дому на благословение, духовно пение и общее наше богатство и людям спасение. Духовное пение – это общее наше богатство и доброе наставление. Ты духовным пением научишься постоянно желать полной мудрости, обычаю покаяния, полному терпению. Дух святой знал, как трудно направить человеческий род на правильную дорогу, потому что многие поклонились несправедливой жизни, не любят прямой дороги. Но он же сотворил и Учителя, учение же всем приятно и сладко и сердцу. Сладкое добро разумно и слышим, чтобы незаметно приняли на свою пользу и (эту) беседу.

Песнь 9

Кому много даровано, тот должен в этой жизни часто страдать, огорчаться и быть отверженным всё время. Безумные мирские места бесполезных бесед. Много помог мне. Господи небесной беседой, ... закрыл мои уши, чтобы суетные разговоры не слышать; от бесполезных шатаний и по широкой дороге и торговых мест. Свяжи мои. Господи и руки, и ноги своим страхом, чтобы не упал я и во многие искушения, во многие тайные, совсем недоступные стараниям и лёгкие уму. Такому духу открыто, и кто трудно молится, и трудно думает. Возлюбленный наш Господь Спаситель и сладкий Иисус, с Ним, прежде всего, выход для сердца, силу даёт.

Песнь 10

Благодарение Богу мы христиане веруем Божественному Свету, своему Спасителю Иисусу Хрусту, находимся в чистой православной Божьей церкви, учим Евангельских святых Отцов и учение, храним Христовы заповеди. Благодарение Богу, свет Христа осветил всех нас, но не забудем, что говорил ещё и Христос: Свет пришёл в мир, но возлюбили люди больше тьму, чем Свет. Увидим ли мы, братья, этот Божественный Свет, осветимся ли этим Светом, вырастем ли духовно при этом Свете?

Песнь 11

Освети же. Господи и Светом наши сердца в своей Благодати: и пусть бежит от меня тёмное облако дурных мыслей, и чтобы с помощью твоего Света нашли Тебя, Христа, в себе. Освещающего разных людей, и пусть придём в твой Свет, с Твоим Именем возрадуемся во веки, истина в этом. Весело ведь повернуться в сторону лица Бога, Христос своим взглядом в смиренного голубя превращает человека. Один я растоптал точило обиды на Бога, никого со мной тогда не было. Так ещё когда-то пел пророк Исая, первым рассказавший о страданиях Христа.

Песнь 12

О человек и осветись и учись, и сильно держись своего Спасителя учение, после этого, кого тебе бояться? Твои враги рассеются, правда и слава с тобой остались, как наковальня твёрдые, кого ударяет и морской вал. И ты также будешь крепко стоять в мире, если твой

ум станет светлым Христом. Освещающий Господь и хранитель мой, кого же и боюсь, Господь мой хранитель, от кого и страх и берёт, кто украшается большим духом и большим разумом. Такой человек имеет жизнь на небесах, его сердце горит от любви, от Небесного Добра.

Песнь 13

Подлинное же счастье – не грешить, а после греха не озлобиться, лучше же плакать, прекраснее же помолиться, чем запить. Как ещё Апостол и говорит: «Не останавливаясь молиться, ночь и день, и всякий час». Не только в церковь приходя, но и в другие часы не оставляй этого старания: работаешь или спишь или идёшь по дороге, ешь или пьёшь или лежишь – не прерывай молитвы, потому что не знаешь, когда потребуют твою душу, не жди дня Воскресения или праздник, не выбирай отдельных мест, а в разных местах молись внутренним воплем – греху нет и места. Внутренним воплем и Господь единится с тобой. Если не умеешь читать не уходи оттуда, откуда можешь услышать и получить пользу. Ведь написано: если увидишь разумного мужа беседуй с ним, его дверной порог своими ногами и истопчи. Это не только польза читать не умеющим, но и умеющим, потому что многие умеют читать, и не знают, о чём читают.

Песнь 14

Ох, люди, христиане, будем же молиться, Господу и Богу, чтобы он послал в каждую деревню и свой свет, чтобы еще Божьей беседой здорово научил, согрел сердца людей, погибающих во тьме, потому что эти люди тоже наши братья. За них он страдал и пролил кровь свою.

Спаситель наш Господь Иисус Христос. Будем же молиться, чтобы стать еще сильнее от того, что увидим просвещённый народ. Пусть бы каждый кто называется христианином, знал свой закон христианский, и знал Священное Писание, жил по христианскому закону на этом свете. Будем же молиться, чтобы Апостолом Павлом сказанное на нас исполнилось. Потому что ночь прошла и приблизился день, чтобы лишь наука ясного дня осветится каждому и в наши головы, и согреет сердца наши Добром. Честным и разумным и польза, и чистота.

Песнь 15

Ищи милость Бога своим людям став милостивым. Бог прощает за милость, больше всего сподручно тому, кто просит милость Бога стать милостивым людям. Но если же мы имеем богатство, и отдаём всё своё имение, а любви у нас не будет, то от этого не будет нам никакой пользы. Как сказал Апостол Павел, отсюда ясно видно, что требуется и от нас, как от христиан. В первую очередь и сильнее всего, от нас требуется именно и увидеть христианскую мудрость. Она одна только и может научить нас, как поступать нам в таком случае. Будем же просить себе эту мудрость в первую очередь у Бога, дающего всем (её) даром, а ведь с мудростью – ах ведь друг мои и брат, сколько добра можно совершить и даже одному человеку, сколько душе радости сколько сердцу счастья доставишь даже одним добрым делом. Но только начнёшь одно, за ним и второе. Ты сам знаешь, как хорошо трудиться во имя Господа.

Песнь 16

Понятно же, что ни еда, ни питьё не ведут нас в Небесное царство, но правда и мир, радость о святом духе. Что же такое радость о Святом Духе? Это видно, если радостно молитвой всем вместе Бога хвалить. И всем вместе Бога хвалить и Божественной беседе учиться. И от этого радоваться. Потому что наш ум просвещается пользой знания правды. Это чистая радость, совсем не походит на радость пьяницы, который радуется нечистой радостью. Ох, если бы у нас всегда была, такая чистая небесная радость о Духе Святом! Читайте же и любезные братья Божественную беседу. По-всякому и старайтесь. Пусть этой чистой радостью и наполнятся ваши сердца.

Песнь 17

Без доброго совета нет чистого веселия, Ангел добрым советом и веселит. И нечистое веселие нет без дьявольского совета, видите вы хоть в какое веселие нужно и совет. А если Добрый Совет тебе не веселие. Эта причина как не в том, что ты любишь дьявольское веселие. Господь сказал и таким. Мой совет не кажется весёлым и тебе. А безумному дьявольскому веселию и научился. Ах эти братья. Плохо будет от города Содома. Тяжело будет таким незнающим и вредно. Но печальным делом наученным. Будет покой. Всякая печаль не ведёт к раскаянию и внутреннему крику, а только печаль о Боге приводит, а мирская печаль приносит смерть душе. А Божественная беседа любящих всегда очищает и какой-то голос от гибели.

Песнь 18

Учиться нужно потому что закон Бога, знать для души: столько же нужно, сколько нужно еды и питья телу, потому что не зная этот закон, нельзя сердцем любить Спасителя своего, Господа и Иисуса и Христа, любовь к нему растёт и разливается по мере, и по мере понимания, кто такой Спаситель и наш. Что он сделал и делает, чтобы нас оберечь. Вы народ и тёмный, вас учили мало. Можете вы ошибаться. Своим и толком толкуя. Чтобы избавиться от этих ошибок, каждый домовый хозяин перед каждой общей беседой. Должен позвать помощь. Своему и уму. Господа и Бога. Он один смысл и дал. А когда о большом деле и толкуете. Тогда обернитесь сперва лицом. К Церкви Бога. Молитесь и этой молитвой духу святому, Царю Небесный душа и истина, чтобы дух святой послал покой и смирение и единое мнение и в ваши беседы, живёт с вами ваша беседа, а когда так будете поступать, тогда верьте непременно вы будете уходить и не будет места спорам и озлоблению, ни шуму ни ругательству ни раздорам.

Песнь 19

Только любящие закон Бога могут прямо сказать, как и пророки, путь мой привёл в прекрасное место, и отделил приятное для меня, пришла большая помощь от Бога, надежда на Бога. подняла и царя Давида. На большую высоту, и чистотой, этого доброго дела он всех обогнал, нам христианам, требуется большое усилие и старание. Чтобы получить небесное царство. Путь на небеса узкий и тесный. Вот поэтому нам нужно оставить широкую дорогу и плохие привычки здесь. И идти туда легким и чистым, непременно надо и изменить себя. Ум воля и чувства, и дела и на человеческий век и на веки веков. Нельзя в небесное царство войти грешнику, плохими мыслями и плохими

намерениями, плохими желаниями, плохими чувствами, плохими делами. Там всюду чистые святые, божественный духом ходят, а не исполняйте же телесные желания. Будем же учиться божественной беседе. Польза и знание, чтобы у нас было светлое оружие, чтобы мы умели этим оружием защищаться, от всех кто нападёт и угрожает нашей вере, как хвалим Бога. Осветились наши отцы и деды, также любезные христиане, только в свете наука, только если свет живет в уме человека. Есть это очень сильное оружие которым можно победить и отделить тьму и зло, всяких врагов. Если мы станем иметь науку света. Своим умом, тогда мы будем ходить как днём, хорошо, не будем ходить пьянствовать, злословить, прелюбодействовать. Обижаться и завидовать. Не будем поступать так как наши тёмные люди, которые под гармошку пляшут и прыгают, пьянствуют, предаются обиде и зависти, всяким грехам, и также братья бросим всякую ложь, и станем говорить истину, один другому, изгоним из наших сердец и из наших ртов, ложного духа, дадим место истинному духу, пусть не будем мы детьми дьявола, но пусть будем детьми Бога. И станем вхожими в тот небесный город. Небесный и Иерусалим. Куда не войдёт никакая скверна. От тех кто отвратительной лжи предались. Истина ведь в этом, страдать нужно за правду безропотно. Нельзя отворачиваться от правды и от дела бежать, а нужно всегда говорить правду. Бежать нужно от лжи, ложь ведь и отец дьявола. Если та правда осветится и в наших сердцах, тогда свет Его и не погаснет. Многим покой Его не оскудеет.

Слаба, слава тебе Боже наша слава тебе

Песнь 20

Покажи милость и слово, самое дорогое и отыщешь, сам ведь и ищешь самое дорогое, укрепляйся, сомнением и призыванием, утешающего духа, плохие мысли боятся света, бесстыдной чёрствой верой (всё равно что) воду в решете мешать, как можешь благодарным сердцем поднимись к святому духу, к дающему жизнь, освящающему и тебя. Всеми силами убегай от сомнений, добрые дела без доброй беседы дерево в цвету а собирающего нет, а с доброй беседой цветы ещё прекрасней и собирающим смотреть сладко: а без Евангелия добрые дела неплодотворённое дерево. От Христа добро и видели а без беседы и нет, родной любви и нет жизни ни полноты, рождением Бога эта неполнота забудется, с внутренним криком неполнота забудется, сам Спаситель наш Господь Иисус Христос. Таким прощением и наградит. Если ты не обожен, люби Бога и обожись. Хотя в эту пору и разрушительные силы мешают, божественной любви. Рождением Бога и знанием Христа. С родной любовью лучи и льются. Без усилий не сможешь Христа узнать. Что от такой жизни, если мы не можем узнать Христа. Любовь визила и развязывает, любовь удивляет. Любовь страшна любой дряни, если нет страха Божия и как же ты можешь любить добро, рождения Бога боится и телесно желание, лень боится родной любви. Благословение Бога помним каким его видим, благословение Бога помним и прилепимся к Богу. Христос крестной силой и вооружился и не боится своих врагов. Видимых и невидимых. Не испугался и смерти принял мученический венец. С крестной силой нет ни стыда ни страха. Благая сила не безбожная, кто страдает за другого он сам свою душу чистит.

Песнь 21

Неповторимая милость долготерпение Господа, без усилий плохие привычки оживают ум и убивают, насколько забываешь о земном настолько и легче, и без забвения всё тебя грузит, всё за груз и почитается, скорбь особенно направляет нас к любой мудрости, делает крепче, если тяжело и стараться, а без старания от тяжести не избавишься, с ликом Христа знание родное и любовь, как крылом поднимают думать о Боге, по плохим мыслям не нужно судить, от лика Бога плохие мысли дрожат, (кто) в христианскую истину и вероучение одет, знает и держит их уме, постоянно угрожает и врагу, кто же угрожает и врагу, дари угрожает врагу, без смирения не найти покоя, без покаяния нет и смирения, покаяние и есть смирение, а смирение это не покаяние, если весело надо внутри себя поправить и почистить и хранить, только дарованием Бога может быть твоя внутренняя радость, потому что мне внутреннюю душу дал Бог. Смелость моя любовь к Богу внутреннее дело без терпения не будет гордым твой дух, жертва приятна Богу есть внутренний и крик, кто имеет печаль о Боге, кто отжимает от себя грехи, и тяжело дышит, тот хотя и свой век прожил не справляясь со своими делами, в последний свой день увидит благодать, терпит скорбные дела о Господе, пусть коснётся тебя радость, потрудись чтобы получить богатую награду. Счастливые смиренные люди им ведь близки небеса и открыты.

Песнь 22

Любовь криком и прошением дышит Богу, внутренний учитель весельем кричит и думает, внутренний учитель даёт силу и мне, внутренний учитель с Богом соединяет, внутренний учитель (кроме него) ни с кем и не соединяет, кто твой внутренний учитель его разговор и мыслишь, внутренний учитель будит тебя думать, страшит греха и встряхивает отрывает даёт понять и открывает. Провожает и даёт желанья и знает. Даёт веру любовь и хвалит. Печалит и побуждает к воздыханию и к покаянию, призывает хранить и зажигает радость, облегчает и осмысляет, наделяет спокойствием и очищает, внутренний учитель заставляет грустить и печалиться и о Боге о Христе Богу заставляет отдать всё что внутри. Внутренний учитель заставляет хранить и бороться, без крика даже и не наполнит и заставляет кричать пока не станет радостно и знаю.

Песнь 23

Чтобы стать истинным носителем духа Христа, нужно сначала в сердце посадить семя, чистые чувства и мысли, но хватит ли у нас сил это сделать своими грешными сердцами. Понятно что мы не сильны, но слава всемогущему и милостивому сердцем Богу: он который создал нас, он же и может сделать крутой поворот в сердце, и дать нам добрый дар силы на удачу, в христианскую жизнь, если мы пламенно желаем.

Песнь 24

Кого осуждают и бесчестят. А он даже в мыслях не злобится на них и с ними, тот собрал истинное знание, и твёрдо говорит знанием Иисуса Христа, нашего Господа когда вы терпите от людей какие-нибудь бесчестия, помните о Его славе, какая приготовлена тем, кто терпит с благодарностью Богу, и не будете замутнёнными и сломанными теми кто бесчестит.

Песнь 25

Кто Добрым честным путём идёт, его мир не любит и гонит, потому что он Христов и потому что имеет живую веру в Христа, потому что он имеет небесную надежду и пламенную любовь, от Христа спасителя, всё это ненавистно телесному человеку, как неприятен больному глазу солнечный свет. Слуга не выше своего господина. И ученик не выше своего учителя. Христос сказал если меня гонят, прогонят и вас, и если на крест подняли Самого учителя. Неужели смилуются над Его учениками, если как сказал Спаситель, если мир его не любит полюбят его учеников.

Песнь 26

Напой христианка студеной водой.
Стардальца который стоит пред тобой.

Бог тяжкой карой меня поразилъ.
За то что я Сына Его оскорбилъ.
И шол он на гору Голгофу
Не винную кровь проливать за людей.

Под тяжкою ношей тяжелого креста
Онъ сел отдохнуть у моего крыльца.

Святого стардальца я сильно толкнулъ
И словомъ свирепым его упрекнулъ
Съ техъ пор я по свету скитаюсь брожу.
Не знаю когда и куда я приду.

Лишь сяду отдохнуть, а ветер зашумить
Вставай, путь далекий тебе предстоит.

И много я в царстве проходил Царей
И видел как злато губило людей.

И теми местами назадъ проходилъ
И виделъ какъ груды забытых мигиль.

О люди страшитесь прогневать Творца.
Его наказаниям не будетъ конца.

Песнь 27

Молитва къ Ангелу хранителу

Пресветлый Ангел мой Господень
Хранитель ты души моей,
Душа моя к тебе победной
Будь милостив рабе твоей.

Храни меня во все минуты.
Храни меня во все часы
Храни меня напастях лютых
Среди страшные молвы.

Ты послан снеба для хранения.
Тебе Господь таки поручил.
Прими тепер мое моления.
И как мне жить здесь научи.

Здесь узкий тесный путь прискорбный.
Могу ли я его перейти?
Хранитель мой ты неукорный
Ты можешь здесь меня спасти.

Ты держишь меч в руках горячим.
Всех врагов сдесь истреби
Ты держишь меч руках палящи
Мена на небо проводи

Когда явлюсь лицу Христову.
Чтобы дать за жизнь свою отчёт.
Тогда предстать его престолу
И за мена ты дай ответ.

Ты знаеш жизни мою земную
Ты спутник был моей души.
Веди меня страну родную
Всю славу мне внея покажи.

Здесь странница на свете я.
Чужая семя я здесь живу.
А там отчество родное
Там мой отец моя семя.

Там нет печаль ни воздыхани.
Там и слёзы горкие не льют.

Там нет страдания и стенания.
Одни лишь радости текут.

Проси венец мне у владыки
Меня достойную покажи.
Хотя греки мои велики
Но покаяния расскажи.

Управ тепер мой судьбою
С тобой вся жизнь я преплыву.
Хранитель мой ты неукорный
Спокое вечном отдохну *конец.*

Молитва обращение ко пресвятой Богородице. 28 Песнь покаянная

Сестры: Бог Спасти нас Может,
Немощные сильны в нем.
Еслижъ он нам не поможет,
Мы себе не сбережем.

Съ ним поставимъ ум наш стражемъ.
У дверей своих сердець:
Не дремли ты, стражъ, прикажемъ
Чтобъ не вкрался воръ и льстець.

Имя. сражъ держи Христово.
Как мечъ огненный въ рукахъ
И любви Христовой слово.
В наших сохраняй душахъ.

Иисус, женихъ нетленный,
Верный истинный, свтой.
В обещаньях неизменный,
Нет Въ нем лести никакой.

Иисус, жених небеснй,
Вестъ есть сладость, весь любовь:
Он придетъ к намъ в храмъ телесный.
Если будет храмъ готовъ.

Ах: омоем мы слезами
Хишину своей души:
Буди, Господи силъ съ нами
Благодати не лиши.

Как я грешна много грешна,
И темна с главы до ногъ:
Как по глупости поспеша,
Судия святейши Богъ:

Сколько въ деле кривд постыдныхъ
Ах, какая тьма и чадъ;
Сколько жъ словъ гнилыхъ, обидныхъ,
С языка слетело в ад;

А желанія? А мысли?
Черви тамъ кишать во мне
Спросишь: сколько? Ты исчисли
Мне песок въ реке на дне.

Источайте жъ грешны очи
Слезъ очистительныхъ струи;
Но плакаться нетъ мочи,
Суши кладези мои.

Мой Спаситель, припадаю
К пресвятымъ твоимъ сопам.
Ахъ, прости мне, я прощаю
Все и всею и здесь и тамъ.

На себя ты, Агнецъ Божий,
Тяготу мою всю взял,
Веру, веру мне умножи!
Ты с меня грехи все снял.

Ты лил слёзы, потъ кровавый,
Бывъ в грехахъ моихъ Христе.
Умеръ за меня Царь Славы,
Горькой смертию на кресте.

И воскресъ. Моя надежда
Воскресил меня съ Собой.
Светлая моя одежда
Врачество и врач ты мой!

Пусть теперь и я вся буду,
Иисусе мой, Твоя,
Прочь лукавый грех: на уду
Не иду твою и я.

Почаевской Божия Матери

Непроходимая врата, тайно запечатствованная Благословенная Богородице Дево, прими моления наша и принеси Твоему Сыну и Богу, да спасеть тобою души наша.

Молитва к Божией Матери.
Мира Заступница, Мать всепетая,
Я пред тобою с мольбой.
Бедную грешницу, мраком одетую
Ты благодатью прикрой.
Если постигнут меня испытания
Скорби, утраты, враги.
В трудный час жизни в минуты страдания
Ты мне, молю, помоги.
Радость духовную, жажду спасения,
В сердце мое положи.
В Царство Небесное, в мир утешения
Путь мне прямой укажи.

Песнь 29

Кто не нуждается не просит милости от Бога, тот уйдёт из этого мира в другую жизнь с пустой душой, слепым, голым и окаянным. Кто золото найдёт, тот не станет пользоваться сделанными из глины горшками. О печали за Бога все забыли. Чудо, что забыли. А если я не верю, (хотя) Господом и на лбу (моём) написанному, от многих разговоров тоже не излечусь. Еще солнечные мои чистые мысли сердце моё не оставили, хотя и есть и другие. Или что-то другое случится по человеческий слабости, все-таки не смущайся, а торопись покой найти и сохранить. От чего бы и не крикнуть от столь многой любви, а мы друг от друга собирает зло и (им) пользуемся. Никак нельзя без родной любви стать мудрым. Борьба изгоняет и муть, и неправедность, и бедность. Кто же изгоняет неправедность и бедность? Знание Христа – Матери победа. В чистой борьбе умнеет и человек.

Песнь 30

Разбойнику по молитве его добрая жизнь дарована. Так должно быть: по молитве человеку и будет дарована добрая жизнь. Если хочешь увидеть добро – сказано рот удержи (от лишних слов), молитва телесный огонь вытряхивает, в каждом крике радость даёт. Страх – большая сила: любовь в красоту нарядил, Святого Духа вечная радость. Твёрдую молитву постигаешь трудом. Разный срам загорается (в сердце), если опустишься, если нет опоры себя в верх направить, в Добру. К большому греху готовишь себя – от этих мыслей нужно себя очистить, а от раздражения нужно оберегаться, не то ошибёшься. Как можешь научись внутреннему крику. Внутренний крик и старание приводят человека к высшему состоянию.

Песнь 31

Счастливы знающие Бога, их ведь и мирская красота не полонит, потому что родная любовь красивее мирской красоты. Красота приведёт к ссоре, родная любовь не отвлечёт от мыслей о добре, от пути к Богу. На добрые дела (устреми) глаза, чтобы и сердце твоё укрепилось. Разве не радостно увидеть знак Спасителя. Внутренним криком радость не оставит, как не оставит мать кричащего ребенка. Внутренний крик сам кормит и угощает, поздравляет покоем, назначает большие дела. Родное знание само кормит и угощает. Если ты перед всеми сам себя принижаешь и хулишь – увидишь Славу Божию. Любовь не опускается до ссоры, а трогает и прощает. А в ссоре и твой последний день не будет весёлым. Ссоре – плохой удел, смирению – хороший. Кто любит, тот не устаёт от добра. Он мудрый (хотя и) грешник. А если спишь, то внутренний крик не возникнет, если спишь, то добрые мысли увянут.

Песнь 32

Нераскаявшегося грешника станет наливать тяжестью. На поворот, на перемену (образа жизни) придёт решение. Кто жалеет тело – в нём основа всех плохих привычек. Умная печаль превосходит телесный труд. Сильнее внутреннего крика оружия нет ни на земле, ни на небесах. Внутренний крик никогда не победят недобрые думы, духовного пения боятся бесы. Лучше кричать (внутренним криком), чем прославляться, как фарисеи. А лучше кричать как мытарь, который, делая добро терпит трудности – это угодно и Богу. Без терпения никто не получит вечной радости. Кто имеет Бога (в душе), те больше испытывают трудности. Нет радости больше внутреннего единства. Не сравнить даже (с радостью) Фомы апостола, своими глазами увидевшего радость. Без трудностей никому нет пути в рай: как сказано Господом, вот это и всегда сбывается. Светлое солнце, сладкое сидение моё и Господа. Со слабостями ещё (хотя бы) и год нужно прожить. Без сил святые люди страдали, фарисеи и другие на них (возводили) хулу; от этого добрые дела разрушались. От хулы на человека рушатся все добрые дела. Христос моё воскресение и ум, ум и пробуждение ото сна. Христос явился, чтобы дать мне радость, богатство, понимание. От греха оберегает он в этом и польза. Злые братья (даже) без плохой веры во веки остаются, но еще и в злом духе умирая. Только от имени Господня дрожат ад и все злые духи. Милостивое дело приводит к тихой пристани прощённого человека, к тихой пристани, а там Божье место. Трудности, осуждение как сильное лекарство прими, без трудностей в новую жизнь не попадёшь. Без покаяния в смерти останешься. В дремоте любовь мельчает, а без любви человек несчастен. Если ты хочешь достичь истинного Смирения, ты ставь себя ниже всех. В злобе и в стремлении стать выше всех ты каждый день и каждый час попираешь Закон Господа и Бога.

Песнь 33

В трудностях не очерствей как фараон, а внутри себя крикни Господу, ведь сказано, что в печали пусть кто-то из вас внутренне воскричит Господу, а в веселии кто-нибудь пусть споёт духовную Песню. Божьим наказанием некоторые люди становятся мягче и могут внутренне воскричать Господу. А некоторые черствеют и погибают, как фараон очерствел и погиб. Что и делают теперь в мире. А наш внутренний крик должен дышать, видя Бога, и любовью к Нему. Ведь сказано: когда позовёшь, тогда услышу, потому что Моё имя знаешь, и самого большого змея ногами растопчешь – благословлю на многие дни и на многие годы продлю твою жизнь, и дарую тебе вечную жизнь, и не только избавлю, но и прославлю.

Песнь 34

Ум светит невидимыми лучами, пониманием Евангелия, душа – любовью к знакам и кресту. Чистой беседой о Господе тело избавляется от плохих привычек, и привыкает человек смиренно думать о Боге и говорит он благословляет Господа, вразумляющего и понимающего меня. Твои мудрые дела, Господи, веселят мои взоры. Эта сила жизни есть понимание, пониманием истины жив человек. Рано, рано утром женщинам и рано утром ищущим Христа ангел сообщает радость и от сомнений их избавляет. Всегда защищает Христос своих учеников, протянув им руку, в премудрость поднимает своих сынов, и поддерживает ищущих Его, и ищущие Его рано утром исполнятся радостью. Владеющие ею готовы к славе, и кто куда пойдет дальше – Господь благословит его. Думай же, человек, о заповедях Господа, и всегда учись. Господь укрепит твоё сердце, и желание и премудрость будут тебе дарованы.

Сын мой, с детства своего учись и до своей старости познаешь мудрость.

Песнь 35

Пойдём же с бесконечной молитвой на Галилейскую гору, чтобы услышать сладкий покой Иисуса Христа. Самые сильные внутренние неурядицы терпя и побеждая их, потому что без терпения этих внутренних проблем и без избавления от плохих привычек темнеет светлая жизнь сердца, не станет угодного Христу запаха, а обернётся (он) в запах смерти.

Песнь 36

Верное слово у Господа, что сказал кому – это и сбылось. Осуждающие друг друга, неужели вы убежите от Суда Божьего? Лучше прощайте друг друга, чтобы безмерная печаль вас не слизнула. Кто терпит обиды, тот без труда спасётся, кто на другого держит зло, тот все свои добрые дела губит, он и становится слугой дьявола.

Песнь 37

Душа моя, любящая Бога, ничто так не сладко, как мысли о Божественной беседе, кому пришло время, тому Божественная беседа сладка. Если предашься Богу, Бога и увидишь. Истинная любовь приводит к охраняемой пристани, это свершится с Христом. Где любовь, там и простота, в простых сердцах и Бог отдыхает. Это свершится с Христом.

ART

www.artlad.ru
2022

БЫСТРО! УДОБНО! ДОСТУПНО!

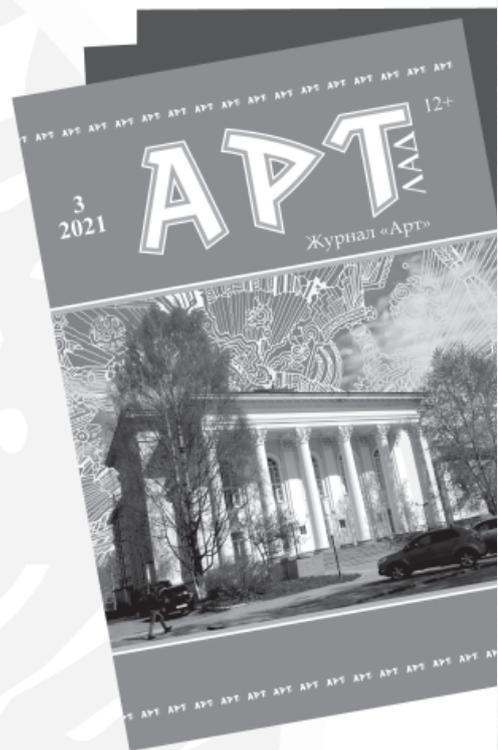
АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ПОДПИСКА

Дорогие читатели!

Теперь вы можете оформить годовую подписку на электронную или печатную версию журнала «Арт» (при условии получения в редакции журнала), не выходя из дома. Достаточно перечислить 200 р. по указанным ниже реквизитам, в сообщении указать e-mail и ФИО подписчика.

Наши реквизиты:

Получатель: АУ РК «Редакция журнала «Арт»
ИНН/КПП 1101485466/110101001 р/с 40603810328004070042
КОМИ ОТДЕЛЕНИЕ № 8617 ПАО СБЕРБАНК
БИК 048702640 к/с 30101810400000000640
e-mail: artkomi@mail.ru

Журнал «Арт» можно приобрести:

в магазине «Ордым» (Дом печати, ул. К. Маркса, 229)
в книжном киоске торгового центра «Дом быта» • в магазине «Дом книги»

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС - П4453

литературно-публицистический, историко-культурологический,
художественный иллюстрированный журнал Республики Коми

АРТ

КОНКУРС «АРТПИЯН»

ВОЗВРАЩАЕТСЯ!

В 2022 году журнал «Арт» вновь проводит
литературный конкурс «АРТПиян»

Тексты принимаем на коми
и русском языках

Номинации:

- Сказка
- Пьеса
- Перевод на коми язык

Ждём ваши работы:

- artkomi@mail.ru
- 167000, г. Сыктывкар,
ул. К.Маркса, д. 229, каб. 136
(АУ РК «Редакция журнала «Арт»)

Возраст участников:

- 7-15 лет
- 16-25 лет
- 26-40 лет

Сроки:

15 марта - 15 ноября
2022 года

Положение о конкурсе:

- www.artlad.ru
- vk.com/zhurnalart

Участвуйте!
Побеждайте!

Галина
БУТЫРЕВА

**Галина Васильевна
Бутырева. Поэт.**

Пишет стихи на коми и русском языках. Автор нескольких сборников стихов и путевых очерков. Член Союза писателей России, лауреат премии Правительства Республики Коми в области литературы имени И. А. Куратова (2005), заслуженный работник культуры Республики Коми (1994) и Российской Федерации (2011). Награждена медалью святого Даниила за содействие возрождения православной церкви (1996), медалью к Ордену «За заслуги перед Отечеством» II степени (2005).

Солнце село в море и осветило рыбу

1

Какие у Вас возникают ассоциации со словом «Нюхча»? Или, может быть, воспоминания?

У меня возникают... Уже взрослая и давно почти городская, бывая в родной деревне, я очень любила слушать различные истории, как наши удорские коми пешком ходили к архангельским соседям. Особенно мне они нравились в пересказе моей двоюродной сестры Сани. Никто, как она, не мог так рассмешить меня, был у неё, видимо, какой-то особый талант рассказчика, даже если она говорила о вещах, давно мне известных из уст ещё кого-то... Более того, через какое-то время я просила её повторить тот или иной рассказ... И снова, словно в первый раз, я с большущим удовольствием слушала её, только не катаясь от обуреваемого меня хохота...

И не было в этих рассказах ничего особенно смешного вроде, а вот...

Иногда я пыталась сама эти истории пересказывать кому-либо, но, увы, получалось не очень смешно...

Всё дело, может быть, и правда было в артистическом даре Сани? В произношении? В жестах? Ведь это тоже очень много значит. Сколько раз я сама убеждалась в этом в нашем драмтеатре, во времена Сидоровой, Трошевой, Лыткиной, – наших великих коми актрис...

И тексты вроде в иной раз были так себе, а зал заходится от смеха. Это позже я уже поняла почему. Смотришь на Глафиру Петровну или Галину Питиримовну, и иногда достаточно им взглянуть по-сидоровски или по-лыткински, или как-то так им стоит повернуться, или рукой повести... и ты смеёшься, потому что ты в них узнаёшь (вспоминаешь!) какую-нибудь знакомую деревенскую женщину, соседку ли, учительницу ли свою... И смешно!

И смеёшься! Может быть, от радости узнавания почти забытых людей, уже даже и не живущих на свете, но знакомых тебе... а может, даже и не знакомых?! Лично не знакомых. Из твоей генетической памяти... Может быть? Не знаю.

Эх, куда меня занесло. А всего-то и хотела о слове «Нюхча» написать... Кстати, якобы это саамское слово и означает «лебедь» или «лебеда»... Кому как понравится больше.

2

Когда мы наконец подъехали к столбику с табличкой «р. Нюхча», почти всей машиной воскликнули: «Ура-а-а! Нюхча!» И водитель наш, Павел Лимеров, изрядно вымотавшийся на этом полузаброшенном тракте, и мы все, трое его пассажиров: Светлана Юрьевна, супруга Павла Фёдоровича, Алина Робертовна, вдохновительница этой поездки, и я...

Надо было бы остановиться, сфотографироваться у столбика, – не догадались, в отличие от тех, кто ехали за нами... Увидели в социальной сети «ВКонтакте» и позавидовали. Куда летели?!

А спешили увидеть саму деревню Нюхчу, столбик пока только речку Нюхчу обозначил.

К тому же именно Нюхче было суждено быть первой на архангельской стороне... Спешили поприветствовать легендарную деревню...

Говорят, что в здешних местах аж три Нюхчи! Две – онежские, и одна – пинежская. Та самая, куда издавна были протоптаны тропинки из Удоры.

Дома я уже посмотрела на карте: Нюхча и правда совсем недалеко от наших сенокосных угодий! И вплоть до самой Нюхчи – коми названия речек, ручьёв, охотничьих избышек...

Немудрено, что в стародавние времена соседи захаживали друг к другу... Удорчане к нюхчинским, – за солью, за табаком. А нюхчинцы, говорят, за удорскими невестами...

3

Не уверена, что сумею так же смешно рассказать Вам байку от Александры Михайловны, но и не рассказать не могу...

Итак, байка о том, как Макась ходил за табаком в Нюхчу.

Было это, видимо, уже зимой. И как на грех, заметило. Макась и заплутал... Но,

слава Богу, наконец вышел на деревню, обрадовался, побежал, издав ещё закричал подвернувшейся бабе у колодца: «Скажите, это Нюхча?!»

Баба чуть ведро не уронила, всмотрелась во встрёпанного мужика и, изумлённая, говорит (на чистом коми языке): «О-о! Кыськё на и Макась усьёма!» (Откуда-то Макась свалился!)

Макась, не менее изумлённый, говорит (на чистом русском языке): «О-о! Меня и в Нюхче знают?!»

Баба заходится от хохота: «Макась!..» И опять на чистом коми языке: «Макась! Кутшём Нюхча йылсь голян? Тэ жё Чиркын...» И снова хохочет. Бедный Макась наконец понимает, на каком языке говорят с ним и о каком Чирке... И обессиленный садится на край основания колодца, хватается за голову и тоже хохочет... А что оставалось делать, если ты от своей родной деревни столько вёрст протопал и вместо русской деревни Нюхчи оказался в соседней коми деревне Чирк...

Нечего было пускаться в дорогу в непогоду...

4

Пока мы доехали до Верколы, успели налюбоваться на старинные дома не только Нюхчи. И не только на старинные дома, а вполне знакомые по удорским лесным посёлкам двухквартирные (у нас их раньше называли бараками), и на обшитые сайдингом, и с евроокнами...

Как только въехали на Архангельскую сторону, перед нами легла почти ровная грунтовка... Напрыгавшись но нашим «кочкам», мы облегчённо вздохнули... Как завтра проедут два автобуса с удорскими артистами, уму непостижимо...

Совсем недавно пинежане приезжали к нам на Удору, на «Коми книгу». И ведь какие они деликатные люди, – не особо и дивились нашим колдобинам...

Зато мы не переставали удивляться,

В Верколе, на родине Фёдора Абрамова.

как им удалось, тоже в глубинке, привести свои дороги в такой порядок?.. Более того, на будущий год собираются заасфальтировать это направление! До самого Кучкаса, а это как раз на границе с Удорским районом... И всё благодаря какому-то загадочному «Титану». За дни пребывания в Верколе и Карпогорах как-то так толком и не узнали, что за такое предприятие «Титан», – и праздники помогает проводить, и гостей принимать (мы, правда, приехали за свой счёт...). И вообще, на каждом шагу только и читаешь и слышишь: Титан, Титан...

Может, и правда Титан? (с английского – колос, гигант?).

Посмотрим в интернете, чем занимаются. Да, лесозаготовками! У нас, на Удоре, аж два Титана занимаются лесозаготовками – «Монди» и «Лузалес», а таких дорог, как в Пинежье, нет...

Может, уже пора призвать господ капиталистов к ответу: когда будет дорога на

Пыссу, когда будет дорога на Важгорт? Не будет? Никогда? Тогда, может, и вас здесь, господа, быть не должно?..

5

Веркола – родина одного из замечательной плеяды русских писателей, наших современников, Фёдора Абрамова.

Недаром в центре села к 100-летию своего земляка веркольцы построили своеобразную аллею, главными героями которой стали ближайшие друзья и соратники по перу Фёдора Александровича: Василий Белов, Василий Шукшин, Виктор Астафьев...

Нынче не проходит дня, чтобы в Верколу не заехали бы какие-либо гости из самых разных уголков нашей страны и не только.

Вот и мы сподобились, преодолев свои двести с лишним километров (половина из

них – почти по бездорожью), приехали к Абрамову.

В Верколе, кажется, всё Он – Абрамов... Словно и не уходил отсюда, никогда... Никуда.

Но огромный камень во дворе дома, где в последние годы Фёдор Александрович жил и работал, с надписью, когда родился, когда его не стало, – заставляет на какое-то время остановиться, замолчать...

Вокруг ни души. Все – там, внизу, на пойменных лугах, на покосе... Я не иду за своими спутниками к ним, остаюсь у надгробного камня...

Обхожу дом, баньку, амбар. Представляю Фёдора Александровича за письменным столом, заглядевшегося на законные пейзажи...

Вот это просторы! – до самой Пинеги – луга, луга, луга!

Жаль, не было за оградой скамейки, а то бы там и осталась, потому что невозможно было оторвать взгляд от этой простой, но такой пробивающей тебя насквозь красоты...

6

Музей Фёдора Абрамова – это бывшая школа, где в начальных классах некогда учился будущий писатель.

Как и музей Василия Шукшина в Сростках, на Алтае, – в бывшей школе...

После небольшой экскурсии по музею, которую провела его заведующая Татьяна Казакова, как-то по-домашнему тепло, сердечно, – здесь же, в небольшом уютном зале презентовал свою книгу о Фёдоре Абрамове Олег Трушин (из серии «Жизнь замечательных людей»).

У нас вот уже который год тоже выпускается подобная серия под названием «Республика Коми: люди и время». Павел Лимеров – автор двух книг из этой серии: о

Могила Фёдора Абрамова.

первом коми поэте Иване Куратове и коми учёном, этнографе, философе и писателе Каллистрате Жакове.

Отныне, с этими двумя книгами, а также с журналом «Арт», который нынче отмечает 25-летний юбилей, могут знакомиться и посетители музея Фёдора Абрамова: Павел Фёдорович подарил их музею.

Уходя из этого светлого, современного, очень содержательного музея, я опять поймала себя на мысли, что в Верколе и правда всё Он – Абрамов... И здесь, в этом музее, конечно, тоже. Это он сам водил нас по музею, сам рассказывал о себе. Сам вышел вместе со всеми проводить гостей на крыльцо...

7

Вечером прогулялись до огромного двухэтажного Инякинского дома, посмотрели выставку фотографий земляков Абрамова (большинство Абрамовы!..), осмотрели все закоулки дома-богатыря с огромным сараем... У пинежан – это поветь! И снова ощущение – мы дома, нам хорошо... Впасть в детство – милое дело, благо все как из детства, даже брошенные копны сена в центре огромной повети... Как не соблазниться и не сфотографироваться...

Пожалуй, всё же для такой повети не хватило кое-чего: качелей!.. У нас бы повесили. Правда, только на Пасху, кажется...

8

Ещё успели до заката сходить на выставку картин веркольского художника Дмитрия Клопова, прогуляться по селу. Набрили на интересную скульптуру: женщина с кузовом и ребёнком-мальчиком рядом, – словно возвращалась с ближних лугов, накосив свежей травушки для коровы...

А мне припомнилось, как в нашей деревне в 50-е годы милиционер и предсельсовета ловили таких баб: нельзя было брать траву с колхозных лугов... А своих-то и не было! Поймают – штраф! А как без свежей травки для кормилицы всей семьи? А в семье – мал мала ребятни, только молоком и спасались...

Вот и приходилось урвать где-нибудь поблизости исподтишка...

Очень хорошая скульптура!

Уже вернувшись домой, написала в сети «ВКонтакте» А. А. Житову. Он тут же ответил: «Это работа архангельского скульптора Сергея Сюхина».

Я, конечно, не преминула зайти на страницу скульптора и открыла для себя очень интересного художника. И в который раз подумала, как богата наша страна талантливыми людьми. Зайдите на страницу Сергея Сюхина, заслуженного художника России, не пожалеете...

Ещё несколько слов о веркольском памятнике, а точнее, о прототипах его...

Это, может быть, и мама самого скульптора... Это, может быть, любая другая веркольская жонка (мне так понравилось, как на Пинежье сохраняют это слово...), или абрамовская героиня из «Братьев и сестёр», или

мои односельчанки, да любая женщина в любой российской глубинке могла бы стать прототипом...

Потому что «Это она, русская баба, своей сверхчеловеческой работой ещё в сорок первом году открыла второй фронт... Бесконечная самоотверженность, обострённая русская совесть, любовь к труду, к земле и ко всему живому на Земле – да всего и не перечислишь» (Ф. Абрамов).

9

Пару слов о гостевом доме, где нас приютили в Верколе. Кстати, если я правильно поняла, таких домов и на Пинеге, и на Мезени довольно много уже. Чем пока не может похвастаться ни Вашка, ни удорская Мезень...

Наш гостевой дом, где мы переночевали (а завтра должны подъехать остальные 60 человек из Удоры!..) – это двухэтажная крестьянская изба, срубленная на большую семью, а возможно, и не одну... И срубленная на века!

Конечно, кое-что пришлось переделывать, чтобы приспособить под комнаты для туристов (их, комнат, кажется, около десяти?..). Даже на чердаке и в бывшем сарае обставленные деревянной мебелью спальни...

А бывший хлев под сараем – ныне отлично обихожённое пространство под столовую и кухню...

На этажах – вполне обустроенные туалеты, умывальники...

Нынешняя хозяйка, Татьяна Николаевна Седунова, ни много ни мало – депутат Законодательного собрания Архангельской области! А так и не скажешь: сама встречала нас, сама определяла по комнатам, сама подавала на обед...

И всё это непринуждённо, легко, играючи! Удивительный человек Татьяна Николаевна! Может, кто уже и написал о ней, но она точно – истинная героиня литературы постперестроечных времён! Жаль, не было возможности поближе познакомиться с нею... С одной стороны – времени у нас было в обрез, с другой стороны – столько всего планировали посмотреть, увидеть, услышать только в Верколе, а впереди ещё были Карпогоры... Успеть бы вздремнуть на деревянной кровати явно не прошлого даже века, кажется...

Успели. Вкусно позавтракав, стали собираться дальше, на Карпогоры.

10

Карпогоры.

Стыдно признаться, но я только перед поездкой на Пинегу наконец разобралась, что это не Каргополь! А то, кому как говорила, куда собралась ехать... Некоторые до сих пор не знают, где же я побывала на самом деле...

А вот в Карпогорах я побывала, друзья мои! В Карпогорах! Попрощавшись с Верколой и веркольцами, мы покатали дальше по такой же пыльной (здесь тоже июль выдался без дождей...), но твёрдой и достаточно ровной грунтовке, втайне завидуя пинежанам, – нам таких дорог уже при жизни, наверное, на Удоре и не видать...

Карпогоры – село в Архангельской области, административный центр Пинежского района. Основано в 17 веке. Население – 4667 человек.

Конечно, добраться до Карпогор было бы гораздо проще через Архангельск, благо из Сыктывкара (вроде бы!) должны летать самолёты, как в давние времена... А из Архангельска – поездом около пяти часов всего...

Но мы лёгких путей не выбираем. Едем на «Ниссане» из Сыктывкара до Усогорска около пяти часов (слава не знаю кому – по грунтовке, минус 49 км Школьного переулка – непонятной дороге вдоль бетонных блоков, по ним – только КраЗам и МАЗам, может быть, и удобно катать...). Ночуем в Усогорске, завтра едем в Благоево, километров 50 с чем-то по якобы асфальту...

На перекрёстке встречаемся со своими ёртомскими спутниками на «Патриоте» и следуем за ними через посёлок, через Вашкинский мост, до так называемого «чайного домика» (бывшего! – нынче вместо него один фундамент...). Здесь дорога раздваивается и направо – на Важгорт до... Муфтыги... А мы продолжаем наш путь прямо, уже в сторону Архангельской области. Пока проехали (проползли!..)

от Благоево до «чайного домика», не раз вспомнили Лену Афанасьеву, которая несколько раз в году навещает в Важгорте свою маму... А что делать? Если бы летали самолёты!.. Не летают! Уже сколько лет... А ведь в пятидесятых едва ли не в каждой деревне открывались аэродромы, посадочные площадки...

Эх, были времена, прошли былинные...

Спасибо японцам, сегодня едем на хорошей машине: на дороге пыль столбом, а у нас в салоне чисто, ни пылинки. Жара за окном, едва не тридцать уже, а у нас прохладно – кондиционер!

Тем, кто на «Патриоте», наверное, не так комфортно...

После небольшой остановки, деревенских угощений «патриотов» (первой картошки!..) вперёд вырывается наш «Ниссан», и вскоре наших преследователей уже потеряли из виду...

Нелёгкой оказалась дорога не только для «Патриота». И наша японка слегка сдулась: пришлось из Верколы съездить в шиномонтаж, а он был только за 50 км в Карпогорах...

Так что Павел Фёдорович, наш водитель, можно сказать, в Карпогорах уже успел один раз побывать. Алина Робертовна – и вовсе уже раз пять побывала там!.. Мы же со Светланой Юрьевной оказались в Карпогорах впервые...

Здравствуйте, Карповы горы!

Село когда-то так и называлось, видимо, основателем был некто Карп...

Сегодняшнему райцентру Карпогор может позавидовать не один из тех, что мне доводилось видеть в нашей республике. Во всяком случае, такой библиотеки, как в Карпогорах, я нигде не встречала ещё. Сейчас многие из них обновились, обрели своё «лицо необщим выраженьем». Взять хотя бы Корткеросскую районную библиотеку. Или центральную библиотеку Сыктывкара. Другие модельные библиотеки, с лёгкой руки министра культуры С. Емельянова (ныне уже – генерально-

го директора Александринского театра г. Санкт-Петербурга) появившиеся в республике в 2020–2021 годах просто в огромном количестве! Но, повторяюсь, такой библиотеки, как Карпогорская библиотека им. Ф. Абрамова (по оформлению, по содержанию работы и т. д.), у нас нет. Или я не знаю об их существовании.

11

Кстати, и такой гостиницы, как в Карпогорах, я пока в районных центрах не встречала...

Но речь о библиотеке. Из откликов тех, кто был там уже после нас: «Это не библиотека – это поместье, в два этажа смыслового пространства» (И. Сухорукова). И ключевые слова, на мой взгляд, здесь: «два этажа смыслового пространства»...

Ходили по библиотеке, и в голове постоянно возникали параллели: картины нашей республиканской библиотеки, ещё пахнувшей свежей краской после двухлетнего ремонта... И картины, возникающие перед глазами во время экскурсии, которую провела для нас, гостей, директор библиотеки Людмила Колик...

Сначала дивились глаза наши: осталось ощущение, что нам представили осуществлённый проект человека, претворившего свой художественный замысел от крыльца до последнего уголка этого двухэтажного дома в сдержанных северных тонах ранних зимних сумерек или белых ночей?..

Идей – множество, находок – тоже, одно – в другом и в третьем, а ощущение очень целостного единого пространства, где тебе хорошо, откуда тебе не хочется уходить, а уйдя – хочется возвращаться снова и снова...

Поражало всё: конечно, радушие хозяев (это понятно, мы какие-никакие вроде гости, а на Севере относятся к гостям сами знаете как), но прежде всего сам Дом.

В Карпогорах сумели построить Дом книги! Дом читателя... Дом писателя...

Конечно! Это же Дом Абрамова (один из его домов в этих местах), вот Он и помогает им: и в Верколе, и Карпогорах, и, наверное, в Архангельске тоже...

На втором этаже нас встречает большой портрет Фёдора Александровича Абрамова, и я ещё раз ловлю себя на мысли, что это Он им помогал... И помогает.

12

Позади 100-летие писателя. На будущий год – 400 лет Карпогорам. И именно библиотека им. Ф. Абрамова и на этот раз становится центром, где каждый вторник будет работать команда проектного офиса по подготовке юбилейных мероприятий! Участвовать могут все...

Каки во всех мероприятиях, центром которых опять-таки стала районная библиотека.

Нам удалось участвовать в двух из них: в «Поэтических ступенях», проводившихся ежегодно в дни Петровской ярмарки, и в «Деревенских университетах».

Мне понравились и «Поэтические ступени», но идея «Деревенских университетов» – больше...

Не только потому, что на этот раз в работе университета принимали участие и мои земляки: библиотекари из Удоры, а также доктор филологии П. Ф. Лимеров (да-да, наш водитель...).

Прежде всего теми возможностями, которые можно реализовывать в таком проекте. И то, что реализовывать их берётся библиотека!

Павел Фёдорович на этот раз говорил о своей землячке Ольге Петровне Коровиной, переписчице старинных церковных книг и распевов.

Её книга «Цветник духовный», переписанная ею и ею же проиллюстрированная, – это одна из тех, которую можно считать образцом среди подобных книг.

Участники «Деревенского университета» в Карпогорской библиотеке им. Ф. Абрамова.

Ольга Петровна Коровина – простая коми крестьянка из удорской глубинки, с детства слышавшая древние песнопения из уст односельчан, рано научилась читать, разбираться в замысловатых крюковых знаках. В своих дореволюционных странствиях она ещё более укрепилась в вере, собиралась учить распевам и земляков.

Но увы! Октябрьская революция вынудила уйти Ольгу Петровну и многих её земляков-староверов в «скрытники», в «бегуны», прятаться в тайге... К тому времени Ольга Петровна приобрела среди единоверцев большой авторитет, став наряду с мужчинами опытной переписчицей старинных книг, поскольку книги ветшали и по ним было уже трудно молиться. Более того, она стала признанной наставницей единоверцев.

«Скрытникам» довольно долго удавалось прятаться от уполномоченных НКВД, но однажды осенью 1936 года те нагрянули внезапно во время службы в деревне Верховзерье и арестовали староверов. И все их старинные книги арестовали...

А по дороге в райцентр сожгли в печи, чтобы не тащить лишний груз.

Ольгу Петровну Коровину в сентябре 1937 года расстреляли.

Как дошли до нас некоторые старинные книги, это, может быть, самое удивительное в истории удорских староверов...

Наш журнал «Арт» писал об Ольге Петровне, о её трудах, которые она переписывала на таком художественном уровне, что и не отличить их было от печатных, а в чём-то даже и превосходивших их...

Недавно я держала в руках труд О. П. Коровиной «Цветник духовный» и думала о необычайном таланте этой простой коми крестьянки из Верховзерье (рядом с Муфтьюгой и совсем недалеко от границы с Архангельской областью) и сокрушалась про себя, что мы так мало знаем свою историю... Мало знаем даже историю своего рода...

«Всё откладываем на «потом», а его может никогда и не наступить...

Думаю, собравшимся в этот вечер в

В Карпогорской библиотеке им. Ф. Абрамова.

Карпогорской библиотеке было интересно услышать и о другой нашей землячке Анне Сивковой, лауреате Международной премии им. М. Кастрена (Финляндия), почётном гражданине Удорского района.

Анна Николаевна собрала материал и издала более 10 книг «Крестьянское родословие» (большинство по нашей родной Удоре), и книги эти наши библиотекари привезли с собой и тоже познакомили с ними карпогорцев.

13

Будучи не очень восторженным человеком, я тем не менее до сих пор остаюсь в «плёну» своих эмоций от всех встреч на Пинежье, но более всего – в Карпогорской библиотеке. Мне почему-то крайне интересно, как в обычном северном районном центре могла появиться такая библиотека?

Да, есть государственная программа «Культура». Да, с каждым годом появляет-

ся всё больше и больше так называемых модельных библиотек. Иногда с очень современным интерьером. Конечно, я видела только несколько, а по России таких уже, наверное, немало.

И всё же!..

Возвращаюсь в Карпогоры... На этот раз по интернету. Захожу в библиотеку. Читаю о дизайнерах. Дарья Вдовина, автор дизайн-проекта Карпогорской модельной библиотеки. Молодая девушка лет около тридцати, наверное. Родилась в посёлке Ясный Пинежского района! Ого, уже успела закончить архитектурный факультет Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, училась в Репинке, на факультете истории искусств!.. Писала научную работу об орнаментах онежских прялок, познакомилась с директором Карпогорской библиотеки Людмилой Колик, и вот что из этого вышло...

Читаешь отзывы, и что ни отзыв – одни восторги...

В Суре, на родине Иоанна Кронштадтского.

И надо признаться, есть чему удивляться и чем восхищаться.

Мне как северному человеку, может быть, особенно близка идея, которая стала главной при создании дизайн-проекта этой библиотеки. В основу было взято дерево: цвет дерева, цвет неба, цвет самой северной природы... И стены, и полы, и мебель – в этом цвете природы севера – «от коричневого и глубокого синего, а также все оттенки натурального дерева...»

Пожалуй, только в так называемом молодёжном пространстве его меньше – дерева. Больше там современных текстур: «фанера, оголённый кирпич, имитация бетона...»

Какая удача, что Дарья Вдовина и библиотека Ф. Абрамова встретились. Похоже, что повезёт в этом плане и Карпогорской детской библиотеке, которой тоже предстоит поработать с землячкой из Санкт-Петербурга: у неё уже разработан дизайн-проект и для этой библиотеки.

Не сомневаюсь, что это будет не менее интересный и яркий визуальный образ сельской библиотеки сегодняшнего дня!

В 2021 году Карпогорская библиотека стала победителем конкурса на создание модельных муниципальных библиотек в России!

И дело не только в том, что она оснащена по последнему слову техники. Сегодня, к счастью, уже немало других библиотек могут похвастаться этим... Дело не только в том, что библиотека Ф. Абрамова стала на взгляд многих, судя по отзывам в интернете, современным пространством для работы с книгой, пространством продвижения книги и чтения, пространством развития у земляков интереса к исследовательской и творческой работе по сохранению истории и культуры родного Пинежья и, конечно, творчества Фёдора Абрамова, чьё имя носит библиотека.

Здесь всё зримо напоминает о нём, и даже человеку, впервые услышавшему об Абрамове (хотя вряд ли такие найдутся), уже почти с первых шагов по залам библиотеки становится ощутимым весь масштаб личности писателя – земляка карпогорцев.

А когда рассматриваешь тома(!), собран-

ные в краеведческом отделе библиотеки о развитии медицины или образования, или лесной промышленности района, и вовсе начинаешь недоумевать, – как это было возможно. В обычной районной библиотеке?..

Но даже не столько масштабы дел, которые проворачивают в этом довольно молодом коллективе, удивляют, а то, что они берутся и у них получается делать то, что вроде бы и не их это дело... А оказывается в результате, что их дело!

Как признаются наши земляки из Удоры, «покидали они Карпогорскую библиотеку под большим впечатлением...»

И было от чего!

Молодой, энергичный коллектив возглавляет Людмила Алексеевна Колик, и, на мой непрофессиональный взгляд, делает это она очень профессионально. На днях по интернету слышала, как Карпогорская библиотека провела трёхдневные краеведческие чтения по сёлам Пинежья. Организация самих чтений, темы докладов, имена экспертов, приглашённых на чтения, – всё было более чем на достойном уровне.

Рада, что наша Удорская библиотека им. А. Ванеева и Карпогорская районная библиотека им. Ф. Абрамова решили «дружить домами».

Уверена, польза может быть обоюдная, потому что и мои земляки в последнее время делают немало интересного.

Пожелаем им удачи!

14

Да, Карпогоры для меня прежде всего запомнятся библиотекой Ф. Абрамова.

Но не только!

Карпогоры – это и уникальный музей Г. и В. Мёрзлых.

Это и музей на Карповой горе, где нас встречала и провела для нас экскурсию наша землячка, выпускница Коми пединститута Лариса Анатольевна Корчажинская.

Это и Карпогорская Петровская ярмарка, конечно!

Сюда-то и стремились наши удорские артисты, мастера-прикладники, мастера по удорской кухне и не только! – свою кухню, свои песни и танцы привезли сюда и удорские наши болгары!

Мы, экипаж «Ниссана», честно обошли всех, со всеми пообщались, но...

Нас ждали уже в Суре, и, поблагодарив хозяев задолго до окончания Петровской ярмарки, мы выехали из Карпогор на Суру.

«Почему на Суру?» – может спросить любой, но не пинежане. Им не надо объяснять, почему на обратном пути домой мы решили сделать этот немалый крюк с двумя переправами через Пинегу.

Дорога на Карпогоры вела иногда совсем рядом с рекой, но до Верколы мы её толком и не видели, да и в Верколе она еле просматривалась за пойменными лугами.

Сразу за лугами взгляд, казалось, упирался в высокий противоположный берег, над которым высился Свято-Артемиево-Веркольский монастырь. Попасть туда можно было только на лодке. Наши удорцы сходили вечером, не побоявшись длинных песчаных кос и комаров-кровопийцев.

Я, признаюсь, не ходила. После нашей непростой дороги у меня не было уверенности, что я одолею этот песок в полреки, а главное, высокий пинежский берег и не буду никому в обузу... Как говорит мой старинный эстонский друг: не забудь иногда заглядывать в паспорт... Увы, приходится...

Хотя мне очень хотелось побывать в этом монастыре, но, может быть, когда-нибудь зимой... Да, есть такая мысль – о зимней поездке на Пинежье, но... Не будем пока об этом, а то вдруг не устроится...

А пока появилась возможность, мы едем в Суру. Паром на Пинеге как будто нас и поджидал, перевёз быстро, и вот мы уже почти в Суре...

Сура когда-то – это несколько деревень: Гора, Горушка, Заречье, Засурье, Холм, Оксовица, Прилук, Слуда... Сегодня Сура – это два «окола», Горки да Погост.

Если что не так – все замечания к интернету...

15

Наверняка в России многие слышали про Суру. И я слышала. Но никак не связывала это название с местами, куда попала в июле 2022 года... И имя человека, прославившего Суру, конечно же, многим знакомо. А мне буквально перед этой поездкой почти ежедневно доводилось читать в интернете высказывания Иоанна Кронштадтского: кто-то из моих знакомых незнакомцев (таких достаточно, наверное,

в интернете не только у меня...) постил цитаты святого праведного...

«Цветы – остатки рая на земле».

«Душа – дом, страсти – огонь».

«Как сладки плоды доброго причащения: всю душу проникает радость и мир, и всё кругом так приятно, хорошо, как будто всё тебе улыбается!»

Это всё от Иоанна Кронштадтского, одного из самых известных русских святых.

Его называли чудотворцем, пророком, целителем болезней, «скорым помощником и милостивым предстателем» (то есть ходатайствующим за нас перед Богом) в случае нужды и отчаянного положения...»

Он помогал людям не только своими средствами, но и теми немалыми деньгами, которые ему доверяли для добрых дел совсем иногда незнакомые люди...

...Наше путешествие по Суре (не могу это назвать просто экскурсией) начинается в храме Свято-Никольского собора, который был заложен в июле 1888 года самим Иоанном Кронштадтским.

Ольга Мёрзлая, местный библиотекарь, кажется, с закрытыми глазами могла бы провести нас по всем святым местам своей Суры. Она показала нам и храм, и музей, и новые часовенки, построенные вокруг Суры, – своеобразный пояс Богородицы... А рассказала – всего и не пересказать...

И после этого удивительного путешествия в прошлое Суры осталось впечатление, что здесь не просто помнят Иоанна Кронштадтского как абстрактного святого, а помнят как своего человека, который здесь родился, мальчиком бегал по этим лугам, рос... Помнят его родителей... И даже родственники святого кое-кто живы!..

Но главное, живёт храм, освящённый самим святым... И разруха не одолела его, сегодня храм восстанавливают... И хоть не очень нынче много на службе верующих, но не зарастает дорога к храму.

Паломники здесь довольно частые гости, и из Веркольского монастыря работ-

ники на восстановление храма постоянно приезжают...

Нас привёл случай (неслучайно?..) в Суру, считающих себя православными, но так редко бывающих в храмах... А в святых местах и того реже... А Иоанн Кронштадтский говорил, что «храмы – это верховные школы, врачевницы, просветительские места, дорожные станции для путешественников неба, дома благотворительные, где оказываются нам величайшие благодеяния и пособия благодатные для приготовления к водворению на небо...»

Прочитаешь эти строки в юности, вряд

ли, наверное, слова эти тронули бы, а вот с годами задумываешься...

Зайдёшь в храм, тем более история которого связана с почитаемым тобой человеком, будто причистишься... В «душу проникают радость и мир, и как будто всё тебе улыбается».

Сколько уже времени прошло после поездки на Пинежье, а в душе всё ещё радость и мир, которыми поделился с нами этот край.

Спасибо! Всем, всем, всем! Большое спасибо! Аттьё (дословный перевод с коми языка – кланяюсь).

Вместо эпилога

Почему я свои путевые заметки на Пинежье назвала «Солнце село в море и осветило рыбу»? О каком море речь на Пинежье? Ну, во-первых, интернет сбил с толку. Открываю, читаю: Карпогоры... и «Солнце село в море»... Во-вторых, вспомнив, как лихо гости из Пинежья читали на празднике «Коми книга» на Удоре сказы и былины, решила, что слова эти могут иметь какое-то к ним отношение.

Увы, никто из новых пинежских знакомых не подтвердил мою версию... Однако, покопавшись в интернете, я нашла автора! Им оказался писатель из Санкт-Петербурга Валерий Георгиевич Попов... Среди тех, с кем был знаком он, – Бродский, Рейн, Битов... Он автор книг в серии «Жизнь замечательных людей» о Д. Лихачёве, о С. Довлатове, о М. Зощенко. Кроме – у него более двадцати книг современной прозы.

И почему-то так поразившие меня слова «солнце село в море и осветило рыбу» – тоже из его книги «Все мы не красавцы»...

«...Я плыл долго на спине и не заметил, как оказался на острове...

Солнце село в море и осветило рыбу, водоросли и камни...

Подул сильный ветер».

Почему он так написал? Где-то уже встречалось ему это выражение, почему кто-то связал эти слова с Карпогорами?

И мне показалось, что так и должно быть. Не смутило даже то, что от Карпогор до моря ещё ох как не близко...

Странно? Может быть, но мне выражение это показалось таким естественным здесь, на Пинежье. Уж больно оно само как из сказки какой. А «сказка – ложь, да в ней намёк...»

Я даже знаю, на что намёк.

Поживём – увидим.

Сыктывкар. 2022.

Литература сегоДНЯ

Денис
ПОПОВ

Денис Николаевич Попов – поэт, прозаик, переводчик. Родился 18 августа 1979 года в с. Усть-Цильма. Проходил службу в пограничных войсках в г. Воркуте. Окончил курсы водителей и курсы охранников. Работает вахтовым методом в агентстве «ЛУКОМ-А-Север», охранником на объектах «Лукойл» в Республике Коми. Живёт в Усть-Цильме. Публикуется в различных альманахах и журналах. Автор книг «Лиственничное небо» (2018) и «Птицы ковчега» (2022). Член Союза писателей России (2022).

«Мы от птиц приходим...»

Стихи

* * *

В Котласе слякоть и мелкий дождь.
Пахнет горелым, и
Лишь небосвод здесь на снег похож
Тучами белыми.

Кажется, ямку копни – водой
Тут же заполнится.
Тянется Котлас состава вдоль,
Но не запомнится

Город ничем. Может, только птиц
Взмахи синхронные.
Будто скрипение половиц,
Скрипы вагонные.

* * *

Старуха одевается тепло,
«На сто одёжек» закрываясь туже.
Поскольку тела хрупкого стекло
С годами прогревается всё хуже.

Каких-то десять метров до сельпо
Старуха одолеет в сто усилий:
Не просто землю чувствовать стопой,
Когда одной ногой уже в могиле.

Но сто шагов старухи, сто одёж
Нет-нет да и видны на этом свете.
Поскольку этот свет ещё похож
На тот, что – лет уж сто! – хранит в конверте.

ДЫМОВАЯ ЗАВЕСА

Дождик, частый и тихий.
Нехолодный зато.
Будь какая шумиха,
Может, было б не то.

Ну а так: небо в дымке:
Дым отчизны – как есть!
Самолёт-невидимка
Ищет землю, чтоб сесть.

Слышно: гул по-над лесом,
В двух – отсюда – верстах.
Дымовая завеса
Хороша для атак.

МАТРЁШКИ

Расписаны светом сугробы:
Там – палех, чуть в сторону – гжель.
Ну чем не матрёшка – автобус,
В узорах рекламы ГАЗель?

И люди внутри, как матрёшки:
Овалы румяные лиц
В платках, в капюшонах. Ладшки –
В карманах, коль без рукавиц.

Дышу на оконную наледь
И тру – не видать ничего!
Стучится матрёшкою память
О стенки нутра моего.

В ТУНДРЕ

Ни ощущения толпы,
Ни чувства, мол, один в пустыне.
Лишь снежная клубится пыль
Под фонарём в ночной равнине.

Ни плохо и ни хорошо.
Ни битвы за себя, ни бегства.
А так, как будто голышом
Стоишь под небом, точно в детстве

Над тёмною речной водой
И над белеющим исподним.
И ни один из всех плодов
Не сорван во саду Господнем.

НА ПЛЕЧАХ РОССИИ

Огни в глубинах тундры по ночам
Мне видятся висящими над нею.
Как зябко у России на плечах!
Как у Христа за пазухой теплее!

Хоть ста ветрами и снегами ста
Страна, меня несущая, покрыта.
И вне тепла обветрены уста,
И – говорят, что – Господом забыта

Земля вокруг с огнями по-над ней,
Но прежде я земли не видел твёрже.
Как на костры похожа дрожь огней!
Как ночь на первозданную похожа!

* * *

Ещё не утро, но уже не ночь.
И носится Дух Божий над водою
И над землёй безвидной и пустою,
Где время словно не разделено

На тьму и свет...
И только щёлк да щёлк –
В лицо снега летят, песку подобно.
Нет сумерек уже внутриутробных.
Нет признаков рождения ещё.

* * *

Мы от птиц приходим,
От маленьких розовых птиц,
Что умеют ловить на лету
Крошки снежного хлеба.
Только птичье слетает
С румяных – со временем – лиц.
Только в памяти не остаётся
Пространства для неба.

Но фантомные боли –
Не в сердце, как пишет иной,
А в спине, меж лопаток,
Где крест, точно шрам, вместо крыльев –
Нас тревожат ночами,
Тревожат забытой виной.
И снежинками кажутся
Птичьи летящие клинья.

* * *

Зябкий августа рассвет
Пробивается меж ставней.
Пёс, уснув, похож на след
На песке, что псом оставлен.

По траве иду. Трава
Гнётся, но следы не держит.
Пробиваются слова
Меж зубов, как воздух свежий

Пробивается сквозь дым.
Тени псом и мною машут,
По-собачьи взяв следы,
Так похожие на наши.

* * *

И застынет меж до и после
Наш вагончик в сырой ночи.
Глянесь:
– После? Иль где-то возле?
Тихо. Лишь тепловоз урчит.

Гляню:
– Нет! Нам пока не светит...
Пусть и редко, бывает так –
Ничего, что бы глаз заметил.
Ничегошеньки!..

Красота!

ОБМЕН ТЕЛАМИ

То я в метели, то она – во мне –
Прижизненный ещё «обмен телами»,
Знакомый с детства нам, простой шпане,
Когда джинсой менялись с пацанами,

Чтоб пофорсить: чужое – не своё.
В чужом прикиде всякий мнится смелым.
И лишь чутьё, как нижнее бельё,
Всегда своё, поскольку ближе к телу.

И лишь метели, ту, в которой я,
И ту, что в летний день во мне клубится,
Не предложу ни близким, ни друзьям:
Своим крестом не принято делиться.

* * *

Я не держу в избе меча,
и в дом ко мне с мечом не ходят.
По ком берёза, как свеча,
горит в осенней непогоде?

Блажен в предчувствии реки
мой сон, ко звукам прежде чуткий.
И греют нос и локотки
ко мне прижавшиеся сутки.

Ах, как заботилась душа,
не принимая перемены!
Но я, на родину спеша,
быть научился откровенным.

Пусть мне казались выше сил
и жизнь, и новая дорога.
По ком бы кто ни запалил
«свечу»... И слава Богу!

* * *

Григорию Спичаку

Крыжовника бурые капли.
Смородины чёрная дробь.
Эх, августа не было кабы –
его бы я выдумал, чтоб

туманом стоять над водою:
над собственным телом своим.
Смотреть в отраженье худое,
залётным, не узанным им.

Чтоб кто-нибудь мне на дорогу
мою, иль дорогу его,
сказав лишь три слова «Ну, с Богом!»,
ушёл, не сказав ничего.

Проснуться в селе захудалом
с помятым от пьянки лицом.
Чтоб август, мне ставший началом,
моим стал однажды концом.

* * *

Наталье Стикиной

Между белым небом и его
круглым отраженьем в кружке чая
нет, пожалуй, больше ничего,
что бы я сейчас назвал случайным.
И слепое солнце в дымке дня,
и пары безветрия немого,
в голубых застывшего тенях –
неспроста. Как, в общем, всё у Бога.

Предрешённость? Нет, скорей зима
стала вдруг ещё одной привычкой
на границе страха и ума,
чем-то вроде веры, очень личным,

что вершат короткими «Аминь!»
Даже те, кто и небес не имут...
Ветер прирастает снегом и
обретает плоть, какая зрима.

Татьяна
ПЛОСКОВА

Татьяна Николаевна Плоскова родилась в 1968 году. Работала корреспондентом и фото-корреспондентом городской газеты «Печорское время», сотрудничала с еженедельником «Аргументы и факты-Коми». Публиковалась в журналах «Регион», «Наш современник». Живёт в городе Печоре.

Повесть «За закрытыми глазами» ведётся от лица инвалида-колясочника. Какое мироощущение у человека с ограниченными физическими возможностями? Можно ли испытывать счастье, находясь в изоляции от общества? И что есть счастье?

За закрытыми глазами

Мы созданы из вещества того же,
Что наши сны. И сном окружена
Вся наша маленькая жизнь.

Уильям Шекспир. Буря

«Мада жале локтіс!¹» – бабушка, моя милая бабушка стояла передо мной, ласково улыбаясь, всё в той же цигейковой душегрейке поверх василькового фланелевого в белые загогулины халата и в белом же, завязанном под подбородком на слабый узел платке и протягивала ко мне руки со вздутыми синими венами, и я тут же заметил, что оборки её простой, заношенной одежды по-прежнему разлохмачены почти до нитей: старики так привязаны к старому. Радость, наивысшая её точка, акме мгновенно овладела мной: самый дорогой, давно покинувший жизнь человек словно в добром сне находился рядом. «Анатолий, видзодлы, внук локтіс²», – торжественно добавила бабушка, повернув голову в сторону, и я увидел прежде не виденного мной деда, сдержанно улыбающегося, точь-в-точь такого, как на довоенном снимке, стоявшем за стеклом книжного шкафа. Широко расставленные глаза, великоватые губы, намекающие на большой рот, выпавшая на лоб из зачёсанных назад прямых волос прядь, белая, застёгнутая под горло сорочка и слегка мешковатый чёрный пиджак с вкрученным в полочку на уровне груди орденом Отечественной войны с одной звёздочкой посередине и снизу. «Значит, степень всё-таки первая», – пронеслась мысль, и я необъяснимым образом тут же увидел освещённое холодным солнцем белое пространство зимы и скелеты видящих сны о весне низких северных берёз – природу, лишённую макияжа, деда в группе людей, спрятавшегося в маскхалат и идущего по белизне на лыжах с шевелящейся в такт движению винтовкой Мосина на спине, а потом забрасывающего гранатами амбразуру финского ДОТа. «Так вот за что», – мысленно сказал я себе, ничуть не дивясь фантастическому знанию.

И дед, и бабушка виделись плоскими, двухмерными и как бы подвешенными на невидимой леске, словно какой-то фотомастер вырезал их силуэты с помощью «Фотошопа»

из давней фотографической карточки, фоном которой служил нарисованный на стене простенький пейзаж, затем вставил в середину тёмного прямоугольника и отдал закодированную единицами и нолями работу кремниевым мозгам, превратившим бездвигательный JPEG формат в подвижный, исполненный мимики MPEG4. Но самым невероятным было то, что я тоже стоял. Стоял! Опуская глаза, я видел свои тощие, висящие канатами ноги прямыми и сильными, я ощущал, как они держат массу, и ликовал от восторга. Я хотел было броситься к этим протянутым ко мне рукам, но как прибитый гвоздями остался на месте. Сломанная, бесполезная кукла...

Я вышел из материнского чрева в старый Новый год. По давней традиции советские люди в этот день избавлялись от лысеющих праздничных ёлок, и беременная мной мама принялась за означающую финал новогодья работу, бережно складывая стеклянные переливчатые шары, блестящих, одетых в красные скафандры космонавтов и пластмассовые снежинки в картонную коробку. Щедро осыпающее хвоинки деревце было уже раздето наполовину, мама протянула руку к его макушке, чтобы аккуратно снять пятиконечную звезду, как в эту минуту я требовательно попросился наружу. Спать и родить нельзя погодить, бабушка, бывшая тут же, бросилась к соседям звонить в «03», и спустя два часа я сообщил миру о своём приходе.

Мама говорила, что родился я обычным, доношенным, только был вял и сонлив. Особенности, сделавшие меня скрюченным (помните, «Жил на свете человек – скрюченные ножки...»?), появились через год. Она винила в случившемся трудно произносимый вирус, вселившийся в неё во время вынашивания плода, и этот невидимка, нечто между веществом и существом, строительный мусор, вытряхнутый Богом из кармана на седьмой день творения, принялся подло разрушать центральную нервную систему растущего в матке младенца.

Теперь-то я знаю, что всё происходило не так, и мама просто не хотела наказания виновных, ведь изменить прошедшее невозможно. «В болезни будешь рождать детей» – сказано в Писании. Я вырос богатырём и измучил роженицу тем, что застрял в туннеле между утробой и белым светом, как переевший Винни Пух в кроличьей норе. «502 Bad Gateway»³ – сказало бы на это бездушное железо. Родовые сокращения прекратились, в ноги меня никто не подталкивал, и молодая повитуха с деревянными руками – пиковая дама моей судьбы, наложив на головку щипцы, принялась с силой тащить не желавшего рождаться дитя. Она так старалась, что сместила шейные позвонки, пережав сосуды, затруднив кровообращение мозга и подписав мне неисправимые нарушения координации и речи.

В два месяца я не держал головку, в три не ложился на бочок, в полгода не мог переворачиваться на брюшко. Мама тревожилась. «Мне кажется, он не здоров, у него ручки-ножки не разгибаются, кулачки сжаты», – жаловалась она пришедшему по направлению педиатра детскому неврологу, тётушке за сорок с отёчным лицом, почти всю площадь которого занимали высокие скулы, дополненные вытянутым, слеplенным колбаской носом и широко расставленными глазами, отчего его владелица сильно напоминала овцу с припиленным к голове рыжеватым шиньоном. «Ну что вы хотите, такие тяжёлые роды! Не волнуйтесь, мамочка», – отвечала докторша. Когда я к отпущенным природой срокам не научился сидеть и ползать, мама обратилась к книгам по медицине. «Он как вареник, у него ДЦП, посмотрите, мышцы в постоянном гипертонусе, не гукает!» «Ну он же мальчик, мальчики ленивы. Ваш малыш ещё слаб, это просто особенности развития», – продолжала утешать её тётушка-«овца», но под давлением мамы всё же назначила терапию, ЛФК

и массаж. Не помогло. Мама мечтала увидеть мои первые шаги, но всё, на что я был способен, – передвигаться по полу, поджав в коленях ноги, на пятой точке, нескладно размахивая руками, как балаганный Петрушка, и нечленораздельно мыча. «Интеллект сохранён, но ваш сын никогда не сможет ходить, – резюмировала мягко, будто извиняясь, председатель медико-социальной комиссии. – Мы даём вам первую группу». «Лучше бы не смогла ходить я», – растерянно ответила мама.

Она стала другой: её нескончаемая весёлость сменилась плаксивостью, нервозностью и меланхолией, говорливость – задумчивостью. Безотрадное, бесперспективное бытие перевернуло сознание, она перестала интересоваться нарядами, милыми женскими штучками, совершенно себя забросив. Видя в дочери усталость и перемену, бабушка достала из шкатулки гробовую записку и отпустила дочь к тёплому морю. Оттуда мама вернулась с мужчиной, пожелавшим стать её мужем, но «без этого юридивого». «Будь он моим – я бы его за ноги и об стену. Я тебя с таким ребёнком не возьму. Хочешь всю жизнь г...но убирать – оставайся с ним. Отдай ты его в интернат и забудь, он же выпьет тебя до дна, высосет до костей. Ни ему счастья не будет, ни тебе...» – украдкой нашёптывал он маме.

Бабушка, конечно, всё слышала, она позвала маму и решительно уведомила: «Надя, я Павлика в интернат не сдам, пропадёт он в казённом доме, да и грех это. Уходи со своим женихом и устраивай жизнь как тебе хочется – одна искалеченная судьба лучше двух. А Павлик – Божий человек, Бог его дал в испытание, вот я его и выращу». Так мы остались вдвоём.

Многое в жизни зависит от окружения, людей формирует среда, общество, с которым они соприкасаются, и дух этого общества. Заточённый роком внутри себя я походил на всё понимающую собаку, силящуюся донести до хозяина свои желания, туго ворочая длинным языком, но всё равно отрывисто лая. Мои органы чувств исправно принимали информацию и передавали их в главный компьютер, но сломанный soft⁴ посылал мышцам ошибочные сигналы, я изо всех сил пытался говорить, хотя бы растягивая слоги, а из глотки выходило тягучее коровье мычание. Как люди, держащие попугаев, понимают их щебет, и владельцы кошек знают, о чём те мяукают, так бабушка разбирала мою корявую речь. Я почти не видел людей, роскошь общения была для меня подлинной ценностью, бабушка явилась для меня воплощением человечества и человечности, с младенчества пропитав моё существование добротой и любовью. Не желая верить в обречённость внука, она пыталась вылечить меня заговорами и молитвами. Спозаранку она, скинув белый домашний ситцевый платок и надев цветастый штапельный, всунув в большую хозяйственную сумку с обмотанными синей изолентой ручками трёхлитровые банки, отправлялась к колодцам на окраины города, куда бросала пятикопеечные монеты и со словами «пришла за здоровьем» набирала всегда студёную воду. Принеся её, уходила с третьей банкой к реке, где, бросив в воду пятак или три копейки, тоже просила здоровья. Дома бабушка сливала воду в ведро, читала над ней заговор, чертила ножом крест и, посадив меня в ванну, обливала, приговаривая по-коми: «Став лёкыс, кысь локтём, сэтчö бөр мун⁵». «Лёкыс» не уходило, зато из ноздрей начинало подтекать.

Узнав от кого-то имена и адреса народных целительниц, дипломированных мануалов и самопровозглашённых костоправов, она тут же звала их к нам. Целительницы приходили со свечами, старинными потемневшими образами с изображёнными на них строгими ликами святых, гасили свет и в полумраке жёлтых, колыхающихся огней ходили вокруг меня, нашёптывая заклинания, обрызгивая животворящей водой. «Ангелы небесные, ангелы святые. Возьмите и отнесите Господу Богу, Иисусу Христу все мои слова, всю мою

просьбу. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. Встань, хвороба, встряхнись, ступай, в ад опустишь. Скатись, свались с раба Божьего Павла, чтобы его душа воспарила, а тело болеть перестало. Благослови, Господи, все мои слова. Ключ, замок, язык. Аминь. Аминь. Аминь». От страха я принимался плакать, бабушка унимала: «Поправишься, мада жале, поправишься». Мануалы же, пощупав мои кисельные ноги, разводили руками: «У него нервное, а я по костям лекарь». И ангелы, и святые чудотворцы, и Пресвятая Богородица, и Христос не слышали горячих просьб-молитв целительниц, словно их уши были замазаны глиной. Сейчас-то я знаю, что все эти обращённые к небесам ритуалы и не могли облегчить мою участь: мир устроен гораздо сложнее, чем представление человечества о нём.

Свободное от стояния в очередях и бытовых забот время бабушка отдавала мне. Вечерами она, накинув на кончик носа очки с плюсовыми диоптриями в стёклах, усаживалась со штопкой или вязанием в кресло под свет настольной лампы с широкополым абажуром и рассказывала о своём ижемском детстве в большой избе, в большой семье, с большим хозяйством из шести коров, четырёх лошадей и стайки овец. О дяде Иосифе, перегонявшем в Большеземельскую тундру бесчисленное стадо северных оленей и возвращающимся в Ижму с камусом, пыжиковыми шапками, малицами. А потом пришла советская власть, пересчитала и отобрала оленей, увела домашний скот, и бабушка бабушки, плача на пороге, умоляла оставить для малых детей хотя бы одну корову. Напрасно. Когда бабушка бабушки умерла, вести её на погост было не на чем, и сельские мужики несли гроб на плечах. Потом от голода и болезней умерли один за другим дети, за Камень по перевалу унёс ноги дядя Иосиф. Измельчала некогда большая крепкая семья. В другой раз она вспоминала англичан, наведавшихся в Ижму по торговым делам: за меха и шкуры иноземцы-островитяне отдавали душистый табак и изящную посуду. Говорила, что в те времена водку привозили в село из Сибири, но пьяниц сельчане не знавали, потому что спиртное пили напёрстками, а водкой лечили заболевших оленей.

Слушая её неторопливую обволакивающую речь в уютном полумраке нашей комнаты, я представлял одетого с ног до головы в меха и потому похожего на медведя, стоящего у нарт с хареем в руке, неизвестного мне дядю Иосифа, разрывающих мордами снег оленей с короткими заячьими хвостиками и растущими из головы рёбрами. Англичане виделись в кудрявых париках, в вышитых красных камзолах и в туфлях с большими пряжками, склонившимися в поклонах, отставив назад одну ногу, предлагающими аборигенам в малицах мешочки с табаком. Советская власть представлялась мне тёткой в чёрном платье, протягивающей руки с длинными звериными когтями к чужому добру, и я спрашивал:

– Бааааабушка, аааа чтооо таааакоо соо-ветскаааая влааасть?

– Это люди, с которыми не поспоришь.

Она много рассказывала о муже – моём деде Анатолии – выходце из старого рода священнослужителей, вернувшегося с войны, но вскоре умершего от туберкулёза. Я всматривался в картонку с изображённым на ней застывшим в лёгкой улыбке лицом и думал: вот жил человек, чему-то радовался, болел, печалился и исчез, оставив от себя только несколько ветхих фотографий. Позже, увидев в телевизоре документальные кадры, снятые на заре кинематографа, сдвигающимися, как заводные игрушки, офицерами царской армии и самим царём, с красноармейцами в остроконечных будёновках и вождём мирового пролетариата, быстро размахивающего рукой с зажатой в кулаке кепкой, я, оцепенев, думал: «их всех нет, вместо них пустота».

Бабушкина речь вмещала множество пословиц, поговорок, притч, рождённых в старину в гуще народа коми. Негромко лязгая в домашней тишине поблёскивающими спицами, она повествовала о двух, живущих по соседству, братьях – ленивом и трудолюбивом.

Когда в деревне случился пожар, все бросились помогать ленивцу.

– Пооочему, бабуль?

– А работающий сам всё вынесет.

Бывало, за ужином вдруг гас свет, я начинал капризничать и слышал благоразумное: «Паньсö небось пеляс оз ну^б». Всех, пришедших к нам за чем-нибудь, бабушка досыта кормила, говоря мне: «Гость много в животе не унесёт». Она учила меня добру и состраданию, как-то в нашу дверь постучали, бабушка отперла и увидела бедно одетого мужчину, просящего милостыню. Она, не раздумывая, дала ему хлеба и что-то ещё из съестного.

На новогодние праздники бабушка приносила невысокую ёлочку, опускала комель в трёхлитровую банку с водой, оживая, деревце наполняло квартиру свежим ароматом хвои. Ах, сколько было радости в развешивании по колючим лапам шаров – больших на нижние ветки, маленьких – повыше, покрытых глазурированным снегом стеклянных шишек, часов, навечно замерших в пяти минутах от января. Мне особенно нравилось, достав из глубокого чрева коробки игрушки на прищепках, цеплять их поближе к стволу. Бабушка обматывала банку белой наволочкой, завершив таинство установкой под ёлку набитых ватой Деда Мороза и Снегурочки, и говорила: «В новогоднюю ночь загадай желание, Дедушка Мороз его обязательно исполнит». Она понимала: все дети верят в волшебство и ждут чуда. В ночь на первое января я всегда просил одно и то же.

– Я знаю что, мада жале. – Бабушка снова возникла из ниоткуда, теперь она сидела за столом в нашей завешанной утварью кухне, положив руку на руку перед стоящей на блюде пустой чайной чашкой, и я тут же подумал, что из всех напитков она отдавала предпочтение крепкому свежему чаю и как-то, после войны, купив на базаре на последние деньги пачку заварки, обнаружила в ней спитые высушенные чаинки. Я вновь видел её на этот раз так отчётливо, что отмечал знакомую сеточку неглубоких морщин по уголкам излучающих душевное тепло глаз, округлившиеся в улыбке скулы, редкие, едва очерченные брови, узкую ниточку губ. – Ты рос добрым ребёнком и просил не для себя. Ты хотел, чтобы я никогда не болела и жила бесконечно.

– Но ты умерла, ты снишься мне... – вымолвил я внятно и растерянно.

– Смерти нет...

После Нового года приходил старый Новый год, одновременный с днём моего рождения. Проснувшись, я находил на прикроватном стуле бабушкин подарок. Однажды это был механический повар в короткой поварской куртке и в высоком белом колпаке, подбрасывающий блин на сковородке, потом мой ящик с игрушками пополнился голубого цвета фотоаппаратом, при нажатии на спусковую кнопку которого из неожиданно открывающегося объектива с шумом выскакивала озорная мордочка. Бабушка дарила мне заводные автомобильчики и механический луноход, детскую стиральную машину, приводимую в движение зарядом батарейки и стиравшую бельё, медвежонка Михлика, пластмассовый розовый телевизор, показывающий одни и те же картинки из крутящегося вокруг оси диска. Но как-то на заваленном скомканной одеждой стуле я нашёл коробку с кубиками. «Будешь учить азбуку», – сказала бабушка и показала мне буквы. В пять лет я стал читать.

Книги стали для меня тем же, чем для пропойцы вино, для домохозяйки – жвачка телесериалов, для геймера – Майнкрафт, для тинейджера – TikTok: они вынимали меня из реальности. Я открывал их на материке своего замкнутого пространством

однокомнатной квартиры незавидного бессмысленного существования и отплывал к манящим сладким ванильным ароматам, перечной жгучестью, тёплой гвоздичной остротой островам Пряностей. От брошюрованных изданий из серии «Моя первая книжка» я перешёл к сказкам. Детская библиотека располагалась недалеко от нашей пятиэтажки, и бабушка приносила оттуда литературу. Потом я пошёл в школу, то есть школа, представившись Марией Александровной, пришла ко мне. Природоведение и чтение стали моими любимыми предметами. Читал я запойно, и бабушка, усадив меня в инвалидное кресло, повезла на знакомство с библиотекой. Книжное изобилие пленило, книги казались хранителями тайн, с волнением смотрел я на запрещённые к выдаче ряды богато иллюстрированных энциклопедий в читальном зале, на редкие издания в ярких переплётах и журналы, которые невозможно было купить.

– Ну, Павлик, что ты ещё прочитал? – спрашивала во время уроков Мария Александровна.

– Приииключеение Бууурааатиино.

Читая похождения деревянного мальчика, я сам становился им, это я, а не он закапывал в Поле Чудес золотые монетки, я боялся страшного Барабаса, но перехитрил его. Я был чумазым оборванным сыном полка Ваней Солнцевым и просящимся в деревню к деду Ванькой Жуковым. Я, а не Джим Хокинс, плыл к острову Сокровищ с шайкой пиратов, и я жил вместо Робинзона на острове Отчаяния.

Потом я увлёкся космосом и проглотил книжки космических первопроходцев. Я представлял себя Гагариным, вразвалочку идущим к фаллосу-«Востоку» в апельсиновом скафандре. Меня, как Гвидона в бочку, запирали в консервную банку-корабль, не имеющий флага, и под едва слышный пассажиру рёв двадцати миллионов лошадей с фантастической скоростью отправляли в небесное плавание. Там, в бесконечной пустоте и беззвучии, я, воплощение Аксаковского чудовища, мечтал остаться с явившимся мне не горящим терновым кустом, но горячим сиянием всех звёзд Вселенной Богом один на один и попросить освобождения от злого волшебства. Или гибели.

– А я боялся Его встретить. – Гагарин возник внезапно. Он сидел на скамье, беззаботно опираясь локтями на её спинку, в широкополой шляпе и солнцезащитных очках. Юрий Алексеевич ловко снял и шляпу, и очки, и я заметил большую голову, несколько тяжеловатый нос и шрам на лбу, дивясь несоответствию живого облика с фотографическим. – Чтобы отвлечь меня от переживания будущего, вечером накануне старта Раушенбах (он конструировал систему солнечной ориентации корабля) ещё раз проверил мои знания по работе всех систем. Борис Викторович верил в Бога и спросил меня, что я буду делать, если встречу Его. И я понял – ничего. Я был крещён в православии и тайно верил, что успех полёта, как и всё остальное, в руках Божьих.

– Кроме веры в Него.

– Да, кроме веры. И когда мне помогли надеть комбинезон, а поверх него скафандр, я незаметно всунул в кармашек мой нательный крестик – с ним Бог узнает своего. Техники усадили меня в лонжерон, закрыли люк над моей головой, я остался в освещённой искусственным светом сфере наедине с предстоящей неизвестностью, и в меня вселилась тревога. Главный по-отечески подбадривал меня разговорами про колбаску, и я заученно повторял то, что он хотел слышать: «самочувствие хорошее, настроение бодрое», но чтобы отвлечься от волнения, попросил дать мне музыку. Напевая и насвистывая, я взбодрился.

Через три минуты после пуска в атмосферу полетел головной обтекатель, свет хлынул в кабину, и через небольшой глазок «Взора» я увидел планету! Волнение тут же

ушло. Как когда-то матросы Колумба, с детским восторгом я произнёс: «Вижу Землю!» С небывалой скоростью я поднимался всё выше, я смотрел на дугу планеты, и небо было моим престолом, и Земля была подножием ног моих, и я был подобен Богу!

А потом она отпустила меня, и я повис над креслом, взлетел, как птица. Кровь прилила к голове, меня подташнивало, но это было чудо. Чудо! Насладившись новым ощущением, я решил принять космический завтрак, и что ты думаешь, Поль? Бортовой планшет, который я выпустил из рук, тут же, воспарив, медленно полетел по кораблю!

– И опустился в Калуге, – вставил кто-то невидимый.

– Да, но без карандаша. Прикреплённый к нему карандаш отвязался и упорхнул под кресло. Земля настороженно ждала, когда же я, как обещали авторитетные учёные, начну нести околесицу, и, чтобы я не сошёл с ума, наземные станции давали в наушники бодрящие ритмы. Слушая «Амурские волны», в подтверждение здравого рассудка, я рапортовал: «Самочувствие хорошее». Я наблюдал божественную красоту восхода Солнца, поднимающегося из-за горизонта в многоцветном ореоле, думая о совершенстве мироздания и величии человеческой мысли, поднявшей меня к апогею. О, как счастлив я был тогда, и за это счастье я мысленно благодарил Бога, с опаской ожидая Его появления. Но Он никак не заявил о себе. Всего за час я, оказавшись в завтрашнем дне, пересёк Тихий океан, обогнул спящую Южную Америку, перелетел Атлантику и вернулся в сегодня. «Человек над шаром» – восторженно сказал я себе.

Глобус «Взора» сообщал о нахождении корабля над Северной Африкой. На семьдесят восьмой минуте полёта выключился тормозной двигатель. «Домой!» – подумал я, радуясь идущим по задуманному событиям. За этим должно было следовать разделение кабины и приборно-двигательного отсека, я ожидал его. Но разделения не происходило. Корабль закрутился волчком, я упёрся ногами в иллюминатор. Я видел то Африку, то горизонт, то небо. Радиоэфир мог прослушать любой, поэтому о ЧП я доложил по закрытой линии. В безжизненной тиши, в космическом одиночестве я ждал, чего же будет. Страх засвербил под ложечкой и комом подполз к горлу. Душа ушла в пятки. Мне нестерпимо захотелось закурить. Ни один человек не в силах был помочь мне, и я мысленно стал просить помощи у Того, кто мог. Через десять минут отсек отделился, повиснув на кабелях, соединяющих его с кабиной. Я спускался домой, волоча ненужный и опасный довесок. Кабели сгорели в атмосфере. Я глубоко вздохнул, страх отступил, чтобы тут же вернуться.

Земля стала притягивать корабль, и он ярким метеоритом понёсся вниз. Через иллюминатор я видел, как течёт расплавленный металл, кабина трещала, готовая вот-вот расколоться. Я думал, что лечу в ад. Смертельный ужас охватил меня, мне хотелось выпрыгнуть оттуда. Вся моя жизнь в одно мгновение пронеслась перед глазами: идущая с фермы мама, первый танец с Валюшей, Алёнка, жующая яблоко, и маленькая Галочка. Египетская сила вдавила меня в кресло. Лицо затряслось, перекошилось, губы дрожали, сердце колотилось, готовое выпрыгнуть из груди, я видел приборы словно через толщу воды. «Горю, – крикнул я в отчаянии. – Прощайте, товарищи!»

– Шестьсот двадцать пятый, отставить разговорчики, принять заданный эшелон, – приказал кто-то тихо и властно.

– Понял. Выполняю.

– Ухо оставь, – едва слышно донеслось издалека.

И Гагарин тут же исчез, словно был бесплотным привидением, проекционным изображением, пропавшим по причине перебоя с электроснабжением, а вместо него появился худощавый усатый синьор, с кучерявой бородой, смуглый, черноглазый

и остроносый с шапкой густых, кудрявых, тщательно причёсанных волос. Он стоял в чёрном бархатном хубоне⁷ с пышными, украшенными разрезами рукавами, в подушкообразных коротких, до середины бёдер штанах. На шее синьора сидела белая гофрированная горгера⁸, на поясе висели шпага и кинжал.

– Soy Juan Sebastian de Elcano, vasco, natural y residente de la noble y fiel ciudad de Getaria, que fue el primero en recorrer el mundo en el barco «Victoria», – печально сказал синьор. – Durante tres años camine en una de las cinco carabelas comerciales al mando de Magallanes de España a España, buscando el camino occidental a las islas de las Especies. Despues de la muerte del Almirante y la flotilla, tome el mando del «Victoria» y la lleve a Sevilla. Comí cuero crudo y ratas de barco, bebí agua podrida. Sobreviví a la perdida de barcos y la muerte de sus tripulaciones, tormentas y huracanes. Perdí la fe en volver a casa, experimente horror y miedo. Y yo fui el primero en dar la vuelta al mundo⁹.

– Сто пятьдесят семь градусов западной долготы, девять градусов северной широты – сердце океана, – вдруг сказал кто-то.

И мне знаком расширяющий зрачки и холодящий нутро страх смерти. Я испытал его в четырнадцать лет. Бабушка набрала воду в ванну, и я полез в неё мыться. Сидя в расслабляющей жидкости, слушая звук размеренно падающих из слива на её поверхность капель, я резко выдохнул и с головой ушёл под воду. Тело просило очередную порцию кислорода, сознание помутилось, грудь сжало. Страх, как спрут, охватил и сковал меня, позорный животный страх, и я, схватившись руками за борта купальни, вынырнул. Я хотел уйти из жизни, легко и безболезненно вычесть себя из себя, чтобы осталось лишь пустое место, ноль. Но умереть оказалось непросто, страх смерти вытолкнул меня к воздуху, отдав на растерзание ещё более жуткому страху перед жизнью. Я будто смотрел в пропасть. Парализующее осознание обречённости, её бесконечности было содержанием этого страха. Обречённость – единственная верная подруга – чаще навещала по ночам, склонившись, она шептала мне на ушко: «Ты никогда не увидишь моря, не получишь профессию и никогда не женишься. Не мечтай о любви – тебя никто не полюбит». «Никогда» было её любимым словом, хлёсткое, как пощёчина, оно било наотмашь и обездвигивало, я долго и беззвучно плакал, вытирая пододеяльником жидкие сопли.

Поднявшись поутру и взглянув на моё отёкшее лицо с красными глазами, бабушка, обняв меня, нежно утешала: «Отчид думыштїс – овны оз позь, мѳдысь думыштїс – позьѳ¹⁰». Или: «Олѳмыд абу ѳткодь: пон олѳ жѳ, кань олѳ жѳ»¹¹. Не плачь, мада жале, ты ещё будешь счастлив». Мудрые, данные учителем-жизнью слова она произносила с такой любовью и верой, что становилось легче, боль отпускала.

– Я ведь тоже, мада жале, плакала втайне от тебя и утешалась лишь тем, что ты не девочка, ведь девочке было бы намного труднее. У меня так щемило грудь, так болела душа и за тебя, и за твою несчастливую мать, но за тебя больше. Я боялась, что подведёт сердце, и ты попадёшь в интернат к чужим людям, и они станут обращаться с тобой как со скотом. Ты совсем не умел жить, не знал жизни.

– Бабушка, я видел жизнь.

Нечасто, но мы выходили на прогулки. Свесившись с перил, путаясь в собственных ногах, я сползал вниз, карабкался в инвалидную коляску, бабушка катила её. Дворовые дети принимали меня за дурачка и сторонились, взрослые смотрели так, будто я заразный, а одна девочка, походя, испугалась и спросила: «Мама, а мальчик что, пьяный?» Общество не нуждалось во мне, каждый был озабочен своей жизнью. Люди проходили, пробегали,

проезжали. Мне же спешить было некуда, выползая на прогулки, сидя в четырёхколёсном транспортном средстве на мускульной тяге, я созерцал их мышиную возню.

Мужчины в тёмных драповых пальто с каракулевыми воротниками, в кроличьих ушанках и женщины в пальто сдержанных тонов с пышными песцовыми воротниками и в таких же пышных меховых шапках шумно, суетливо вносили в подъезды полированные мебельные гарнитуры, именуемые «стенками», завёрнутые в рулоны ковры, ящички-телевизоры, громоздкие катушечные магнитофоны. Потом те же мужчины, переодевшись в кожаные, подбитые цигейкой куртки и вязаные бини¹², а женщины, сменив пальто на шубы, пышные шапки – на норковые береты, выносили вышедшие из моды «стенки», книжные шкафы и книги, отслужившие ламповые телевизоры, пыльные ковры и хрустальные вазы. К дому подъезжали фургоны, из тёмного нутра которых появлялись завёрнутые в прозрачный целлофан объёмные диваны, широкие кровати, многоярусные компьютерные столы, ящички системных блоков, плоские плазменные экраны, блестящие зеркалами шкафы-купе. Будто по распоряжению неведомого управителя, все в одночасье стали ставить двойные входные двери, затем в одночасье менять их на хлынувшие из Китая металлические, а после на толстые отечественные с такой системой защиты от взлома, словно в каждой квартире лежал алмазный фонд. Дворовые ребята больше не стреляли из рогаток и не играли в «Казачи-разбойники», а девочки не закапывали в углубление в земле под осколок бутылочного стекла секретники-схроны и не подбрасывали теннисный мяч, крича: «Халихало!» Разрушилась горка в нашем дворе, подгнили ножки скамеек, и те, устав стоять, легли наземь, а затем исчезли. С ними закончились говорливые посиделки старушек, к компании которых иногда примыкала моя бабушка. Жизнь неспешно шествовала вдоль временного вектора, оставляя в прошлом одно, принося другое, и только моё бытие оставалось прежним. Я остался вне этого хода. Мне выпал жребий не стайера в погоне за благами цивилизации, не борца за лучшее место под солнцем, не охотника за Синей птицей, но стороннего созерцателя, и в этом я был подобен Богу. Молча я наблюдал за круговертью суетной, многоголосой жизни, за сменой времён года, общественно-экономических формаций, мод, технологий, словно глядел в экран своего детского розового телевизора, показывающего картинку с вертящегося диска, где щелчок переключателя влёт новое изображение.

Выпав из суеты, я видел жизнь подробно. Я научился ездить в своём экипаже вперёд спиной, отталкиваясь от почвы пальцами стоп. Доезжая таким образом до загородного парка-бора, я останавливался среди щеголявшей кримпленовым снегом молчаливой статики и слушал в глубокой зимней тишине дальний ход железнодорожного состава, сопряжённый с густым тепловозным гудком и едва доносящимся увканьем пса. Встреченные люди оживляли мир то нарастающим, то отдаляющимся скрипом шагов. Я слышал бойкое щебетание воробьёв и находил их самыми весёлыми существами. Прикасаясь ладонью к шершавой терракотовой чешуе сосен, я ощущал её тепло даже в морозы. Я видел марганцовый закат негреющего красного зимнего солнца и абрикосовый – щедрого летнего, слышал размеренную весеннюю капель и грохот тарабанившего по асфальту ливня. Мне знакома прохладная бархатная поверхность изнанки приговорённых к смерти крапчатых берёзовых листьев. Задрав голову, я ощущал, как щекочут щёки медленно опускающиеся с неба снежинки, превращающиеся в сверкающие бриллиантами капли тёплого летнего дождя. Открытая книга совершенства мироздания восхищала меня, и между её строк я читал писанные лимонным соком тайные послания Творца. Я чувствовал природу кончиками пальцев, и, безучастная, она была моим утешением. Я ощущал единение и родство с ней, ведь, как и она, был свободен.

Моими друзьями стали городские птицы и собаки-бездомыши, я испытывал к ним сострадание и чем мог кормил. Животные, видя благосклонность, приветствовали меня, виляя хвостами. Сначала я подружился с дворовым псом Тобиком – крупным, сильным собачьим паханом, не дававшим прохода ни одной случайно забредшей в его владения псине и погибшим под колёсами самосвала. Он лежал, вытянув лапы, на боку, и машины безучастно объезжали мёртвое тело, покамест мальчишки с нашего двора не завернули его во что-то и понесли хоронить на пустырь. Я горько оплакивал эту смерть.

Потом с кашей и макаронами я стал ездить на продовольственную базу, где жила стая бездомных. Их было много, я нарёк каждого. Тёмно-серый, с широкой мордой, лохматый и от того похожий на сбритшего усы и бороду Карла Маркса альфа-самец Грей только казался вожаком, и полная противоположность ему – блондин, с тёмным пятном вокруг глаза хромой бояка Фёдор, очень трогательный из-за одного стоячего, а другого висящего ушей, толстый, лохматый, пятнистый обжора Поросёнок и его брат – чёрный, как чёрт, Крепыш. Я любил их всех, но более Белогрудку – ладную некрупную молодую самочку, коричневую с белой грудью. Когда не знающие этики собаки жадно принимались набивать утробы, норовя съесть побыстрее да побольше, Белогрудка робко сидела в стороне, а я любовался ею, умиляясь свисающими кончиками треугольных ушек, белыми носочками на лапках и белым же кончиком хвоста. Я получал удовольствие, наблюдая её движения, меня пленила её робость и застенчивость.

Когда она пропала, я долго искал её, колеся по округе и не желая верить в гибель друга. Тщетно. Белогрудка не вернулась.

Как-то она пришла ко мне во сне. Мне привиделось, будто я спал на спине и кто-то будил меня прикосновениями к животу. Открыв глаза, я увидел Белогрудку. Она стояла на полу, опираясь на задние лапы, положив на меня передние, весело крутя хвостиком, открыв пасть, всем существом выражая переполнявшую радость. «Белогрудка! – кричал я в восторге, не веря в её воскресение. – Белогрудка!» Это был мой самый счастливый сон.

– Белогрудка!

Я созерцал её, свернувшуюся калачиком на бетонной плите рядом с серебристым ангаром на том же месте, где видел в последний раз живой, и она, как прежде, была жива!

– Белогрудка, привет!

Она подняла голову и посмотрела на меня.

– Белогрудка, я люблю тебя. Ну иди же сюда.

Моя любимица с осторожностью приблизилась, словно не узнав друга. «Всё такая же робкая», – пробежала мысль. Я впервые погладил её по голове, ощущая бархатистость ушей. Не извлекая из короткой гортани резких отрывистых звуков, она сказала, что рада встрече и будет со мной всегд-ав, всегд-ав, всегд-ав...

Однажды я сидел во дворе, безмятежно наблюдая, как воробьи расклёвывают брошенные им семечки. Сумрачный ноябрьский день выдался слякотным: устоявшаяся зима неожиданно дала трещину, и в неё прорвался несущий сырость воздушный поток с запада, растопивший ещё неглубокий снег, наведший грязь. Я заметил парня, пересекавшего дворовую территорию, и узнал его – лоботряс из первого подъезда. Парень плёлся, сильно раскачиваясь, видимо, набравшись, его шерстяная кепка сползла на затылок, и борта расстёгнутого пуховика трепал ветер. Он уже миновал меня, но неожиданно остановился и решительно двинулся ко мне, размахивая руками и всё так же шатаясь. Я разглядел его водянистые серые глаза и пухлые губы на одутловатом лице.

Я думал, он ударит меня, и вздрогнул, внутренне сжавшись, но подошедший спросил:

– Слушай, как ты живёшь?

– Хо-оооо-рооо-шоооо, – промямлил я, поняв, что он не опасен, и сильно удивившись, ведь моей жизнью никто не интересовался.

– Ты не понял, я спросил, как ты живёшь?!

– Я-аа-аа...

– Ууу-мууу-мууу... – передразнил парень. – Я на твоём месте повесился бы.

Я ощутил себя увиденным незадолго до этого голубем, раздавленный, он блином лежал на перекрёстке, разбросав по сторонам крылья, чем сильно напоминал имперский символ, и ветерок нежно пошевеливал прилипший к асфальту пух.

– Чё, обидно, да? – бросил он и пошёл дальше.

Да, я испытывал обиду и глубокую душевную боль, и она была сильнее хворей телесных. Но кого это интересовало?!

Я знал, что вызываю гадливость, кому может быть приятен неопрятный инвалид с неуместными гримасами, дёргающий руками, как осьминог щупальцами, и истекающий слюной. «Несчастный случай», «старый пацан», «пьяная работа», «кривой» – говорили обо мне прохожие, будто имели в карманах индульгенцию от старости, болезней и несчастного случая. Жестокие слова они бросали обыденно, проходя, и я всякий раз цепенел от того, с какой лёгкостью люди стреляли убийственными определениями. Они презирали меня за изъяны физические, я презирал их за моральные уродства.

Светловолосый мальчик без ноги и без части руки, свесив голову, спал передо мной на стуле. Он открыл глаза, и я увидел, что они покрыты бельмами. Поодаль виднелись больничные койки, на них сидели и лежали дети всех возрастов, странные, непривлекательные, с безумным взглядом. Я заметил девочку лет пяти с косоглазием, и ещё одну с огромной головой, горбатого карлика-подростка. Пространство было наполнено режущим глаза уродством, вопиющим, вызывающим ужас несовершенством. Неожиданно дети поднялись, став, к моему удивлению, одновременно здоровыми, будто к ним прикоснулся Христос. Мальчик-блондин тоже поднялся, и теперь у него были две ноги и две руки, и с глаз его исчезли бельма, явив небесную голубизну. В руках он держал верёвку с петлёй на конце. Мальчик протянул её господину, одетому в белый медицинский халат, в хирургических перчатках. Длинноносое с волчьим взглядом недобрых глаз лицо господина было худо и походило на обтянутый тонкой кожей череп, изображение которого с парой перекрещённых костей я увидел на околыше его фуражки.

– Halten sie, dr. Brand, – повелительно произнёс мальчик. – Es ist von uns körperlich und geistig behinderten kindern.

Господин молчал, не двигаясь.

– Tun sie nicht so, als ob sie mich nicht kennen. Ich bin knauer junior, der nachwuchs jener knauer, die den führer gebeten haben, von einem freak-sohn zu töten, also mich. Und mit hitlers höchster erlaubnis bekam ich eine tödliche dosis schlaftabletten an der universitätsklinik leipzig injiziert. Dies war der anfang eines von ihnen entwickelten rassenverbesserungsprojekts, das sie in den fluss gebracht haben, geleitet vom pragmatischen ziel, das deutsche volk von der belastung der gesellschaft der unvollkommenen menschen zu befreien. Wir alle hatten angst vor dem tod und wollten leben, wir fühlten schmerz und freuten uns über die bescheidenen hotels, aber sie haben uns der sterbehilfe verraten. Halten sie es für sie, – и мальчик снова протянул господину верёвку.

– *Ich habe sie aus dem leiden befreit*, – спокойно и уверенно ответил доктор Бранд, прежде чем рассыпаться на схожие с пикселями части-квадраты.

– *Am zweiten Juni 1948. Die Justizvollzugsanstalt Landsberg*, – услышал я вдогонку¹³.

В восемнадцать лет я стал членом районной организации инвалидов. В день совершеннолетия, четырнадцатого января, бабушка испекла брусничный пирог. После обеда мы убрали ёлку, вечером сели за праздничное чаепитие, а на другой день я поехал вступать в общество. Его председатель, Елена Сергеевна, встретила меня с улыбкой. Внимательно прочитав заявление, она произнесла:

– Так у тебя вчера был день рождения. Товарищи, минуту внимания! Наши ряды пополнил Павел Шанин, и вчера ему исполнилось восемнадцать. Давайте поздравим Пашу.

Незнакомцы, оставив дела, посмотрели в мою сторону, дружно захлопали в ладоши – человечество впервые проявило ко мне доброжелательный интерес.

– Давай я тебя со всеми познакомлю.

Так я познакомился с Вовой и Петей – парнями-олигофренами, с диабетиком Галиной Викторовной, с супругами с ДЦП Сергеем и Елизаветой, нашедшими друг друга в этих стенах, с эпилептиком Любой. Их лица объединяла несмываемая печать недуга, но как же открыты были их души! Они, как не познавшие зла младенцы, смотрели на мир, не держа за пазухой камня, нимало не сердясь на него за выпавшее на их долю несовершенство. Здесь царил атмосфера взаимной заинтересованности, человеческой ценности, семейности. Я стал появляться в обществе каждый день, постепенно знакомясь с его членами. Объединённые физическими и ментальными изъянами люди разных возрастов приходили сюда, чтобы, вопреки недугам, реализоваться. И я нашёл себе применение: на общественных началах, сидя на своём ишаке, я с удовольствием убирал снег у входа в наш общий дом!

К нам приходили с концертами самодеятельные песенные коллективы, да мы и сами частенько собирались петь. Елена Сергеевна приглашала руководителей кружков дополнительного образования, и те учили нас вязанию, рисованию, работе с глиной и солёным тестом. Я увлёкся шахматами, ведь у меня нашлись соперники, и вскоре стал одерживать победы в шахматных турнирах, возвращался домой с очередной грамотой, сияя, как полная Луна. Бабушка, видя во мне перемену, приговаривала: «*Öтвылын олігөн шыд-рокыд сукджык*¹⁴».

Как прежде много читая, я неожиданно для себя полюбил поэзию. После ясной, словно студёный мартовский день, пушкинской строфы последовала философская лирика Баратынского, затем прозрачная, с тихим, бледным голосом девушка-библиотекарь предложила книжку Батюшкова, и я, бесконечно обращаясь к словарю, узнал имена древнегреческих богов, богинь, божеств. Глубокое знакомство с поэзией Серебряного века пленило, я заучивал стихи и, если бы мог декламировать их, устроил бы поэтический вечер.

Не отличая ямба от хорей, но вообразив себя творцом, я занялся сочинительством, подолгу ища рифму русскому слову, устроившись под мягким светом настольной лампы. Стихи рождались тяжёлыми, угловатыми, начинавшимися со здравия, кончающимися за упокой, – какой уж там высокий слог! «*Нинём*¹⁵, – подбадривала бабушка. – Москва тоже не сразу строилась». Я продолжал мариновать бумагу, стихи выходили ровнее. Собрав лучшие, я отослал их в редакцию городской газеты «Северная звезда», и через короткое время издание опубликовало два из них.

«Паш, да ты у нас поэт, а я и не знала. Давай отправим твои стихи на конкурс авторов с инвалидностью», – предложила Елена Сергеевна. Так я стал лауреатом литературного конкурса.

Шагнувшая в нулевые страна, ведомая молодым умным президентом, постепенно исцелялась от болезней девяностых. Перемены к лучшему шли широким фронтом. Выздоровливающая экономика влияла на умонастроения, государство, а вслед и общество повернулось лицом к человеку. Вдруг вспомнили инвалидов, заговорили о толерантности, и если раньше мы являлись никчёмными недочеловеками, такими же лишними, как подчёркивание буквы «ш» при письме от руки, то теперь стали особенными людьми. Над нами перестали ёрничать, напротив, принялись помогать. Это стало престижно, и в один из дней, аккуратно перед очередными выборами, молодой, бритый наголо и от того блестящий и похожий на бильярдный шар, одетый с иголки кандидат в депутаты пришёл ко мне в компании корреспондента с висящим на груди зеркальным цифровиком и под щелчки затвора подарил бывший в употреблении низкопроизводительный компьютер, чем позабавил меня. Дармовую древность я освоил самостоятельно, подключил к Интернету и вышел в большой мир.

И как будто тот, кто дал мне судьбу, – ломоть черняги с густо намазанной горчицей, вдруг милосердно высыпал сверху чайную ложку сахарного песка. Вот только бабушка стала чаще тревожить: она как-то снизилась, ссохлась, быстро уставала, её подводила память. Стол в комнате был заставлен светонепроницаемыми аптечными пузырьками, початыми блестящими блистерами, картонными кладками коробочек с лекарствами. В квартире стоял затхлый дух немощи, перемешанный с мятным амбре корвалола и помноженный на резкий запах камфорного спирта. Измерение артериального давления по утрам и вечерам вошло в ежедневный бабушкин распорядок. Она являлась труженицей тыла, я – инвалидом первой группы, поэтому мы попросили помощь социального работника, в обязанности которого входили работа по дому и доставка продуктов. Квартира наша пришла в ветхость: обои отходили от стен и держались на честном слове, потолок осыпался, краны уже не капали, а текли тоненькими ручейками, и городской совет ветеранов совместно с управлением социальной защиты организовали нам ремонт. К невыветриваемым запахам лекарств прибавились строительные запахи побелки, штукатурки, краски. От них раскалывалась голова, и я, если можно так выразиться, убежал из дома на чистый воздух или в общество инвалидов.

А потом пришёл день, переродивший меня, – 13 августа 2004 года, пятница, ничем не выдающийся дождливый день среди плаксивой второй декады последнего летнего месяца. Я поехал на собрание членов общества по тёмным непросыхающим лужам, по обыкновению отталкиваясь от асфальта пальцами стоп и чертыхаясь от того, что промокли штиблеты, а с ними носки, – ноги увязли в раздражающей сырости.

Въехав в помещение и расположившись у стены, я снял мокрую с каплями дождя куртку, повесил её на спинку стула. Нестерпимо хотелось разуться, и я, не развязывая шнурков, нервно стянул с себя грязную обувь, а следом и сырые носки. Оставшись босым, демонстрируя красные костлявые стопы с длинными, слегка загнутыми назад пальцами, я, наверное, выглядел нелепо, но ноги всегда следует держать в тепле – так учила бабушка.

– Товарищи, прежде чем озвучить повестку, хочу представить вам нового члена нашего коллектива. Мария Мичева. Прошу любить и жаловать! – приподнято начала собрание Елена Сергеевна, обращаясь к нам по старинке.

Девушка, которую звали Марией Мичевой, встала, лицо её выражало растерянность, она сдержанно улыбалась. Я никогда не видел это лицо, но узнал его и тут же понял – так приходит любовь. Ничего особенного не содержало оно – среднестатистические глаза, нос и губы в обрамлении светлых локонов, вольно спадавших на узкие плечи. Она стояла, выпятив грудь, на слегка согнутых в коленях ногах. «ДЦП», – подумал я, но секундой

раньше ко мне пожаловала любовь. Она накрыла мгновенно: так в детстве накрывала вода, выплеснутая бабушкой из ведра прямо на голову. Я сидел сам не свой, тот же, но уже другой, окрылённый, но без крыльев. Остро, безотлагательно захотелось вскочить и побежать, позабыв о босых ногах, и я представил себя бегущим от распирающего грудь счастья к счастью простого человеческого бытия, по бесконечным лужам, и брызги летели из-под ног, звонко шлёпаясь на потревоженную водную гладь, и моё некрасивое лицо светилось восторгом. «И создал Господь Бог из ребра взятого у человека жену, и привёл её к человеку. И сказал человек: вот это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою, ибо взята от мужа».

– Паша, ты спишь, что ли? Ты «за» или «против»? – услышал я голос Елены Сергеевны. – О чём задумался-то?

Мария, Маша... Мне мечтались встречи с ней, неторопливые прогулки, поцелуи, объятия. Я представлял себя высоким, модно одетым сердцеедом, идущим рядом с ней, обняв её рукой за плечи, и она шла, положив руку на мою талию, на прямых ногах, заглядывая в мои глаза со свойственной ей сдержанной улыбкой. «Моя королева, – мысленно называл я её. – Моя королева». Но приходила вечная спутница-обречённость и, возвращая в реальность, нашёптывала: «Очнись, фантазёр. Тебе ли грезить о любви?! Забудь и успокойся».

Я видел свет и в нём тёмно-серые размытые пятна, словно глядел через осколок бутылочного стекла. Пятна, уменьшаясь в размерах, отступали вдаль, обретая фокус, становились всё чётче и медленно приняли очертания силуэтов людей. Мужчины и женщины, держась за руки, повисли посреди ослепительного света, облик их был ужасен. Женщина в белом платье до пят держала, прижав к груди, голову, покрытую пышными седыми волосами, при этом на её плечах виднелся лишь обрубок шеи. Мужчина возник нагим, его тело, избитое, исколотое, представляло сплошной кровоподтёк.

– Hennes huvud skar man av som en kyckling, jag knivhöggs med sablar och paraplyer, kläddes av och släpades på marken. Jag blev söndersliten av publiken som trodde på ryktet att jag hade varit inblandad i den svenska tronföljarens död. Galningar!¹⁶

Снип, снап, снурре – и видение в мгновение исчезло – в том же ярком, режущем глаза свете появились те же мужчина и женщина, ставшие господином и дамой без увечий. Он – холёный, сдержанный аристократ с удлинённым, мужественным и неподвижным лицом, цепким взглядом, твёрдыми губами, в мундире и с белым бантом на шее. Она – пастельная и светлая, словно сделанная из снега, голубоглазая и нарумяненная, длинношеяя, тонкая, лёгкая, с тяжёлыми серьгами в маленьких ушах и в пышном платье, украшенном кружевами. И я неведомо как понял, что дама – Мария-Антуанетта, Её Величество, прелестная снежная, нежная королева.

Они стояли друг против друга, сцепившись поручнем¹⁷, с любовью глядя в глаза – он в её светлые, она – в его тёмные, и вот закружились в менуэте. Но королева выпустила руки и, пятясь от господина, становясь всё меньше, грустно, нежно, обречённо сказала:

– Je t'aime à la folie et je ne cesserai jamais, jamais, de t'adorer. Pardonnez-moi, aimez-moi, ayez pitié de moi. Mon cœur n'appartient qu'à toi!¹⁸

И она исчезла.

– Jag var arton år när jag såg henne första gången på operabalen den 30 januari 1774, inledde herrn sin berättelse. Den främmande kvinnan, som dolde sitt ansikte under en svart mask, kom fram till mig och förde med rörande elegans ett litet samtal med mig:

– Gillar du damerna i Paris? Frågade hon kokett.

– Ja, madame, de är vackra.

– Och hur ser jag ut i den här klänningen? – fortsatte främlingen och stänkte ner sin fria hand ovanifrån för att på så sätt fästa min uppmärksamhet på den utsökta lattefärgade klänningen med himmelsblå blommor.

– Det är underbart, madam! Underbart! Jag kan dock inte avgöra om den passar ditt ansikte...

Hon drog tillbaka masken, och jag såg de busiga ögonen med en kunglig färg, blommornas färg på hennes sidenklänning...

– Är det så? – frågade hon och log.

– Åh, vad den passar till dina himmelsblå ögon! – svarade jag och insåg för ett ögonblick att jag pratade med Dauphine, Ludvig XVI hustru, och jag blev förälskad i henne.

När jag var i Versailles och deltog i kortspel kunde jag se att jag orsakade hennes upphetsning. Vi möttes med blickar, åh, så meningsfull hennes blick var, jag läste i den passionens otålighet, samma som den som bubblade i mig. Jag rodnade kraftigt, men förblev galant och reserverad. Skulle jag kunna älska Hennes Majestät? Och kunde hon älska mig?

Jag bestämde mig för att lämna Frankrike, jag åkte till Amerika för att kämpa i kriget för dess självständighet, men det var bara en förevändning. Jag flydde från de känslor som förtärde mig och önskade att jag skulle bota dem där, på en annan kontinent. När hon fick reda på mitt beslut höll suveränen sina tårfyllda ögon på mig under de senaste dagarna. Jag kunde inte döda kärleken i mig och tre år senare återvände jag till Paris. Jag ville vara med henne och bara henne, jag hade inget intresse av andra kvinnor. Jag insåg att jag aldrig skulle gifta mig, för jag skulle aldrig träffa en kvinna som skulle vara mig kärare än min vänliga ängel, min drottning.

Med ett ljus i handen, mitt hjärta bultande av spänning, vars bultande var tydligt hörbart i nattens tystnad, steg jag upp på tredje våningen till de två små rummen bredvid min suveränas kammare, i Versailles hemliga, slingrande trappa. Hon hälsade på mig med händerna knäppta i brösthöjd. Jag kunde se hennes glänsande, glada ögon. Vi ville ha varandra, men jag följde aristokratens höga principer och drottningen... Hon hade ingen rätt att älska en man som inte var hennes make.

Under revolutionens fruktansvärda dagar tog jag min tillflykt till Belgien. Min älskade bodde på Tuilerierna. Jag gjorde allt jag kunde för att rädda henne från de rabiata männens fångenskap. Med hjälp av chiffer och ett polyalfabetiskt chiffer med ett nyckelord förde vi en kärleksbrevväxling. «Min vän. Utan dig finns det ingen lycka för mig. Hela universum är ingenting utan dig. Jag kommer aldrig att sluta beundra dig. Jag existerar för att älska och avguda dig, min enda tröst och mitt enda hopp är att få se dig igen», skrev jag till henne.

I februari 1791 skulle jag smyga in i Tuilerierna och fria till Marie-Antoinette och Louis XVI fly från det tungt bevakade palatset, men... hon gjorde det kungliga. Min drottning valde att förbli drottning till sin kung.

Jag fick hennes sista meddelande efter avrättningen. Några ord på en kartongbit: «Mitt hjärta tillhör bara dig¹⁹».

– Он никогда не женился и не оставил потомков, – услышал я прежде, чем господин стал светом.

Как все люди – жившие и живущие – я хотел любить, ибо только в любви заключается смысл бытия, без неё любая душа – пустая кухонная посуда, и копейка цена той душе, покрытая несводимым окислом, валяющаяся под ногами копейка.

И я любил сдержанно и безмолвно. Маша приходила в общество инвалидов много реже меня, но когда она появлялась, душа моя расцветала, как подснежник на отогретом солнцем пригорке. Таясь от всех и от неё, я любовался ею. Мой цепкий взгляд разглядел лёгкие кисти и тонкие пальцы – то, что я более всего люблю в женщинах. Она не следовала моде, но всегда выглядела опрятно. Возвращаясь домой с разбережённой душой, я закрывал глаза и видел её образ в обтягивающих голубых джинсах и белой футболке, и сама она была белокожа, белолица и светловолоса – ангел, мой белый ангел.

Меня терзала нереализованность. Я хотел, чтобы эта девушка находилась рядом, просто рядом, и ничего сверх того. На большее я не имел право. «Я ничей и всегда буду одинок» – говорил я себе, неподвижно уставившись в белизну потолка, и неизъяснимый метафизический страх охватил мою сущность, и по телу пробежала дрожь такая, будто я представил, что прищемил дверью пальцы, на самом деле не повреждая их. «Я свободен, я ничей, как в лесу глухой ручей. Нет. Как в глухом лесу ручей». Рифма, окрашенная яркими цветовыми пятнами, приходила сама собой, и я принимался за стихосложение. Любовь, какой бы она ни была, движущая сила творчества.

– *Y el dolor*²⁰, – услышал я женский голос.

Светлое пятно в радужном гало преобразилось в лицо с густыми сросшимися бровями, затем в фигуру женщины в корсете, стоящую на одной ноге и опирающуюся на костыли. Жгучая брюнетка с алыми губами и чайными розами, украшающими тщательно убранные в косу волосы, глядела смело и открыто, и я тут же ощутил радость узнавания.

– *Me encanta pintar*, – вымолвила Кало. – *Empecé a pintar por el dolor y la desesperación, el terrible e insoportable dolor. Lo puse en el lienzo, pero el dolor empeoraba cada vez más. Ahora mira*²¹.

Она отбросила костыли, но осталась стоять в таком же, как её картины, не имевшем линейной перспективы пространстве.

– *No siento dolor, soy fácil, soy como un pájaro fuera de su jaula. Y pinto!*²²

Сказав это, Фрида протянула руки к радужному ореолу вокруг себя и, разделив его на цвета, будто в доказательство своих слов принялась создавать причудливое футуристическое изображение, отрывая кусочки от цветных нитей, и смуглое лицо её было исполнено радости.

– *Ya no pinto el dolor, pinto la eternidad*²³.

Двадцать третьего февраля Елена Сергеевна по традиции пригласила всех на праздничное чаепитие. Как давний член общества я знал программу вечера: выступление женской половины коллектива, подарки, пожелания, чай с печеньем-конфетами. Я с детства любил праздники, они уравнивали меня с людьми без инвалидности, ведь в эти дни и они никуда не спешили, оставаясь дома или неспешно гуляя по улицам.

Надев по случаю красного дня светло-серый костюм-двойку и белую сорочку, я отправился к друзьям и будто попал на бал. Наши женщины в лучших своих нарядах, завитые и припудренные, выглядели неузнаваемо. Мужчины в отутюженных костюмах с торчащими из нагрудных кармашек треугольников шёлковых носовых платков и в галстуках наводили на мысль о деловом совещании. А Маша... Маша блистала в атласном платье, скрывавшем нестройность её ног, цвета кофе с молоком, по которому были разбросаны нежно-голубые васильки.

– Красиво ли моё платье? – весело поинтересовалась она мимоходом, и я почувствовал свежий аромат её духов.

– А у Маши на платье картошка расцвела, – брякнул Вова, единственный из мужчин, явившийся в джемпере.

– А я не у тебя спросила, а у Павла.

Душа моя просияла, размахивая невпопад руками, я рывкнул отрывисто, как гавкнул, «да», сложил пятерни и поднял вверх большие пальцы.

– Так, все пришли, все в сборе. Рассаживаемся. Начинаем, – громко распорядилась Елена Сергеевна. – Паша, тебе самое почётное место, вот здесь, у первого ряда.

Она прошла вперёд и объявила:

– Дорогие наши мужчины, поздравляем вас с праздником и дарим вам концерт!

Женщины задвигали стульями, отчего те, побеспокоенные, противно завизжали, поднялись с мест, встали в ряд, обратясь лицами к зрителям. Аккордеонист Ольга Александровна села с края этой красочной шеренги и, разместив на бёдрах инструмент, взяла первые аккорды. «Если бы пар-ни всей земли-и взя-а-а-аться за-а руки могли...» – затянул хор девочек-припевочек. Они спели под аккомпанемент ещё и ещё – под минусовку, потом Валентина Николаевна, пенсионерка-диабетик, прочитала свои новые незатейливые стихи. Подкреплённые жидкими аплодисментами выступления самодеятельных артистов продолжались около часа, и тут взявшая на себя обязанности конферансье Елена Сергеевна объявила:

– Романс на стихи Дениса Давыдова. Исполняет Мария Мичева. Аккомпаниатор Светлана Власова.

Гитаристка Светлана привычным движением взяла за длинную шею струнный инструмент, накинула на плечо тёмный кожаный ремень и, посмотрев сначала на публику, потом на покрытую густым румянцем солистку, принялась за звукоизвлечение. А Машенька моя любимая Машенька, аккуратно и нежно запела: «Не пробуждай, не пробуждай моих безумств и исступлений, и мимолётных сновидений не возвращай, не возвращай...»

Я слушал, закрыв глаза и всем корпусом повернувшись к окну, чтобы никто не заметил солёно-горьких слёз, самотёком катящихся по лицу, искажённому гримасой сильного смятения. Душа будто покинула меня и полетела над землёй встревоженной птицей. Я видел обширные белые пространства полей и чёрные поляны лесов, заметённые вершины Урала и никогда не виданное наяву море, голубое, покрытое рябью волн море, горевшее отражённым солнечным светом. Мог ли я не любить эту милую девушку, так проникновенно донёсшую чувства давно почившего гусара?

Я нашёл её аккаунт в социальной сети и, детально ознакомившись с фотографиями, интересами, друзьями, ни на что не намекая, предложил дружбу. Я ждал отклика, как запертый в темницу ждёт лучика света, в меня вселилась тревога, меня изводила бессонница, и, нарушая тишь ночей скрипом разошедшей кровати, я сползал с неё и нетерпеливо включал компьютер. Маша хранила молчание. Она была девятью годами моложе, одной группой инвалидности здоровее и могла создать семью. Её будущее имело перспективу. «Ну что же, и здоровым людям знакомы муки неразделённой любви», – говорил я себе, пристально наблюдая, как набухшие чайники одна за другой опускаются на дно стакана, окрашивая кипяток в насыщенный рубиновый цвет. И так нестерпимо хотелось вскочить и побежать, как Форрест Гамп, от снедающего душу отчаяния к независимому и свободному океану.

От синего настроения меня спасала поэзия, найденная в Интернете. Поэзия, я понял, способна лечить души, и в этом, наверное, её главное предназначение. Я читал стихи современных авторов, будто ел эскиммо, ломая зубами твёрдый шоколад и

ощущая его горьковато-сладкий вкус вкупе с ванильной ноткой обжигающего холодом пломбира. Творчество признанных поэтов толкало к самовыражению, я принимался за стихосложение, но муза прилетала ко мне без божественного глагола: разум рождал лишённые мелодичности рифмы, выпуклые мироощущения, перенесённые на плоскость бумажного листа, отчего-то тоже становились двумерными и лишёнными красок.

Машино лицо, весь её лишённый жеманства образ всегда стояли перед глазами, мысленно я вёл с ней диалоги, она ежеминутно была рядом, при этом находясь далеко. Она даже не подозревала, что параллельно живёт в моей голове, а я живу этой вселившейся в мою сущность и ставшей моей сущностью ирреальной любовью, диктовавшей мои поступки.

Иногда, приходя в абракадабре снов, Машенька то обвивала меня лёгкими изящными руками, то безмолвно сидела на моей кровати на берегу широкой реки и, превратившись в лёгкую белокрылую капустницу, улетала, то скрывалась в развалинах из груд битого кирпича, и я искал её и не мог найти. Пробудившись в реальность, читая присланные из обратной стороны сознания извещения, я с грустью осознавал тщетность своей глубокой привязанности.

К весеннему празднику я сочинил два стихотворения: одно, посвящённое женщинам, другое – личное и обезличенное – Машеньке. На торжественном междусобойчике Елена Сергеевна выразительно прочла их. Я получил аплодисменты. Из вежливости, из-за того, что так принято, рукоплескала и Маша, и, если бы ей открылась движущая сила моего бесталанного творчества, она бы очень смутилась.

Любовь к ней долго освещала тусклый мой путь ярким, но холодным огнём светлячка. Я продолжал думать о ней и после того, как она переехала на жительство в Санкт-Петербург. Светлячок горел всё бледнее, я научился жить не любя, не привязываясь к людям, уютно расположившись в свободном одиночестве, но... Появился Маша в узком моём бытии, светлячок загорелся бы снова, он не улетел, он только заснул. Любовь, я знаю, никогда не кончается.

Бабушка умерла второго декабря, в понедельник. Позавтракав, как обычно, в девять часов овсяной кашей и выпив чай с бутербродом, я уселся за компьютер, бабушка осталась в кухне, чтобы вымыть посуду и сварить к обеду борщ. Она поставила на плиту кастрюлю с водой, почистила и накрошила картошку и принялась мыть замоченное накануне рагу. Я слышал из комнаты гул работающего водонагревателя и шум вытекающей из крана в миску воды и после – глухой грохот и звон с угасающим дребезжанием.

– Бааа-бууш-кааа, – позвал я её, ничего не подозревая.

Она не отозвалась, и вода лилась, но уже, я слышал, беспрепятственно. Спустившись на пол, я дополз до кухни и увидел бабушку, растянувшуюся на боку между столом и плитой, несуразно разбросав ноги, и несуразность эта была страшна, и серые, едва покрытые мясцом кости, предназначенные для будущего бульона, валялись в луже под раковиной. Несколько секунд я сидел, не шевелясь, пока до разума окончательно не дошло произошедшее, а после закричал – дико и громко, как кричит животное, осознавшее собственную гибель в последние мгновения жизни. Я прикоснулся к бабушке, ощутив ладонями ускользящее тепло, и с силой повернул её на спину. И я увидел глаза, самые любимые, самые родные, стеклянные, безжизненные глаза, и зародившийся под солнечным сплетением ужас поднялся и замер у самого горла. Я вновь издал страшный крик и пополз к входной двери. Я продолжал орать на лестничной площадке, пока на мои вопли не вышла соседка и не спросила, что случилось. Через час похоронная бригада, завернув тело в покрывало, увезла бабушку в морг. И пар из поставленной на

плиту кастрюли ещё поднимался вверх, покрывая водяной испариной оконные стёкла, и нарезанная картошка лежала в миске желтоватой горкой, и небрежно брошенное, скомканное кухонное полотенце сидело на табурете, а бабушка уже не существовала. Оставаться дома было невыносимо, я оделся и поехал куда глаза глядели. Очутившись в обществе инвалидов и по слогам рассказав Елене Сергеевне о случившемся, я попросился переночевать на казённом диване.

Двое суток я лежал, как обесточенный, не сомкнув глаз, тяжело ворочая мозгами, вспоминая мою добрую бабулю: её голос, её лицо, её улыбку. Как она безропотно возилась со мной, как терпеливо сносила мои нервные срывы, а я так боялся потерять её, покрывался испариной страха, только подумав, что когда-нибудь смерть заберёт её. Она так не хотела умереть зимой и вот умерла в самую темень. Елена Сергеевна, взяв у меня ключ, отвезла в покойницкую бабушкино смертное, она и председатель городского совета ветеранов хлопотали о погребении. В день похорон я заставил себя подняться и выйти на улицу. Неулыбчивое декабрьское солнце, едва выглянувшее над горизонтом два часа назад, уже погружалось обратно, окрасив дальнюю полосу неба в малиновый цвет. Крупный снег красиво падал стеной, словно его хранилища были заполнены под завязку и небесная канцелярия распорядилась открыть задвижки и выпустить упавшие в цене запасы.

На прощание пришли немногие: старушки-соседки, принёсшие по паре алых, прихваченных морозцем гвоздик, суетливые чиновницы из собеса с венком из мёртвых цветов, дальние родственники – благообразная чета пенсионеров. В негустом людском однообразии, погружённый в скорбь, я не сразу заметил худощавую женщину в тёмно-синей, почти чёрной куртке-пуховике с капюшоном, отороченным «Чебурашкой», и в розовой шапочке машинной вязки. Я сидел в своей коляске в двух шагах от неё и от изголовья бабушки, тупо глядя в суровое посиневшее лицо, на которое ложились, не тая, хлопья снежинок, грозя скрыть его под своим слоем, пребывая в охватившем меня оцепенении от обыденности смерти и непонимания её.

После положенных каждому усопшему добрых слов кладбищенские рабочие, взяв гвозди и молотки, тихо объявили: «Прощайтесь». Собравшиеся как-то лениво, будто по принуждению, приложились руками к покрытым белой простыней бабушкиным тапочкам, а эта женщина неожиданно склонила голову к неподвижной груди с возвышающимися сложенными одна на одну руками, вдруг горько разрыдалась и хрипло выдавила: «Прости, мама».

Мама?.. Грудь при этом слове с болью распёрло так, словно я разом проглотил чрезмерный глоток. Избыв первую, наибольшую порцию поглотившего горя, она подняла покрасневшие глаза, и я будто взглянул в зеркало: на меня растерянно смотрели мои же шоколадные очи, я ошалело узнавал свои узкие губы и некрасивый вздёрнутый нос с той лишь разницей, что потёкшее лицо напротив содержало следы деформации временем, а именно глубокие носогубные складки и обвисшие щёки. Не ожидая встречи, напрочь забыв о существовании матери и воскрешая временно повреждённым умом погребённые под толщей лет детские воспоминания, я испытывал глубокое потрясение. Рокировка фигур – явление мамы, суммированное с потерей бабушки, – чуть не лишила рассудка.

Обескураженный, сидел я за поминальной трапезой, не прикоснувшись к еде и напиткам, не слыша речей, не видя лиц, тяжело раздумывая, не желая и страшась возвращения в родные стены. Когда приглашённые начали расходиться, ко мне обратилась председатель городского совета ветеранов:

– Павлик, квартиру мы вымыли и прибрали. Домой тебя отвезёт Александр Ильич. Ещё с тобой поедет твоя мама, чтобы тебе небоязно было в первое время жить одному. Ты не против?

Я хранил безмолвие. Доставленный по адресу, рухнув на кровать, я забылся тяжёлым, поверхностным, не дарующим отдыха прерывистым сном. К жизни меня вернул аромат жареных котлет, за обонянием пробудился слух, уловил шкворчание, затем нарастающий свист закипающей в чайнике воды. Мама вошла в комнату как гостья, стараясь не шуметь, несмело опустилась на бывшую бабушкину койку. По её виноватому виду я понял, что она пришла с нелёгким разговором, к которому я не был готов:

– Паша, единственное, чего хотела бабушка, – не отдавать тебя в интернат. Ты недееспособен и один не проживёшь. Я бесконечно виновата перед тобой, я никудашная мать, но я хочу искупить вину, я забрать тебя хочу в компас. Тьфу. В Котлас, – говорила она сбивчиво, выдавая сильную душевную сумятицу, и её высокий голос был неприятен. – У тебя есть брат Витя восемью годами моложе, здоровый, слава Богу, я сказала ему о тебе, он примет тебя. Мы вдвоём живёт, с его отцом я рассталась давно.

Я не проронил ни звука. Что я мог ответить... Передо мной находился чужой человек, и у меня, я уверен, никогда не повернётся язык назвать этого человека мамой. Только на вы и только по имени. Как же её зовут... Надежда, кажется... Надежда Анатольевна. Я глядел на передник, который она надела поверх халата, бабушкин передник с петухами-курами, навсегда засаленный на уровне груди, слышал в голове задушевный Германовский тембр, тянущий «Надежда – мой компас земной...», и ощущал глубокую чуждость и неприятие. Меня тяготило её присутствие, раздражали манеры и походка; она двигалась быстро, решительно, готовая вот-вот вспорхнуть, при этом размахивая руками на широкую амплитуду, и, будь я Римским-Корсаковым, сочинил бы интермедию «Полёт шмеля» под воздействием её образа.

– Неееее, – замычал я и пополз включать компьютер.

Короткое, но ёмкое уведомление об отказе от её опеки появилось на экране через двадцать минут. «Я хочу жить один. Я справлюсь. Мне поможет соцработник. Уезжай».

Она пожила со мной неделю, облегчив своим присутствием переживания самых тяжёлых дней, когда дух бабушки мерещился повсюду, и после девятидневной тризны вернулась в свою жизнь и в моё её небытие. За эти дни я ни словом не перемолвился с ней.

Женщина стояла у распахнутого настезь окна, опёршись ладонями о подоконник, неотрывно глядя в молочную даль. Я видел её соломенные волосы, ровно стриженные каре, узкие покатые плечи. Она обернулась, радостно улыбнулась и сделала несколько шагов навстречу мне. Я узнал её, мы оба носили одно лицо с поправками на разнополость.

– Сын, ну почему ты так и не заговорил со мной тогда?

– Потому что мы чужие. Вы не почувствовали? Да и о чём бы мы говорили? И как? Вы всё равно не разобрали бы мою словесную жвачку.

– Меня коробит это «вы».

– А меня обращение «сын».

– Я хотела объясниться, сказать, что не выдержала, сломалась. Я долго не верила в твою обречённость. Видела, что ты нездоров, умом понимала правоту врачей, а сердцем твою судьбу не принимала. Ты не знаешь, я всегда помнила тебя, думала о тебе, мучилась, что же ты у меня такой несчастливый-то родился!

– Но я был счастлив.

В диалоге образовалась пауза, будто для встречного движения из её реплик зажёгся красный свет. Лицо её выражало недоумение.

– Потому что между «иметь» и «не иметь» нет никакой разницы, – пояснил я.

– Как это?

– «Тот насладиться не успел, тот насладился через меру, и всяк скучает, да живёт» – так примерно. Всё в конечном счёте становится равным нулю, всё превращается в ничто – и события, и мысли, и высказывания, и ощущения. Но счастье в ощущениях. Я ощущал жизнь во всех её проявлениях, я знал и убийственную печаль, и восторг мимолётной радости, и эйфорию первых дней любви. Я жил калеккой, но чувствовал мир так же, как другие. Так в чём моя ущербность?

– А я не ощущала себя счастливой... Не ощущала...

Спустя десять месяцев, в октябре, почтальон принесла письмо из фонда социального страхования. Казённая бумага сообщала о том, что «подошла Ваша очередь на получение услуги – санаторно-курортного лечения. В связи с этим предлагаем Вам путёвку в санаторий «Северная магистраль» сроком на 18 дней». Я тут же набрал в поисковике «Северная магистраль» и увидел анфас и профиль девятиэтажной махины с балконами, фундамент которой чуть не лизали волны Чёрного моря, с волосатыми пальмами и буйной зеленью вдоль, асфальтированных дорожек, с открытым бассейном, манящим отдыхающих бирюзой воды и теннисной площадкой. Не мешкая, я написал электронное послание в управление соцзащиты с просьбой о помощи, и тамошние чиновницы отыскивали мне сопровождающего – молодого волонтера Андрея.

К морю мы ехали трое суток в купейном вагоне, оборудованном приспособлениями для людей с ограниченными возможностями, и три дня я созерцал пейзажи за окном: белизну покрытых снегом северных полей сменяла густая чернь средней полосы, утром второго дня я восхищался полноводной Волгой, утром третьего – неспешным Доном, по берегам которого сидели рыболовы, не обращая внимания на грохочущий в двадцати шагах железнодорожный состав. К вечеру третьего дня поезд доехал до Северного Кавказа. Андрей опустил окно, в купе хлынул тёплый, сочный воздух юга. Ночью мы сошли в Туапсе.

Заселившись в номер на восьмом этаже, я вылез на балкон, вскарабкался на холодный пластмассовый стул. Мне не терпелось увидеть море, но море было спрятано в глубокой субтропической тьме. Сейчас оно и вправду было чёрным. Я чувствовал его йодистый запах, улавливал лёгкий плеск не разбуженных ветром волн и по отсутствию огоньков справа угадывал его расположение. Мрак стал медленно рассеиваться, являя очертания обжитого берега с наклепанными на гористую местность ласточкиными гнёздами хозяйственных строений и моря – величественного, безмятежного, лазурного Чёрного моря. От переполнившего восторга, желая привлечь внимание Андрея, я замычал, но, оглянувшись, увидел на кровати посапывающую белую глыбу.

Позавтракав, поспешили к усеянному серой галькой берегу. Андрей, подкатив мою коляску к урезу воды, спросил весело: «Паш, может, искупаешься? – и, не дождавшись ответа, подтолкнул транспорт в море, так что в нём оказались ноги. – Ты хотел увидеть море?! По щучьему велению, по твоему хотению – вот оно!»

Исполненный восторга, я разогнул ногу в колене, и хранящая последнее тепло влага рассыпалась на блестящие капли. Шлёпанец, слетев, поплыл, раззадорив владельца. Разулыбавшись, я повторил движение другой ногой, и два шлёпанца, воссоединившись в неразлучную пару, стали покачивающимися на волнах корабликами. Я зачерпнул пригоршню моря и попробовал его слабосоленый вкус. «Паш, посиди, я сплываю», – сказал Андрей и разделся до плавок. Едва ступая нежными пятками по гальке, ойкая и отдуваясь, он наконец бултыхнулся и, вертя головой влево-вправо, поплыл, совершая гребки

согнутыми в локтях руками. Достигнув почтительного расстояния, Андрей остановился, повернулся к берегу и, крикнув «Па-а-аш-ка-а-а, эге-гей!», замахал. Я видел его мокрую прилизанную голову и сияющее радостью лицо.

Потом он отвёз меня в конец волнореза и, оставив, побежал переодеваться. Я глядел в шевелящуюся колыбель жизни, в толще которой дрейфовали прозрачные медузы, затем, охватив взглядом её бескрайность, поднимал глаза к небу, благодаря Бога за этот дар и ощущая глубокое единение с Ним.

Я гостил у моря в ноябре, а через полтора месяца мировые информационные агентства объявили о появлении неизвестного вируса, вызывающего тяжёлые поражения лёгких и быстро распространяющегося. Я не придавал новогодней новости значения, ведь были же до этой заразы и атипичная пневмония, и птичий грипп, и экзотическая африканская Эбола. Что с того? Но вредитель, перепрыгнувший межвидовой барьер, путешествовал по континентам так оголтело и разрушительно, что спустя ещё два месяца человечество, выбросив врагу белый флаг, спряталось от него в квартирах-крепостях. С удивлением смотрел я телевизионные репортажи с обезлюдивших Невского проспекта, площади Святого Марка, Елисейских полей, да и наш городок стал таким, будто его жители каждую ночь встречали Новый год и вот, уморившись, отсыпались дни напролёт.

Выходить из дома без крайней необходимости власти не рекомендовали, но сидеть взаперти было невыносимо: зима подбиралась к завершению и уже не обжигала морозами, поэтому я выползал на прогулки, приторочив к коляске хозяйственную сумку, – покупка продуктов ещё какая необходимость. Я ехал по мёртвым улицам к самым далёким магазинам, покупал хлеб и возвращался. Два раза в неделю приходила соцработник Галина Николаевна, увидев пополнившиеся продовольственные запасы, выговаривала: «Сидел бы дома, есть же волонтеры, всё принесут. Пригласить их?» Я согласно кивал, принимал безвозмездную помощь, но в одиночной камере своего жилища мне всё равно не сиделось.

Как-то к вечеру я почувствовал вялость, сразу за ней слабость такую, что не мог удержать ложку. Я дополз до кровати и бухнулся, не раздеваясь, поверх одеяла. Грудь горела, как топка печи. Закрыв глаза, я видел на чёрном фоне то увеличивающиеся, то уменьшающиеся радужные пятна. «Бабушка, – шептал я. – Помоги, бабушка».

– Мада жале локтіс, – донёсся из темноты бабушкин голос. Тьма слабо осветилась огоньком светлячка, и я понял, что он – воплощение моего деда Анатолия. За ним вспыхнул ещё светлячок, и ещё, и ещё... С радостью я узнавал в их свечении ушедших людей, я знал их поимённо, а имя им было – легион. Светлячки олицетворяли и животных – я видел Белогрудку и Грею, и Фёдора, они приветствовали меня, помахивая хвостами. Выдавленная сиянием чернота исчезла, уступив место яркому белому свету, и я, к своему удивлению, без усталости бежал в потоке этого чудного света, наслаждаясь движением и свободой, осознав, что и сам постепенно становлюсь им.

– Ты часть вселенской энергии и часть вселенского сознания. Теперь ты знаешь всё за одним исключением, – негромко сказал кто-то невидимый.

– Чего же исключено? – поинтересовался я.

– Знать чувства и переживания других не дано никому, они непередаваемы и потому непостижимы.

– Шанин, откройте глаза. Слышите, Шанин, откройте глаза.

Я почувствовал, как кто-то легонько шевелит меня, положив ладонь на плечо, и, повинувшись, разомкнул глаза.

1. Мада жале локтіс! (ижемский диалект коми языка). Самым красивым ижемским словом считается «жале». Это обращение к человеку или питомцу и определение в одном лице. Перевести его на русский язык невозможно. Слово вмещает прекрасные определения в совокупности: добрый, милый, хороший, любимый и т. д. Почти такое же значение имеет слово «мада». Локтіс – пришёл.
2. Анатолий, видзёдлы, внук локтіс (коми). Анатолий, посмотри, внук пришёл.
3. 502 Bad Gateway – компьютерный термин (значение «ошибка шлюза»).
4. Soft (англ.) – программное обеспечение.
5. Став лёкыс, кысь локтём, сэтчö бөр мун (коми). Всё плохое, откуда пришло, туда и возвращайся.
6. Паньсö небось пеляс оз ну (коми). Ложку, небось, в ухо не положишь.
7. Хубон – короткая куртка до талии или бёдер, национальная одежда Испании.
8. Горгера – круглый гофрированный испанский воротник чаще всего белого цвета.
9. (исп.) – Я, Хуан Себастьян де Элькано, баск, уроженец и житель благородного и верного города Гетарии, первым обогнувший земной шар на корабле «Виктория», – печально сказал синьор. – Три года я шёл на одной из пяти торговых каравелл под командованием Магеллана из Испании в Испанию, ища западный путь к Островам Пряностей. После гибели адмирала и флотилии я взял командование «Викторией» и привёл её в Севилью. Я ел сыромятную кожу и корабельных крыс, пил протухшую воду. Я пережил потерю кораблей и гибель их экипажей, бури и ураганы. Я потерял веру в возвращение на родину, испытал ужас и страх. И я первый совершил кругосветку, слышите, я был первым.
10. Öтчыд думыштис – овны оз позь, мöдысь думыштис – позьö (коми). Один раз подумал – жить нельзя, второй раз подумал – можно.
11. Олöмыд абу öткодь: пон олö жö, кань олö жö (коми). Жизнь не одинакова: и собака живёт, и кошка живёт.
12. Бини – трикотажная или вязаная шапка без завязок, плотно сидящая на голове.
13. (нем.) – Держите, доктор Бранд, – повелительно произнёс мальчик. – Это вам от нас, физически и умственно неполноценных детей.
 Господин молчал, не двигаясь.
 – Только не делайте вид, будто не знаете меня. Я Кнауэр младший, отпрыск тех Кнауэров, которые обратились к фюреру с просьбой умертвить их сына-урода, то есть меня. И с высочайшего разрешения Гитлера мне вкололи смертельную дозу снотворного в университетской клинике Лейпцига. Это стало началом разработанного вами проекта по совершенствованию расы, который вы поставили на поток, руководствуясь прагматичной целью освобождения германского народа от обузы общества несовершеннолетних людей. Мы все боялись смерти и хотели жить, мы чувствовали боль и радовались скромным гостинцам, но вы предали нас эвтаназии. Держите, это вам, – и мальчик снова протянул господину верёвку.
 – Я избавил вас от страданий, – спокойно и уверенно ответил доктор Бранд, прежде чем рассыпаться на схожие с пикселями части-квадраты.
 – Второго июня 1948 года. Тюрьма Ландсберг, – услышал я вдогонку.
14. Öтвылын олiгöн шыд-рокыд сукджык (коми). В большой семье и каша гуще.
15. Нинöм (коми) – ничего.
16. (швед.). – Ей, как курице, отсекли голову, меня искололи саблями, зонтами, раздели и протащили по земле. Толпа растерзала меня, поверив в слух о моей причастности к гибели наследника шведского престола. Бешеные!
17. Поручень – способ, которым танцоры держат друг друга за руки.
18. (фр.) – Я безумно люблю вас и никогда, никогда не перестану обожать вас. Прощайте, любите меня, жалейте меня. Моё сердце принадлежит только вам.
19. (швед.) – Мне было восемнадцать, когда я впервые увидел её на балу в опере 30 января 1774 года, – начал повествование господин. – Незнакомка, прячущая лицо под чёрной маской, подошла ко мне и, трогательно грациозно, завела беседу:
 – Нравятся ли вам парижские дамы? – кокетливо поинтересовалась она.
 – Да, мадам, они прелестны.
 – А как я выгляжу в этом платье? – продолжила знакомка, всплеснув свободной рукой сверху вниз, тем самым обращая моё внимание на изысканный наряд цвета латте с небесно-голубыми цветами.
 – Восхитительно, мадам! Восхитительно! Однако я не могу сказать, идёт ли оно к вашему лицу...
 Она отвела маску, и я увидел озорные глаза королевского цвета, цвета цветов на её шёлковом платье.

– Ну так как? – спросила она, улыбаясь.

– О, как оно сочетается с вашими небесно-голубыми глазами! – ответил я, мгновением ранее поняв, что веду беседу с дофиной, супругой Людовика XVI, и я в неё влюбился.

Бывая в Версале, участвуя в карточных играх, я видел, что вызываю в ней волнение. Мы встречались взглядами, о, как многозначителен был её взгляд, я читал в нём нетерпение страсти такой же, что клекотала во мне. Я густо краснел, но оставался галантен и сдержан. Мог ли я любить Её Величество? И могла ли она любить меня?

Я принял решение покинуть Францию, я уехал в Америку, чтобы принять участие в войне за её независимость, но это был лишь предлог. Я бежал от испепеляющего меня чувства, желая там, на другом континенте, исцелиться от него. Узнав о моём решении, государыня в последние дни не сводила с меня глаз, полных слёз. Убить в себе любовь я не смог и спустя три года вернулся в Париж. Я хотел быть с ней и только с ней, меня не интересовали другие женщины. Я понял, что не женюсь никогда, потому что никогда не встречу женщину, которая станет мне дороже моего ангела доброты, моей королевы.

По потайной винтовой лестнице Версаля, с горящей свечой в руке, с колотящимся от волнения сердцем, стук которого отчётливо был слышен в ночной тишине, я поднимался на третий этаж в две крохотные комнатки, расположенные рядом с покоями государыни. Она встречала меня, сжав руки в замок на уровне груди. Я видел её блестящие, исполненные счастья глаза. Мы желали друг друга, но я следовал высоким принципам аристократа, а королева... Она не имела права любить человека, не являющегося её мужем.

В страшные революционные дни я нашёл прибежище в Бельгии. Моя возлюбленная оставалась в Тюильри. Я приложил все усилия, чтобы выволить её из пленения этими бешеными. Используя тайнопись и полиалфавитный шифр с ключевым словом, мы вели любовную переписку. «Моя нежная подруга. Без вас мне нет счастья. Вся Вселенная ничто без вас. Я никогда не перестану вас обожать. Я существую, чтобы любить и обожать вас, моё единственное утешение и надежда – вновь видеть вас», – писал я ей.

В феврале 1791 года я тайно пробрался в Тюильри и предложил Марии-Антуанетте и Людовику XVI совершить побег из хорошо охраняемого дворца, но... Она поступила по-королевски. Моя королева решила остаться королевой при своём короле.

Последнее её послание я получил после казни. Несколько слов на кусочке картона: «Моё сердце принадлежит только вам».

20. (исп.) – И боль.

21. (исп.) – Обожаю рисовать, – вымолвила Кало. – Я занялась живописью от боли и отчаяния, жуткой, нестерпимой боли. Я выплёскивала её на холст, но боль становилась всё сильнее. А теперь смотри.

22. (исп.) – Я не чувствую боли, мне легко, я как выпорхнувшая из клетки птица. И я рисую!

23. (исп.) – Я больше не рисую боль, я пишу вечность.

Василий
ЛОДЫГИН

Василий Григорьевич Лодыгин (1947–2022) – гижысь, журналист, Коми Республикаса народнӧй поэт. Чужис 1947 вося январ 6 лунӧ Кулӧмдін районса Габов грездын. Велӧдчис Коми пединститутын филология факультетын. Уджавліс школаын роч кыв да литература велӧдысьӧн, радиовещаниеын, Кулӧмдін районса «Парма гор» газетын. Лэдзис «Менам улица» (1972), «Ставыс на водзын» (1978), «Мича лун» (1986), «Вуджанін» (1993), «Мусакасян рӧм» (1998), «Чалльӧг» (2005), «Гыбад» (2007), «Лӧсас» (2013), «Миянладорын» (2018) да уна мукӧд небӧг. Россияса журналист котырӧ пырысь (1981). Россияса гижысь котырӧ пырысь (1982).

«Чужанінтӧг радейтӧмыс абу...»

Гожӧм шӧрын, медся гажа да шоныд кадас, муніс олӧмсьыс народнӧй поэт Василий Григорьевич Лодыгин.

Сылӧн став олӧмыс вӧлі йитчӧма Кулӧмдін районкӧд. Лыддьян кывбурьяссӧ да быттӧ ачyd волан Вылыс Эжва вожӧ, кежалан Габӧ грездас, кӧні сійӧ чужлӧма.

Муса вӧр-ваыс пыр ышӧдліс гижысьӧс лӧсьӧдны сьӧлӧм чепӧльтана гижӧдъяс: «...то утка чукӧр, гӧгралас-гӧгралас да, шыв пуксяс кытчӧкӧ, то тарьяс сьӧд мольясӧн ӧшъясны ылӧ толльӧ, то варыш кынмас медся джуджыд коз йылӧ. Дзолясянь аддзантор, а пыр нимкодъ», – пасйӧ Василий Григорьевич аслас ӧти висътын. Сійӧ чукӧртис лов пытшкас вӧр-ва озырлунсӧ, йӧзсянь бурсӧ, коръяскӧ и олӧм курыдсӧ. Но гижысь, быттӧ дзоридз дорӧ дзоридз, ӧктис лоӧмторьяссӧ, а наысь нин сэсся петісны кывбурьяс, сьыланкывъяс да проза гижӧдъяс.

«Чужанінтӧг радейтӧмыс абу...» – шуывліс гижысь и тайӧ кывъяссӧ топыд шӧртӧн нуӧдіс олӧм пырыс: уна во журналисталис, «Парма гор» («Ленин туйӧд») газет сылӧн кипод улын пыр вӧлі лыддьянӧн и коланаӧн; аслас творчество кындзи ноксис гижны босътчысь том войтыркӧд – нуӧдіс «Эжва» нима котыр, кытчӧ кыскис Кулӧмдін районса авторьясӧс. Тайӧ водзмӧстчӧмыс восьтіс туй ӧні бура тӧдса уна гижысьлы. На лыдын: Вячеслав Бабин, Эдуард Тимушев, Александр Лужиков, мукӧд. В. Чувьюровкӧд да В. Гуцинкӧд ӧттшӧтш гижысь котыртис Коми му пасьтала бура тӧдса «Василей» гаж. Тайӧ уджас Василий Григорьевич пунктис тӧдчана пай, медводдза петкӧдчӧмсянь ӧнія лунӧдз вӧлі нырщикъяс и выль сьыланкывъяс чужтысь лыдын. Сьыланкывъяс пыр сійӧ матыстіс йӧзсӧ Поэзия дорӧ, кыдзи сӧдз ваа юкмӧс дорӧ. Кывбурьясӧн тшӧкыда петавліс йӧз водзӧ, радпырысь воывліс Поэтической марафонъяс вылӧ. Кельыдлӧз синъяса югыд морт нэм кежлӧ коляс йӧз паметӧ. Гижан сямнас, чужан кыв радейтӧмнас, аслысикас ловбинас. Кужліс сійӧ и сьӧлӧм кыпӧдны, и ас войтырлы лов пыкӧдӧн лоны.

«Вөр-пу йылыс век на öгыра...»

Кывбуръяс

ПОЭТ ДА КӨК

Колан кывйыс сюрас да,
Морös пытшкын видза,
Медым лоис сьыланöй
Сьölöма да мича.

Көклы оз ков корсьысьны –
Öти кыв и тöдö.
Сійös аслас сьыланö
Öтарö и лөдö.

Сьывны рытнас босьтчам да,
Көкыс көть оз тыдав,
Сійös ставөн кывзöны,
Менö – сöмын лыда.

ПÖЛÖЗНИЧА

Вöльнöй светас медся мича
Войвыв дзоридз пöлöзнича.
Быдмö сійö Коми муын,
Шоныд лола асья руын.

Аддзылан да, шогыд бырö,
Сьölöм пытшкад радлун пырö.
Сулалан да, сьölöм кылö,
Ловтö лэптö бордъяс вылö.

Пукалан да юркытш кыан,
Муслун локтö ытва шыön.
Олөм гажа, олөм дона,
Көть и сьökыд овлö ёна.

Вöльнöй светас медся мича
Войвыв дзоридз пöлöзнича.
Со и радлам, со и сьылам,
Чужан муын олам-вылам.

ГӨГӨРА

Вөр-пу йылыс век на өгыра,
Рытыс лоо югыд вель на дыр.
Куръя вомысь мича-мича гөгөра
Эз на эжөр сайо дзикодз пыр.

Бура дыр на сийо уялас,
Коть и васо енежлань оз кой.
Бура дыр на бордъяс улас сюялас
Кодзувьяссө ньожмыд гождя вой.

Бура дыр на мамо кисьталас
Ошинь улысь дзоридзяс да мый.
Кодлы нө ме, кодлы нө ме висьтала,
Мыйла мича уткасо ог кый?

МЕНАМ ЧУЖАНИН

Менам чужанинын, кони ола-выла,
Кони ставсьыс гора варовито гым,
Покроласьом борын кодзыд эрдъяс выло
Мороспаньодз усьо еджид-еджид лым.

Менам чужанинын, кони ола-выла,
Кони вөрса ёлыс пуяс костын сюсь,
Лосьыдысла бордо, лосьыдысла сьыло
Польдом юяс весьтын еджид-еджид юсь.

Менам чужанинын, кони ола-выла,
Кони синмо пыро сьолөм шонтысь ром,
Небыд лёддзон водо потшос-майог выло
Дзоридзалом борын еджид-еджид льом.

Менам чужанинын, кони ола-выла,
Кони меным гажтом некор на эз вөв,
Чоскыд турун вылын, сиктссянь бура ылын,
Визув бокын йирсьо еджид-еджид вөв.

Менам чужанинын, кони ола-выла,
Кони гора кыло гажя сьыланкыв,
Пето кильчо выло тувсов товьяс йило
Сьолөм пыдыртодысь мича-мича ныв.

* * *

Көні менам лысваёй –
Ыркыдөй да асьяёй?
Көні менам косаёй –
Дорөмөй да лэчыдөй?

Көні менам покосёй –
Веськыдөй да паськыдөй?
Көні менам лэчтанёй –
Небыдөй да шылыдыдөй?

Көні менам пажунёй –
Чөскыдөй да пөтөсөй?
Көні менам ойбырөй –
Муртсаёй да шоныдыдөй?

Көні менам зорөдөй –
Пыкөмөй да ёсьтөмөй?
Көні менам кыаёй –
Рытьяёй да ваймысьёй?

Көні менам сьыланёй –
Мылаёй да меліёй?
Көні менам мусаёй –
Сьөлөмөй да сьылөмөй?

Көні менам томлунёй –
Пуысьёй да туысьёй?
Эськө жө дай олөмөй!
Эськө жө дай вылөмөй!

АЛЕКСАНДР ЛУЖИКОВЛЫ

Тэ муртса сөмын маръямоль моз воссин,
Но эз өд жалит «пуля гырся шер»,
Да усин пемыд лунъясыскөд косьын,
Өд кывйөн ёрин, а эн босьты чер.

Тэ, дона морт, зэв бур поэтөн вөлін,
Да ёна джуджыд вөлі коми кыв.
Мый гижин, ставыс шонтө йөзлысь сьөлөм,
И бөрдмөн жаль, мый он нин водзө сьыв.

Ми, кодъяс колим, олам жө пось лолөн
Да томъясөс на велөдыштам пыр,
Мед миян руным войвыланым оліс
Да гажа Коми му вылысь эз быр.

Ме чайта: коркө луныс лоё мича
Да оз нин му выв дзоридзьяссө ви.
Ми помасьтөдзным тэнө лолын видзам,
Тэ некор дзик он вунлы, дона пи.

* * *

Поэтыс – ёль, ме сійөс кывза,
Ог тэрмасьөмөн водзө мун.
Ме юрө сюя сылысь кывсө,
Да кыпыда зэв мунө лун.

Поэтыс – вөр, мен сійө мойдө,
Кыз мойдліс коркө ыджыд мам.
Ог пыр ме некор тувсов койтө,
Кор муслунысла пөтка рам.

Поэтыс – видз, код дзоридз шалля,
Да нюмъялө, кыз муса ныв.
Ме сійөс, мичаөс, ог таляв,
А тэча өтув сьыланкыв.

Поэтыс – сикт, код уна морта,
Көн кызвыныслөн мича лов.
Поэтыс – коми кывъя гортөй,
И некысь мөдыс мен оз ков.

ЛЫМСӨ ЭСЬКӨ ОКАЛІ

Лымсө эськө мусаөс моз окалі,
Эз кө быттьө өти здукөн сыв.
Восьлалігөн дзуртышталө кок улын,
Весиг сьылө еджыд ывлавыв.

Юсө эськө мусаөс моз сывъялі,
Эз кө быттьө кияс улысь пет.
Сійө бур, мый бордъя пыжөн шывъяла,
Лэба берег пөлөн тат и сэт.

Русө эськө мусаөс моз шыльөді,
Эз кө быттьө надзөникөн быр.
Шудыс локтө морөс кудйө ыльөбөн,
Чужанінын сійө юр выв тыр.

Тэнө эськө сьөлөмам и пысалі,
Эн кө быттьө мусаөн нин вөв.
Олан гажөй менам, тэ он мытсавлы,
Тэкөд муса олөмыс сө пөв.

Е. Козлова

*«Без тебя всё сейчас
но-другому...»*

Вся наша жизнь – мгновенье

Время очень быстро летит... Мы все торопимся жить, а разговоры, чувства, признания порой оставляем на потом, мол, ещё успеется и поговорить, и сказать друг другу самые тёплые слова. Мы часто даже не задумываемся, что вся наша жизнь – мгновенье, и если оно оборвётся, то ничего заново не повторится.

До сих пор не укладывается в сердцах близких и родных, друзей, коллег по перу, что в конце декабря 2021 года ушла из жизни председатель правления Союза писателей Республики Коми, секретарь правления Союза писателей России, бесконечно добрый и светлый человек, наставник и соратник – Елена Васильевна Козлова.

Она ушла неожиданно, словно поднялся порывистый ветер и украл её душу, а нам оставил воспоминания, похожие на синие стёклышки – те самые синие стёклышки из рассказа «Лёз клянича» (Синее стёклышко) Елены Козловой. Она раскрыла нам большой мир маленькой девочки Аннуш, чудный мир, подёрнутый дымкой таинственности. Аннуш смотрит на этот мир сквозь синее стёклышко и видит его другим, для неё он становится необыкновенным и добрым.

Так сложилось, что и мы теперь словно листаем воспоминания: слышите, они шуршат, их так много, но очень трудно сложить их в одну картину. Мы понимаем, что ещё нет устоявшихся воспоминаний, они

отдельными ручейками вливаются в цельное море судьбы и творчества. У каждого из нас они свои – синие стёклышки. Для их осмысления, конечно, понадобится время. Но не стоит их отпускать в бездну, память – единственный мостик между прошлым, настоящим и будущим...

Биография Елены Васильевны богатая. Детство писателя прошло в деревне Лыаты Усть-Вымского района Республики Коми. Она была обычной девочкой – весёлой и доброй. Елена Козлова часто прибежала в библиотеку, где знакомилась с творчеством Аркадия Гайдара, Анатолия Рыбакова, Николая Носова. Произведения детских писателей она сразу любила, от книг её невозможно было оторвать.

Василий Петрович, папа Елены Васильевны, несмотря на то, что был учителем начальных классов, не разрешал читать книги по ночам – выключал свет. Иногда ей приходилось читать книги тайком от родителей.

После третьего класса Елена Козлова написала свою первую историю. А всё было очень просто: она со своими подружками надумала поиграть в театр – поставить пьесу, но в местной библиотеке не оказалось подходящего текста на родном языке. Конечно, Елена Козлова ещё не знала о необходимости в пьесе конфликта между героями, но всё это проявилось на интуитивном уровне. Однако её пьеса «Аскур» (Самогоноварение) получилась какая-то

Елена Козлова, 7 лет. 1961 г.

«недетская» – о незаметных стариках-самогонщиках, которых осуждает внучка-пионерка. Режиссёра для постановки не было, и текст пришлось отложить в долгий ящик. Эта пьеса, записанная в блокноте, к сожалению, не сохранилась для истории. Но первый опыт не прошёл бесследно: Елена Козлова стала писать.

После окончания начальной школы в родной деревне и средней в деревне Туискерес она мечтала стать библиотекарем. Елена Козлова подала документы в культпросветучилище на библиотечное отделение, но случайная беседа с сестрой Валентиной Васильевной, которая закончила пединститут, изменила планы писателя. В 1971 году Елена Козлова поступила на филологический факультет Коми государственного педагогического института.

Во время учёбы в институте она писала стихи на русском языке. Также охотно посещала занятия литобъединения для

молодых писателей при институте, которые проводил известный литературовед Валерий Мартынов. Но её стихи были очень личные, и она стеснялась их кому-либо показывать.

В 1974 году по семейным обстоятельствам будущая писательница перешла на заочное отделение. Один год она прожила на Украине, затем вернулась в родные края и устроилась учителем русского языка и литературы в Туискересскую школу.

После завершения учёбы Елена Козлова работала воспитателем в детском саду города Сосногорска. В 1978 году она переехала в Сыктывкар и поступила в сектор литературы и фольклора Института языка, литературы и истории (ИЯЛИ) Коми филиала Академии наук СССР на должность лаборанта. Там Елена Козлова работала с именитыми учёными-фольклористами Ю. Г. Рочевым и П. И. Чисталёвым. Ездил в научные экспедиции по сбору фольклора народа коми. В результате её научных исследований появилась статья «Производственные и семейно-бытовые заговоры у коми» (1982) и очерк «Голоса седой старины» (1988).

В том же далёком 1978 году, когда Елене Козловой было 24 года, у неё появились трудности. Дочку писателя, Татьяну, не брали в детский сад из-за маленького возраста, и Елене Козловой пришлось оставить дочь в деревне у бабушки Ольги Ивановны.

Елена Васильевна скучала по дочке, и эта разлука вылилась на бумагу стихами для детей. Они были адресованы дочери. Эти стихи она отправила в журнал «Войвыв кодзув» (Северная звезда). Елена Козлова даже не надеялась на публикацию, но коми поэт Александра Мишарина обратила внимание на творчество молодого автора, и два стихотворения «Ош» (Медведь) и «Кӧч» (Заяц) опубликовали в журнале. Так, из автобиографии писателя узнаём: «В это же время начала публиковать свои произведения. Писала стихи, критические заметки,

прозу. Всё это было пробой пера, увлечением, не более. Стала серьёзно относиться к литературе, когда нащупала в ней свою стезю: детская проза. В произведения стараюсь вкрапливать фольклорный материал, прививать детям интерес к истории края, к истории своего народа».

Несомненно, для автора важно нащупать свою дорогу в литературе. Когда она находится – он стремится душой объять тот художественный мир, в кото-

ром оставит свои первые следы. Вот и Елена Васильевна нашла себя в детской литературе и вложила в неё всё самое сокровенное из своего сердца.

Каждое произведение писателя символизирует особый взгляд ребёнка на окружающий мир, его способность увидеть необычное в обычном, поверить в возможность чуда. Неслучайно народный писатель Республики Коми Геннадий Юшков в характеристике на заместителя председателя правления Союза писателей РК от 1992 года отметил: «Елена Козлова предстаёт нам как тонкий психолог, человек, глубоко знающий и понимающий детскую душу. Она пишет с юмором, находит точные детали, образы детей в её произведениях выпуклы и правдивы. Важным является и то обстоятельство, что Елена Козлова вплетает в свои повествования фольклор, без дидактики учит ребят любви к своей северной коми земле».

На самом деле Елена Васильевна всегда с трепетом относилась к подрастающему поколению, её мудрость, умение выслушать человека – редкое качество в современном мире. Но именно это повлияло на её дальнейшую судьбу.

Елена Козлова, 9 класс. 1970 г.

В 1982 году Елену Козлову пригласили работать в Союз писателей Коми АССР на должность литературного консультанта. Затем она стала заместителем председателя правления Союза писателей (1992–1995). А с 1995 года возглавила творческий союз. На этом ответственном посту Елена Козлова достойно представляла литературу Республики Коми, обрела авторитетом писателя и руководителя. Также занималась вопросами книгоиздания, оказывала поддержку молодым

писателям. Она понимала, что «литература – это постоянное развитие, совершенствование себя. Для того, чтобы писатель состоялся, нужна литературная среда. Автору нужен внутренний стержень и характер, иначе он не состоится». Кроме того, Елена Козлова принимала активное участие в международных, всероссийских и региональных литературных и общественных мероприятиях.

Елена Козлова радовала читателей произведениями, которые часто публиковали в журналах «Войвыв кодзув» (Северная звезда), «Би кинь» (Искорка), «Арт» и многих российских и финно-угорских изданиях. Также она была составителем различных коллективных сборников, альманахов, антологий. Её психологическая драма «Туй дор бадь» (Придорожная ива) была поставлена на сцене Национального музыкально-драматического театра Республики Коми.

Елена Васильевна на протяжении всей жизни служила и была верна литературе. Её появление в литературе стало прекрасным событием для читателей нашей республики. В 1990-х годах прошлого века в рекомендации в члены Союза писателей СССР Елене Козловой народный поэт Республики Коми Альберт Ванеев будто заранее пред-

Елена Козлова с однокурсницами в годы учёбы в пединституте (в первом ряду слева направо 1-я). 1973 г.

угадал и подчеркнул следующее: «Елена Козлова, пожалуй, первая из коми писателей, которая всецело и безраздельно предана делу создания произведений для юных коми читателей в жанрах прозы и драматургии. А её творческая активность просто похвальна».

Творчество Елены Козловой объединило вокруг себя детей и взрослых. Писатель теплотой своей души собрала их словно у костра, и оттуда никуда не хочется уходить, она живым словом обняла сердца читателей, и такое не забывается, и она тоже не забудется предыдущими и последующими поколениями.

За творческие заслуги Елене Васильевне Козловой присвоено звание Заслуженного работника Республики Коми (2003), а в 2010 году «За заслуги в области культуры и многолетнюю плодотворную работу» – Заслуженного работника культуры Российской Федерации. В 2011 году за «Антологию коми детской литературы»

стала лауреатом Премии Правительства Республики Коми имени И. А. Куратова. В 2019 году «за многолетний достойный вклад в развитие многонациональной литературы России» была удостоена Премии имени Д. Н. Мамина-Сибиряка. А в 2020 году за значительные достижения в творчестве она награждена медалью «Михаил Шолохов».

В памяти родных, близких, друзей, коллег по перу Елена Васильевна Козлова навсегда останется той путеводной звездой, которая своим светом будет указывать путь тем, кому он нужен как глоток воды. Хочется помнить Елену Васильевну, слышать её голос и снова и снова собирать синие стёклышки, смотреть сквозь них на этот необыкновенный мир, верить в чудо и творить добро.

**Любовь Ануфриева,
литературный консультант
Союза писателей Республики Коми**

Леночка-Елена

Свою главную часть взрослой жизни свыше 20 лет Елена Васильевна Козлова прожила в должности Председателя Коми отделения Союза писателей России. Мало кто верил в те далёкие-предалёкие уже годы начала Нового века, что эта весёлая пухленькая хохотушка, которая первая срывалась в танец на любом общем празднике, добрая и отзывчивая Леночка справится с такой серьёзной должностью, которую прямо из своих рук передал ей строгий и всегда сдержанный классик коми литературы Геннадий Анатольевич Юшков. Я помню, как многие не поняли этого предложения Геннадия Анатольевича. Да что многие?! Я и сама очень сомневалась, что удастся этой молодой женщине справиться с нашей писательской братией, когда вокруг бушевали национальные страсти, а страна не знала, что её ждёт в будущем.

Кто же думал тогда, что внутри этого человека таится железная воля и бесконечное чувство любви к своей семье, в которой уже выросли её замечательные сын Иван и дочка Татьяна, и к своему родовому гнезду, и к родной земле Коми, и к такому же родному и воодушевляющему её коми языку. И вообще к людям, и в первую очередь к нашему строптивому писательскому сообществу, где каждый представлял из себя отдельное государство в писательском государстве с собственным мнением о себе и своих возможностях, часто превосходящих мнение окружающих его таких же себялюбцев.

Мне часто доводилось видеть, как в кабинет Председателя врывались возмущённые жёны писателей. Или сами то поэты, то прозаики. И через полчаса из этого же кабинета выходили нормальные спокойные люди. А ведь тут ещё надо учесть,

Вручение премии имени Д. Н. Мамина-Сибиряка в Национальной галерее Республики Коми. Сыктывкар. 2019 г.

XIV отчётно-выборный съезд Союза писателей Республики Коми в Госсовете. 23 апреля 2021 г.

что мы работаем в двуязычном содружестве, где нет-нет да вспыхивают претензии друг к другу. А вот наше отделение, в отличие от многих в России, не распалось на национальные части, а решило все свои проблемы внутри нашего отделения. И это не обошлось без участия в трудном процессе становления дружеской обстановки в творческом коллективе без нашей Елены. А сверхзадач у неё всегда хватало и дома, и на работе. Где брала она своё терпение и уверенность, что любую проблему можно разрешить? Где сохраняла в себе эту спокойную улыбку, как не в каком-то сверхматеринском чувстве к человеку и человечеству. На всех съездах писателей в Москве, если она почему-то отсутствовала, находились десятки человек, которые спрашивали, а что с Козловой? Она не болеет? Её отсутствие всегда отмечалось коллегами. И для многих было огорчительным.

Это она собрала работающее правление писателей Республики Коми. И ещё более действенный административный аппарат нашего писательского содружества, которое сегодня является одним из самых заметных провинциальных писатель-

ских отделений СПР на территории нашего Отечества. Почти не имея личного времени, она стала известной своими книгами для детей. И, к сожалению, написала меньше, чем могла бы, в тонкой и трогательной женской прозе.

И как надо было хорошо разбираться в людях нашему Геннадию Анатольевичу Юшкову, чтоб без сомнения остановить свой выбор на этой хохотушке Леночке, крестьянской молодой женщине из красивого коми села Лыаты, для которого теперь уже навсегда она останется одним из знаковых жителей и села, и Республики Коми. Ибо при ней выросло несколько поколений молодых писателей. А мы, её современники, до сих пор, входя в кабинет уже к новому Председателю нашего отделения СПР Андрею Гельевичу Попову, которого рекомендовала нам теперь уже сама Елена Васильевна, видим её за спиной Председателя. Как будто она никуда от нас не ушла, чтобы помочь в трудную минуту.

**Надежда Мирошниченко,
народный поэт Республики Коми**

С ней было хорошо

Елена Козлова. Милый добрый человек. Хороший детский писатель. Мой друг. Я работала с ней более 20 лет. Сначала мы обе были литературными консультантами, я – по русской литературе, Елена – по коми. Сидели в одном кабинете и помимо работы много разговаривали по душам. А ещё общались в поездках, в доме творчества в Лемью, вместе были на семинаре молодых писателей в Пицунде. (Как Геннадий Анатольевич Юшков отпустил нас вдвоём на месячный семинар?) В один из дней Лена прибежала ко мне в номер заплаканная: «Мою Аннуш обидели!» В семинаре Вильяма Козлова руководитель в пух и прах раскритиковал её книжку «Синее стеклышко», в которой героиня – маленькая девочка Аннуш. Утешала Лену. Книжка-то очень хорошая, об этом знают читатели, а даже если бы не так было – всё равно бы утешала, потому что она же – друг. Другу надо помогать в любых обстоятельствах. Успокаивала и она меня в моих горестях.

Она не любила спорить. Если мы не находили точки соприкосновения, предпочитала помолчать. Смешливая, немного нужно было, чтобы её развеселить.

Потом она стала председателем Союза писателей Республики Коми. Произошло это как-то незаметно. Не могу даже припомнить, в каком году это случилось – давно это было. Должность выборная. Иной отсидит свой срок – и уходит. А Елену Козлову выбирали снова и снова. Такое происходит тогда, когда человека уважают. Когда он пользуется большим автори-

*Елена Козлова и Елена Габова
после XIV отчётно-выборного съезда Союза
писателей Республики Коми. 23 апреля 2021 г.*

тетом. Она устраивала большинство своих коллег «по цеху».

Работы в Союзе писателей всегда много. И у председателя, и у литконсультанта... В мои обязанности входило чтение рукописей, которые приносили молодые и старые, и совсем дети. Стихи, рассказы, поэмы, романы... На них нужно было писать ре-

Елена Васильевна на встрече с юными читателями. 2019 г.

цензии, разговаривать с авторами напрямую. Много у нас в России пишущих людей! А ещё всякая бумажная волокита: сбор документов на награждения, характеристики, справки... У председателя дел тоже полно. И потому, когда Елена Васильевна объявила нам с Владимиром Тиминим, что мы будем проводить эстафеты поэзии, лично я не обрадовалась: вот и ещё хлопоты! Вечно Елена что-то выдумывает.

И досадуешь: у нас всё хорошо, работаем с перевыполнением плана, зачем же ещё какая-то эстафета поэзии? Лишнее!

А нет. Это лишнее оказывается совсем не лишним. А очень значительным, нужным и самим поэтам, и жителям города. Вот всегда она так молчит-молчит, а потом выдст. И всегда оказывается права.

Конечно, временами она сомневалась, как все. Союз писателей располагается в престижном здании на втором почётном этаже, три большие комнаты. И вот стали нас из этого помещения выгонять. Для чиновников понадобились кабинеты. Зачем тут творческая организация? Пусть сидят на периферии – около

бани давали три малюсенькие комнаты в кирпичном доме. Упорно нас вытесняли, чуть ли не рейдерский захват был. Не раз ходили мы в предлагаемое место, смотрели комнатки... Ну никак они не подходили – ведь у нас ежегодные семинары, собрания... помещения нужны просторные, всё же Союз писателей в нашей республике немаленький (сейчас нас 54 человека, а с литературным активом – более ста), не подходят нам эти клетушки. И сказала Елена Васильевна: нет, никуда не пойдём. Хоть что пусть делают. Поставила точку. И благодаря ей Союз писателей остался на месте. Организация уважаемая, не к лицу ей быть на задворках.

В Елене Васильевне совсем не было суеты. Много у нас проводилось всяких мероприятий – республиканские семинары молодых писателей, всероссийские – переводчиков, фестивали... Огромная организаторская работа. Помню, проводили финно-угорский Конгресс писателей. Это очень крупное международное мероприятие. В нём были задействованы зарубежные страны – Финляндия, Венгрия,

Эстония. Как всегда в республике не хватало денег, но Елене Васильевне как-то удавалось уладить и финансовые вопросы. Она была ещё тот дипломат! Умела доказывать, что дело нужное! И вот сам Конгресс. Торжественное заседание, работа по секциям, встречи писателей в сёлах, библиотеках, сотни людей, всех надо накормить, поселить, кто-то заболел – оказать помощь... Я очень переживала, что сорвётся у нас что-нибудь. А Елена была спокойна. Она знала, что люди, с которыми она договорилась, не подведут. И это её спокойствие передавалось другим.

Ещё о Конгрессе. Вот он закончился, наступил последний вечер с фуршетом, с прощальными словами. Я извиняюсь перед участниками за огромный прокол в проведении Конгресса. А прокол был такой – все дни Конгресса лил дождь. Сильный, проливной. Конечно, извинение было шуточным, все это и восприняли как шутку. Потому что других проколов не было... Так случайно получилось, что у нас, работников аппарата СП Коми, было одинаковое отчество – Васильевичи. Мне так хотелось организовать из нас троих трио «Васильичи» и исполнять коми песни, в которые мы все были влюблены. Конечно, ни у кого из нас не было хороших голосов. Но ведь и без этого можно,

если петь душой, можно даже выступать, как выступают на творческих вечерах сотрудники музея Куратова, песни в их исполнении всегда радуют. Вот и мы на заключении конгресса что-нибудь бы исполнили в неформальной обстановке. Но Елена напрочь отвергала эту идею: «Петь я совсем не умею!»

А вот танцевать она умела и очень любила, но не всегда это удавалось. Больше за письменным столом да телефоном наши дела решались.

Заиграла музыка, и профессор Петер Домокош из Венгрии приглашает Елену Козлову на вальс.

Как же красиво они танцевали! До сих пор картина у меня перед глазами. Высокий стройный венгр Петер Домокош и статная коми ань – Елена прекрасная – в белом жакете и красной юбке. Она была полной комплекции женщина, но летала по залу, как пушинка.

Рано она ушла, унёс её беспощадный ковид, и нет больше человека, который всегда поддерживал меня словом и делом. Буду помнить, сколько живу, своего друга, свою двойную тётку Елену Васильевну Козлову.

***Елена Габова,
народный писатель Республики Коми***

Высота её души

Штрихи к портрету Елены Васильевны Козловой

Тщательно берегу своих многочисленных друзей в воспоминаниях. Сколько их уже за той чертой, откуда не возвращаются! Все они оставили неизгладимый след в моей душе.

Елена Васильевна Козлова, кажется, я знал её всю жизнь. Это она в 1996 году, будучи председателем Союза писателей Республики Коми, уговорила меня подать заявление в Союз писателей России после выхода в свет моей первой книги стихов. Это она приглашала меня на бесчисленные встречи с читателями, которые заряжали мой творческий аккумулятор вдохновением. Это она включала меня в различные делегации нашего Союза писателей для поездок по республике и за её пределами.

В 2000 году делегация Союза писателей Республики Коми отправилась на очередной конгресс финно-угорских писателей, который должен был состояться в Саранске. Поехали на микроавтобусе Елена Васильевна Козлова, Галина Васильевна Бутырева, Владимир Васильевич Тимин, Елена Васильевна Габова, Вячеслав Леонидович Бабин и я. Дорога была длинная, с ночёвкой в Йошкар-Оле. После обеда в столице Марий Эл нас повели в Марийский национальный театр, на концерт, после которого были устроены танцы в сопровождении удивительного национального музыкального ансамбля. Музыка была такая зажигательная, что ноги сами непроизвольно пританцовывали. И я впер-

вые увидел, как танцует Елена Васильевна Козлова. Оказалось, что её движения необыкновенно грациозны, естественны и органичны, её взгляд был обращён в себя, а вся она была удивительно обаятельна и женственна. «Да по ней в юности все парни с ума сходили», – подумал я тогда и даже чуть-чуть позавидовал этим парням. А много лет спустя случайно увидел в какой-то папке с фотографиями давней, ещё чёрно-белый снимок, на котором улыбалась стройная, круглолицая девушка замечательной красоты – Лена Ветошкина из деревни Лыаты. «Точно, все парни просто обязаны были по ней сохнуть», – утвердился я в своём мнении.

На конгрессе в Саранске Елена Васильевна выступила с серьёзным и обстоятельным докладом.

Много раз довелось мне выступать перед читателями нашей республики в паре с Еленой Васильевной. Доверительный тон её выступлений подкупал разные аудитории, но находил особенный отклик в душах детей. Они с неподдельным интересом слушали её рассказы о будущих произведениях, о только что увидевших свет её новых книгах. Причём не имело значения, на каком языке вела она свои беседы, на русском или коми – она, похоже, сама увлекалась своими рассказами и тем самым увлекала слушателей. Это – свойство подлинного писателя входить в определённого рода транс, когда речь заходит о литера-

Алексей Попов, Елена Козлова, Александр Суворов на встрече с читателями.

турном творчестве. А в том, что наш председатель писатель подлинный, у меня никаких сомнений не было.

В поездках по республике, естественно, не обходилось без приключений.

В снежном декабре 2013 года делегация писателей во главе с Еленой Васильевной отчаянно отправилась в самую глухоманную глухомань – в приполярное село Петрунь, что в 40 километрах от Инты. В составе группы, кроме Елены Васильевны, были Андрей Попов, Анжелика Елфимова, Павел Симпелев и я. Пока в Интинском аэропорту ждали посадку в вертолёт, и без того морозная погода превратилась в жгучую стужу. Шли к винтокрылой машине, поёживаясь и пряча носы в воротники и капюшоны. Летели в промёрзшем вертолёте над тундрой, поглядывали в иллюминаторы с любопытством, наконец приземлились. Нас ждали петруньцы на «Буранах», к которым были прицеплены специальные «сани». По двое

уселись мы на эти «сани», накрылись оленьими шкурами, и снегоходы помчались в село. Поместили нас в доме местной администрации. А столбик термометра тем временем всё полз и полз вниз. Когда мы выступали в школе перед учениками, они сидели в классах в верхней одежде. В Петруньском музее, куда нас повели после выступления, было минус 12. Делегация рассчитывала вернуться в Инту на следующий день, но мороз усилился до минус 42, и петруньцы нас в обратный путь не отпустили: сказали, что замёрзнем на втором километре, ведь сорокакิโลметровую дорогу до Инты по тундре предполагалось одолеть на тех же «Буранах» и тряских «саях». Пришлось задержаться.

Мы собрались в хорошо натопленном доме Петруньской администрации и занялись своим привычным делом – сочинительством. Елена Васильевна предложила сочинить пьесу, и мы с жаром включились в игру. Распределили роли, наметили

характеры и стали на лету придумывать сюжет, интригу, реплики и прочий драматургический антураж. Пьеса получилась весёлая, а я заметил, что у нашего председателя прекрасное чувство юмора, она смеялась удачным шуткам, сама шутила и, как всегда, совершенно естественно вписывалась в экстремальную ситуацию, снижая градус напряжения и ожидания. Только когда на следующий день мороз несколько спал (на 10 градусов), нас стали собирать в опасную дорогу: упаковали в огромные миллийские шубы, в валенки – прямо на нашу обувь, во внушительные рукавицы, Анжелику Елфимову нарядили в настоящую малицу. Елена Васильевна в шубе выглядела представительней всех. Её посадили на заднее сидение «Бурана», а мы устроились в «санях». Понадобилось два таких экипажа.

Температура приполярного воздуха поднялась ещё на один градус, и наша кавалькада помчалась по тундре навстречу неизвестности. Где-то на середине пути в ложбине сани, в которых ехали Анжелика и Павел Симпелев, отцепились и едва не перевернулись. Наш экипаж остановился в ожидании. Когда подъехали товарищи, мы решили сфотографироваться. Эти снимки есть в фотоархиве Союза писателей.

Прибыли в Инту в полной темноте. Мороз усилился, но мы не унывали, петруньские приключения обозначили планку нашей выносливости и приспособляемости к жизненным перипетиям. Эта поездка ещё больше сблизила нас, мы по-новому увидели друг друга в необычной ситуации. Мы поняли, что каждый из нас не так прост, как кажется на первый взгляд.

И вот однажды Елена Васильевна предложила мне перевести на русский язык свой рассказ «Над обрывом плакала гармонь». На коми языке он уже был опубликован в журнале «Войвыв кодзув», и мне предстояло дать ему новую жизнь. Мне казалось, что я достаточно постиг характер Елены Васильевны и смогу передать его в

переводе этого произведения. Я ходил вокруг него, примеривался, искал подступы – мне хотелось поймать температуру вдохновения, с которой детская коми писательница создавала этот взрослый рассказ, ведь я знал её как автора детских произведений. Подстрочник не передавал эту температуру. И в какой-то момент я вдруг понял, что всё дело в предельной искренности чувств, которые двигали Еленой Васильевной, больше того, я открыл для себя, что всё её творчество держится на этом и что только так надо жить в литературе. Я распахнул своё сердце и взялся за перевод.

Когда я принёс готовую работу в Союз писателей и отдал её Елене Васильевне, она обрадовалась, словно предчувствуя, что получилось что-то настоящее и значительное. А спустя несколько дней она спросила:

– Как это тебе удалось передать мою душу из коми мира в русский мир?

– Так мы же сто лет с тобой дружим, – ответил я и обрадовался этому признанию.

Русский перевод рассказа «Над обрывом плакала гармонь» был опубликован во многих журналах, альманахах, вышел отдельной книжкой и был по достоинству оценён профессионалами и простыми читателями.

Елена Васильевна планировала продолжить наше сотрудничество, не раз говорила мне, что вот-вот закончит ещё одну взрослую вещь и принесёт мне подстрочник, но судьба трагически не позволила ей подняться на очередную литературную ступеньку, оставив у нас обидное чувство незавершённости её творческого пути. Впрочем, я всё-таки благодарен судьбе за то, что она однажды и навсегда познакомила и подружила меня с этим незаурядным человеком.

**Александр Суворов,
член Союза писателей России**

* * *

Была середина лета. Давно собиралась я на родину Елены Васильевны, но всё время что-то мешало. А тут все «пазлы» сошлись, и я наконец в деревне Лыаты...

Кроме меня в этот день в родительском доме Елены Васильевны сошлись три поколения: мы с Леной (по старшинству), сын с женой и друг их семьи, и их дети, почти четверо или пятеро?.. В общей сложности 9 (или 10?) человек...

После обеда все засобирались на рыбалку. Кроме Лены. Удалось ли ей отдохнуть после нашего нашествия, не знаю. Я вернулась после трёх утра, вся компания ещё осталась у реки.

Пришлось разбудить хозяйку...

Днём я не успела особо осмотреться, переживала, что приехала, кажется, не очень кстати...

Где эта орда спать будет?

Зря переживала. Всем нашлось местечко...

Единственное, жаль, что в такой суматохе нам, конечно, и не удалось посидеть-поговорить с хозяйкой, – об этом доме, о родителях, о детстве Елены...

Пока она кормила-поила гостей (хорошо, невестка, Снежана, помогала, да и внучки, конечно, тоже...), я в одиночестве прошлась деревенской улицей, снимала дома, а саму хозяйку у дома и не сфотографировала, да я почти и не видела её...

Встреча в Союзе писателей Республики Коми. 1987 г.

На презентации книги «И вóли ю» Галины Бутыревой в Литературном музее И. А. Куратова. 11 февраля 2015 г.

Надо было остаться, а я со всеми вместе вернулась в город. Да и сама Елена Васильевна уже тоже собиралась вернуться.

Вот так живёшь, всё время что-то откладываешь на потом, а его ведь может и не быть! И ведь не стало!

Елена Васильевна так неожиданно ушла, что до сих пор никто не может прийти в себя, как? Как такое могло случиться?! Уже никогда не придёшь в Союз и не застанешь там Елену Васильевну... А бывало, заглянешь в её кабинет, и если она там одна, сядешь за длинный стол, и она – напротив, и оказывается, ты пришла очень вовремя, как раз есть какие-то вопросы, и именно с тобой их надо было ей обсудить...

А теперь – никогда...

Где-то в начале осени Елена Васильевна подарила мне одну из своих детских книг. Никогда не дарила, а тут почему-то решила

подарить и попросила, чтобы я обязательно прочитала и сказала ей, понравилась или нет... Я пообещала. И не забыла о своём обещании, прочитала, довольно быстро.

Мы договорились, что я теперь должна её «взрослую» прозу прочитать, всю...

Не успела. И до сих пор не прочитала. Но обязательно прочитаю, Елена Васильевна. И на твой спектакль ещё раз схожу. Жаль, не успела ты ещё пьесу написать, а хотела. И написала бы! У тебя бы получилось. В тебе столько осталось невысказанного...

Спасибо, что была и в моей жизни тоже, ведь именно ты одна из первых наших коми писателей поверила в меня как поэта. Хорошо хоть об этом успели поговорить... Спасибо!

Галина Бутырева,
член Союза писателей России

Елена Козловаӧс казътылӧмӧн...

Елена Козловалӧн творчествоӧн ме тӧдмаси дзоядырйи на, кор волевлі ыджыд мам ордӧ ичӧт сиктӧ гӧститны. Сэни, тшӧкыдджыка зэра да букыш лунъясӧ, важ журнал-газет чукӧрысь ме листавлі да лыддылы «Войвыв кодзув», «Чушканзи». Ӧтчид казялі «Войвыв кодзулысь» Елена Васильевнаысь «Ме да Ивук вокӧй» челядылы повесът, код дорӧ водзкывъяс сэки, 1990 воӧ, пасйӧма на вӧлі, том автор пӧ кутчысьӧ нин и гырысь гижӧдъяс бердӧ. А ме сэки, повесътсӧ босътчи лыддыны да, ордчыны эг вермы, сэтшӧма воис сьӧлӧм вылӧ коймӧд классын велӧдчысь Тоня нывка да сьӧлӧн семья йылысь гижӧд. Помалі, да нӧшта на некымынысь лыдди Елена Козловалысь сиктса челядь йылысь повесътсӧ, кодӧс гижӧма сӧстӧм, мича, сӧдз, челядылы гӧгӧрвоана кывйӧн.

А сэсса вит во мысти и ачым тӧдмаси авторыскӧд. Елена Васильевнакӧд ме медводдзаысь аддзыси Коми Республикаса гижысь котыр жырйын, кытчӧ менӧ, сӧмын на гижны босътчысь нывкаӧс, ки пӧлӧд вайӧдіс Искусство гимназияысь коми кыв да литература велӧдысь Раиса Ивановна Вагнер. Елена Васильевна пукаліс аслас жырйын, воча нюмъяліс. А пызан вылас, сы водзын, куйлісны быдсикас небӧгъяс, журналъяс, газетъяс да еджыд бумага листъяс. Сэки ме гӧгӧрвои, мыйта гижысьылӧн да гижысьясӧн юрнуӧдысьлӧн уджыс! Та вылӧ видзӧдтӧг, Елена Васильевна нимкодъпырысь примитіс сэки мянӧс, пуксьӧдіс пызан саяс, зэв бура сёрнитіс-тӧдмасис мекӧд, некодлы тӧдтӧм томиник нывкакӧд. Пызан вылас телепоныс сьӧлӧн дугдывтӧг триньгис, кодъяскӧ звӧнитчисны, мыйкӧ сёрнитісны-юасисны, а Елена Васильевна быдӧнлы вочавидзис бура, быдӧнӧс могмӧдіс – кодлӧн кутшӧм мог сы дорӧ вӧлі. Да и мекӧд на эштӧдчис сёрнитны – эз ӧтдорт, кӧть ыджыд, уна уджа да нока начальникӧн вӧлі. Син во-

дзын и ӧні на сулалӧ: пыран гижысь котырӧ, а Елена Васильевна жырйӧ ӧдзӧсыс восьса, кӧзьяйкаыс небӧг да бумага тыра пызан сайын пукалӧ, сэсянь тэныд нюмъялӧ да шыясӧ: «Пырав, Алёна, сёрнитыштам!..»

Эг ӧтчидысь ветлӧй ми Елена Васильевнакӧд маті-ылі командировкаясӧ гижысьяслӧн быдсикас мероприятие вылӧ. Поездӧн ветлім Москваӧ, Петрозаводскӧ, Эстонияӧ, Удора районӧ, машинаӧн – Йошкар-Олаӧ, Емдін районӧ, вит самолёт вежӧмӧн лэбзылім Румынияӧ... И быдлаын, туйын кӧть йӧз муын, сійӧ вӧлі нюмсера, сьӧлӧм сетысь, варов мортӧн. Пыр кужис корсьны-аддзыны быд морт дорӧ матыстчан ордым, сям-мис бурӧдны и ышӧдны сьӧкыд здукӧ, отсавны сӧветӧн и делӧӧн. Кытчӧ колӧ, вӧлі Елена Васильевна и чорыдӧн, водзлань писькӧдчысь-мунысьӧн, сьӧкылдунъяс венысьӧн. Нэм кежлӧ коліс паметъӧ коми гижысьяс делегациялӧн Румынияӧ, Финн-угор гижысьяслӧн конгресс вылӧ, ветлӧм. Мӧдӧдчим сэтчӧ ми куимӧн: Елена Васильевна Козлова, Нина Александровна Обрезкова да ме. Ставыс сьӧкыда зэв арт-мис, быттӧ мыйкӧ эз лэдз мянӧс ылі муӧ мунны (первой виза сьӧкыда шедіс мянлы, сэсса туйыс лои Европаӧ кытшолаӧн – Турция пыр ковмис босътны билетъяссӧ, сэсса, дзик нин петӧм водзвыланым, тӧдмалім, мый бӧр воан рейсыс озло – коліс вежны билетсӧ либӧ кольччыны гортӧ). Ми Нинакӧд дзик нин энотчылім кузь туйӧ петӧмысь, но звӧнитіс Елена Васильевна да чорыд гӧлӧсӧн шуис, огӧ пӧ энотчӧй, видлам век жӧ воӧдчыны. Кывзысим сэки Елена Васильевнаӧс – и ставыс артмис.

Коми литература йылысь Елена Козловакӧд менам ыджыд сёрни артмис 2021 воӧ Коми Республикаса гижысьяслӧн неважӧн эштӧм съезд бӧрын. «Войвыв кодзув» журнал редакция корис лӧсьӧдны

Семинар молодых коми авторов в Литературном музее И. А. Куратова. Сыктывкар. 2016 г.

Коми Республикаса гижысь котыр юрнуӧдыськӧд кольӧм съезд йылысь ёрта сёрни. Ме дасьтӧ юалӧмъяс да вӧзйи найӧс Елена Васильевналы. Эз ставыс, мый йылысь юаси, во сылысь сӧлӧм вылас – та йылысь Коми гижысь котырӧн веськӧдлысь висъяталіс меным аддзисиганым. Но, та вылӧ видзӧдтӧг, Елена Васильевна вочавидзис став менам юалӧм вылӧ зэв пыдіа мӧвпалӧмӧн. Тайӧ интервьюыс, кодӧ лои, гашкӧ, сы олӧмын медбӧръяӧн, сэсся петіс 2021 вося «Войвыв кодзув» журналлӧн юль тӧлысья номерын. Со сэтсысь литература да гижысь удж йылысь ӧткымын мӧвп: «Гижысьӧс да сылысь творчествосӧ донъялӧ лыддысьысь. Но лыддысьысь пиас ӧд быдсикас мортис эм. Ӑти радейтӧ кывбуръяс, мӧд – висъясьяс, кодлыкӧ колӧны радейтчӧм йылысь гижӧдъяс, кодлыкӧ – детектив, а кодлыкӧ и – мойдыяс. Та вӧсна и гижысьясыс абу ӧткодьӧсь: и тема бӧрйӧм сертиыс, и гижанног сертиыс, и пытшкӧсса мирсӧ вӧсьтӧм сертиыс. Литература ӧти бала вылӧ гартны оз позь. Кутшӧм войтырыс уна сикас, сэтшӧм

и литератураыс, сы вӧсна, мый став гижысьыс сідз жӧ абу ӧти сюрӧса. И быд лыддысьылы ыджыд литература мирас колӧ кужны корсьны ассьыс, ас лов да сӧлӧм дорас матыс гижысьӧс. Мед эськӧ выль гижӧд лыддыӧм бӧрас мортис тырвуйӧ гӧгӧрвоис, кутшӧм матысса, ставсӧ тӧдысь да сӧлӧм кылысь мортӧн вермӧ лоны гижысьыс, кодкӧд олӧм йывсьыс став мӧвпыс гижысьыслӧн да лыддысьыслӧн сӧльнитчӧны. Либӧ лыддысьыс мыйкӧ выльтор аддзас да вӧсьтас аслыс выль гижӧдысь, либӧ выль ног видзӧдлас олӧм вылас. Литератураыслӧн ӧд могыс паськыд. И сійӧс уна ногӧн позьӧ лыддыны да вӧсьтны аслыд».

Ме чайта, Елена Васильевна ӧтпырйӧ вӧлі и таланта гижысьӧн, и тӧлка юрнуӧдысьӧн, и шань, бур сӧлӧма мортӧн. Татшӧмыс миян олӧмын гежӧда зэв овлӧ. Сідзкӧ, и татшӧм мортсӧ воштӧмыс сӧкыд да доя куим пӧв...

**Алёна Ельцова,
Россияса гижысь котырӧ пырысь**

Сійö пыр лоас менам сьöлöмын

Бөръяыссьö Елена Васильевнакөд вöлим öтлаын вöльгым кызь коймөд лунö, ветлим кыкөн Көрткерөс шөр библиотекаö коми поэт-фронтвик Иван Михайлович Вавилинөс казтылан рыт вылө. Бөръяысь... Пыр на став тайö мустөм лоөмторъяс оз эскыссьы, некызди татшөм ыджыд шогсö сьöлөм оз гөгөрво, оз сибөд ас дорас...

Воим ми Көрткерөсö, уджалысьяс Валентина Владимировна да Галина Рудольфовна шоныда миянөс паныдалісны, пуксьөдісны медводз чай юны. Виччысьтөг ми Елена Васильевнакөд öта-мөд вылө видзөдлім да казялім – платтьöясным пöшти öткодьöсь. Сöмын Елена Васильевналөн пемыдджык рөмыс, а менам югыдджык. И кыкнаннымлөн морөсаным брошкаяс. Менам, мися, платтьöыс брошкаа вöлі. А ме пö ньöби. Сэсса Елена Васильевнаөс казтылан лунö Таня нылыс меным козьналіс тайö брошкасö, и ме пыр кута видзны сійöс кызд меддонаторйöс... А рытыс библиотекаын коліс шоныда. Елена Васильевна аслас сёрниын вылө донъяліс Иван Вавилинлысь творчествосö, ме висьталі поэтлөн фронтыввса туй йылысь, а Маргарита Ивановна, поэтлөн нылыс, уна бур кывйөн казтыштіс батьсö.

Лун-мөд мысти Елена Васильевна меным звөнитö и шуö: «Тэ кызди, ставыс бур? А ме больничайн...»

Музейын бөръя аддзысьлөмыс вöлі вöльгым дас сизимөд лунö. Сэки нуөдім коми поэт Ю. Васютовлы да роч поэт

Г. Горбовскийлы сиöm рыт. Елена Васильевна уна бур кыв шуис Юрий Васютов йылысь. Сійöс пыр вöлі окота кывзыны: сёрнитліс дженъыда, но этша кывйөн сяммыліс шуны унатор гижысь да сылөн творчество йылысь.

А төдсаöсь ми вöлим Елена Васильевнакөд комын гөгөр во, дерт жö, миянөс медсясö öтувтис коми литература кыпөдан да видзан удж. Музейлөн важ местаас уджалігөн на, сэк, кор Елена Васильевна вöлі гижысь котырын веськөдлысьöс вежысьөн, сійö Владимир Васильевич Тиминкөд тшөтш тшөкыда волевліс литература рытьяс вылө.

1995 воö Елена Васильевна лои гижысь котырөн веськөдлысьөн. Тайö кадас нин ми кутім сёрнитны сы йылысь, мый колö музейлы выль оланін. Тырмымөн чукөртöма материал, сідзкө, эм нин позянлун петкөдлыны экспозицияын паськыда коми кыв да литературалысь сөвман туйсö Куратовсянь да öнія кадөдз. Тайö мөвпнас юксим Елена Васильевнакөд, а сійö чуйдөдіс шыөдчыны коми войтырлөн съезд дорö. Тадзи и вөчим. 1998 воö съездлөн шуөм серти сэкся юралысь Ю. А. Спиридонов, коді пыр вылө донъяліс миянлысь гижысьясöс, вөчис кывкөртөд – сетны музейлы купеч Сухановлысь керкасö. Но бара на вöліны мытшөдъяс, бара на Елена Васильевна отсаліс. Кодкө шуөм серти керкасö дзоньталігөн кутлісны нимсö музейлысь вежны, шуны сійöс кутшөмкө культура шөринөн да мед эськө музейяс эз вөв öнія литературалы сиöm жыр. Елена

Встреча с Е. В. Козловой и В. В. Тиминим в Литературном музее И. А. Куратова. Октябрь, 2015 г.

Васильевна пыр жө чукөртис правление, а сэсса правлениеө пырысь гижысьяс нин шуисны, мый татшөм жырйыс музейын быть колө.

Өні неуна Елена Васильевнакөд өтувъя шойччөм йылысь. 2014 вося урасьөм төлысьө мян музейын гижысьяс, рөдвужыс, культураын уджалысьяс кыпыда пасйисны Елена Васильевналысь чужан лунсө. Уна пөсь чолөмалөм вөлі шуөма, а челядыс козыналысны Египетө путёвка. Тулыснас сэтчө и ветліс Елена Васильевна. А сэсса кызкө аръявыв звөнитис меным и шуө: «Ветлам Египетө саридзын уялыштны, тайө саридзыс кок висьөмъяс бурдөдө». Ме зэв өдйө и көсйыси. Шойччим ми йирым төлысьө Хургадаын, өта-мөдысь здук кезлө весиг эг мудзлөй. Елена Васильевна сэки вуджөдіс коми кыв вылө СГУ-са велөдысь да история наукаса кандидат О. Е. Бондаренколысь «Рассказы по истории Коми края» небөг, сөрөдз пыр уджаліс. А ме сэккості вөлі лыддысьышта да и унмовся. Елена Васильевна тай коркө водлас жө вөлі-а, а луннас пыр өтлаынөсь: и саридз дорын, и экскурсияс вылын...

2015 вося бара жө йирым төлысьө мөдысь ветлім Египетө, вывті жө гажаа да

бура шойччим, паметьө колины вунөдлыны позьтөм лунъяс.

А кольөм вося тулысын витөн жө – Алексей Вячеславович Лариса Тимофеевнакөд, Елена Евгеньевна да ми кыкөн шойччим Сочиса пансионатын дзик саридз бердас. Ставыс вөлі бур, шойччөмсө котыртис Лариса Тимофеевна. Елена Васильевнакөд олім өтсөгласөн өти жырйын, нинөмөн өта-мөдөс эгө дөзмөдлөй.

Нэм помөдз кута аттьөавны Елена Васильевнаөс сысь, мый 2018 вося йирым төлысьө корис менө ветлыны Сибирө, Нёбдінса Витторөс гуаланінө. Томскө ми мөдөдчим нельөн: Елена Васильевна Козлова, Елена Евгеньевна Афанасьева, Надежда Николаевна Быковская да ме. Кировсянь поездөн мунім матө кык сутки. Вокзалын мянөс паныдаліс «НКВД-лөн следственной тюрма» музейөн веськөдлысь Василий Юрьевич Ханевич, зэв шань да төлка морт. Медводдза лунас ми төдмасим музейлөн озыр экспозицияөн, карыслөн историяөн, паныдасьлім Томскса гижысьяскөд. Мөд лунас мянөс автобусөн нуөдісны Итатка бердса лагернөй шойна вылө. Воим да пыр жө и гөгөрвоим – В. Савинлысь памятниксө тані бура

Во время встречи с жителями с. Томское близ Итатки Томской области, где похоронен В. А. Савин. Октябрь, 2018 г.

видзöны: сійö йөр пытшкын, быдмöны ичöтик козьяс. Торйөн нин ыджыд пайыс таын Итаткаса юралысь Василий Юрьевич Бебеклөн. Сы отсөгөн жö Савинлөн памятник дорö Елена Васильевнакөд пуктим ичöтик сус пуяс, быдмöмаöсь шойна вылас. А öд Нёбдинса Виттор көсийс, мед эськö дзебисны сійöс сус пу улö...

Сэсса вöли Итатка дорса Томское сикт культура керкаын сэтчöс йöзкöд аддзысьлöм. Öнöдз на син водзын Елена Васильевналөн пöсь сёрниыс. Сійö синва сорөн казтывліс кызьöд нэмса шуштöм комынöд вояссö, Виктор Савинöс да мукöд коми гижысьöс, кодъясöс пыр кежлö торйöдісны чужаніныскöд, семьяыскöд... А залын пукалысьяс лов шынысö кутöмөн кывзисны. Уна бур йöзкöд тайö ветлöмас паныдасьлім да сёрнитім, гөгөрвоим: Виктор Савинлысь нимсö тані пыр кутасны сьölöмсянныс видзны.

Öні тшöкыда босьтывла киö Елена Васильевналысь «Туй дор бадь» небöгсö, выль пöv лыддьывла сьölöм вөрзьöдана гижöдъяссö. «Озьякерöсаной» повесытыслысь сюрöссö сійö висьтавліс меным и водзджык, небöгыс петтöдз на. А небөгас эм Елена Васильевналөн со татшöм пасйöд: «Дона да пидди пуктана Диана Григорьевналы став сьölöмсянь бур сиёмөн! 16.10.2014».

Унатор йылысь Елена Васильевнакөд ми сёрнитывлім – и гортса да семья кост олöм, и удж вылын лöмторъяс. Кужліс сійö сьökыд кадъясö ловкылöмтö кыпöдны да шог мөвпъясысь петкöдны.

Шань да бур сьölöма морт, авъя да ен-биа, дона да радейтана коми гижысь Елена Васильевна... Мед жö тэнад сöстöм нимыд пыр олас коми йöзлөн сьölöмъясын...

*Диана Холопова,
И. А. Куратовлөн музейын
научной сотрудник*

Тулыс виччысьысь ань

Елена Васильевнаос ичот нывкаон (вөлөма нель арөс) пыртлөмаось Көджпом вичкоын. Бөр гортаныс, Лыатыө, лэччыны абу артмөма, да мамыскөд вичкоас и узьөмаось. Та йылысь висьталіс Татьяна, Елена Васильевналөн нылыс. И сэки син водзам сувтліс югыд серпас: кызди ичот нывкаос пыртөны, резөны вежа ваон, и лолыс чукөстчө буркывлы воча. Төдіс-ө кодкө сэки, кутшөм туй ковмас вуджны тайө ичот мортыслы, мыйта лышкыдлун да вежөр ковмас сылы, мед юксыны аслас югыдөн да шаньлунөн уна йөзкөд, быдөнлы аддзыны (олөмас) стөч да колана кыв, некодлысь не тальны ловсө,

а мөдарө – кыпөдны, сетны надея, сук вөрө ылалөмаос петкөдны дзоридзалысь луд вылө?

Тайө жө вичкоас колльөдім Елена Васильевнаос бөрря туйө. Ывлавыв югыдыс нинөм төдтөг ыджыд өшиньясөд пырис вичко пыдіас. Ловьяснымөс сьөкыд изйөн личкис шог, эз сет чукөстчыны ни пуксьөм луныслы, ни выль во матыстчысь руыслы воча.

Мый йылысь өні сёрнитісны миян ловьяс?.. Казьтылісны уджнымөс, гижөм серпасьяс, ветлөм-мунөмнымөс, чөв олісны либө кывзісны медбөрря өтув здукьяссө?..

ЕЛЕНА КОЗЛОВАӨС ЮГЫДА КАЗЬТЫЛӨМӨН

А төдан, өні ставыс мөд ног тан...
А сэні кызди?.. Висьтав меным, нолы.
Та йылысь сёрни некор, дерт, он пан –
А меным тайөс төдны ёна колө.

А вежөртны кө эськө тэнсьыд мыв,
И лолыд тэнад мыйджык өні корсьө.
Тэ аддзылін вижчачаа му выв?
Тэ кывлін вөрлысь ловру песан горсө?

И чуньяс костөд лэдзлін турун гы,
Сы вывті важас көя пыжөн сынлін?
И кор тай төв ныр катлө мургысь гым,
И зэрсө сувтса кисьтө ыджыд вынөн,

Сэк овлін шоныд сьыланөн? И зэр
Тшөтш овліс тэон тайө палыд лунас?
А тшөтш и помтөм купальнича эрд?

Но воча кывйыд пемыд ваө сунас.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ЕЛЕНЫ КОЗЛОВОЙ

Без тебя всё сейчас по-другому...
А как там? Как в иной вышине?
И как шла ты к Небесному дому?
Что за путь это? Знать надо мне.

И душа там в какие стихии
Окунулась, в какие мечты?
Оглянувшись на дали земные,
Звуки леса услышала ты?

И по волнам травы и покоя,
И по времени в лодке плыла?
И увидела лето зимою:
Дождь, гроза, предрассветная мгла.

И была ты дыханием юга,
Летним ливнем иль пеньем псалма?
Гулким громом, в купальницах лугом?..

Но ответ твой скрывает зима.

Перевод Андрея Попова

Встреча с редакцией журнала «Юность» (Москва) в Лемью. 2014 г.

Коркө чужан лун кежлас Елена Васильевналы гижли чолөмалан кывъяс и пасйи, мый сыкөд сёрниясным нулөны миянөс пыр ылөджык и ылөджык, и ми быттө воывлам төдтөм муясө, көни некод оз ов. И пыр сьөкыдджык и сьөкыдджык овлө татчөс олөмас локны бөр, мыйла окота сёрнитны помтөг, кызди кык визув шорлы орччөн сяльгыны тшөтшкөсінъясті, бужөдъясті, тільясті... сьөлөмъяс пыр... век водзө и водзө – Ыджыд Радлунлань.

Елена Васильевналөн чужан лунис февраль шөрын, и лов сертиыс сійө вөлі тулыс виччысысь ань. Та понда, чайта, сыкөд орччөн ачымөс век кывлі бура, кокниа. И сы дорө, шуда көть сьөкыд юөрөн, котөртлі радпырысь. И сійө век кывзыліс и аддзыліс, кодарө, кутшөм нырвизьөн да кутшөм сёртасөд нуөдны сёрнисө, өд таясь сэсся миян Гижысь котырлөн олөмас унатор вермис вежсыны вужвыйөн.

Өтчыд сылысь юалі: «Елена Васильевна, а кызди Ті ас пытшканыд венанныд шогсө, кор кувсьөны матыссаяс либө гижысьяс?» И сійө вочавидзис: «Зэв жө сьөкыда вөлі вуджа тайө кадколастсө. А сэсся өтчыд священниксянь кылі татшөм кывъяс: «Коркө ми ставөн сэні лоам – кодкө водзджык, кодкө сёрөнджык». И та бөрын эг нин сэтшөма шогыслы сетчыв».

Видзөда вөлі Елена Васильевна вылө татшөм луньясас, и збыль, сійө зілис пыр жө кутчысьны уджө, мед пальөдны асьсө. И уджыс да быдлунья нокыс мыйтакө отсавлісны венны сьөкыд кадсө.

А өні ми виччысям Елена Васильевналысь выль книга. Регыд нин сійө петас и посни войтырлы лоө ыджыд козинөн.

*Елена Афанасьева,
Россияса гижысь
котырө пырысь*

Елена Козлова

АВГУСТЫН

Öти акта пьеса

Ворсысьяс:

Костромин Михаил Васильевич – совхозса отделениеён веськөдлысь

Мальцев Василий Иванович – отделениееса механик

Логинов Сергей – тракторист, ар 26

Логинова Рая – Сергейлөн гөтыр, град выв пуктас быдтысь, ар 22

Столля баб

***Совхоз отделениелөн кантора. Пызан, улөсьяс, телефон.
Совхозса отделениеён веськөдлысь сулалё, сёрнитё телефон пыр. Шенасьё.
Сёрнитё комиён, но ёна рочасьё.***

КОСТРОМИН. Понял. Вас понял. Талун кө босьтчам, так сказать. Көсья Логиновлысь звеносё сувтөдны. Гөгөрвои, понял, Михаил Кузьмич. *(Пуктё телефон трубкасё, чышкё пөсьсё.)*

Пырё Рая.

РАЯ. Видза оланнөд, Михаил Васильевич!

КОСТРОМИН. О, Раиса! Чолөм! *(Мыччө кисё.)* Кутшөма олан-вылан? Быдтысян? Оз на кот-рав багатырыд?

РАЯ. Ок, өдйө тай көсьяннөд! Мед эськө вит төлысьөн и котөртис...

КОСТРОМИН. А некор дырсө виччысьнысө, Раюк. Он кыв, радио пырыд быд лун дольоны: ускорение да интенсификация. А мян уджалысьясыс вот тадз колөны. *(Нуөддө сьылі весьттійыс.)* Тэ вай питө ускоренным методом, так сказать, быдты.

РАЯ *(сетө чесьт)*. Есть, Михаил Васильевич! *(Сералөны.)*

КОСТРОМИН. Могөн, Раюш, али сідз, гажыд быри да?

РАЯ. Могөн. *(Зумыша.)* Норасьны вои.

КОСТРОМИН. Код вылө кө?

РАЯ. Сергей вылө.

КОСТРОМИН. Аддзөмыд код вылө норасьнытө! Быдөнлөн кө татшөм верөс вөлі. Передовик! Почёт пөв вылысь портретсө огө вештылө.

РАЯ *(сы ног жө)*. Вот, вот. Оз ю, деньга вайө. Мый сэсса колө? А меным татшөм верөсыд... *(Бергөдчө өшиньялань.)*

КОСТРОМИН. Мый тэ, Раюк? Ышмөмыд кө бур верөс дорад-а? Этштө он төд. Кутшөм нө сэсса тэныд колө, так сказать?

РАЯ. Вот и кутшөм. Тайө пөдраднөй уджнад дзикөдз тшыксис. Тулысьяныс нин гортысь

эг аддзыв. Пиыс быдмө да батысө оз төд, кутшөм пө и эм, сюра али сера. А водзынджыксө... (Мелиа.) Вөлі удж вывсьыд локтас да дзоридз ваяс. Йөзсьыс яндысьө да питшөгас суйыштөма. И горт гөгөрын отсаяс-вөчас ставсө. А рытпом телевизор дорад өтлаын пукыштам. А өні? (Скөра.) Воас гортө, ужнайтас да кыв шутөг шняпкыяс-водас узыны. И стынитө асылөдз.

КОСТРОМИН. Но өні өд денегатө вайөджык жө.

РАЯ. Съөмтө вайө. Сөмын тай олөмыд оз сөмын съөмөн артассы. Мед эськө тайө съөмыс местаө меным гортын өнджыка отсасис, рытнас көть киөс кагасыс вежліс.

КОСТРОМИН. Но шань, шань, Рая, дугды. Регод нин, так сказать, кызвын уджыс помаяс.

РАЯ. Көть шойччан лун сетлө механизаторьясылы.

КОСТРОМИН. Некор, Раюк, некор. Талун, так сказать, директор звөнитліс, тшөктө нин картопель идравны. А мыйөн ставыс эштас, Сергейтө отпускө лэдзла. А сідзсө, Рая, ме эг бура гөгөрво, мыйла верөс вылад элясин. Ачүд век удж вылас өзьян. Удж понда висян, а Сергейүд өд сідз жө.

РАЯ. Да мөд нога сійө дзик лои. Став олөмсө деньга вылө мөдіс вуджөдны. Скөр лои. Менө ни кагасө оз казаяв.

Кылө кага бөрддзөм.

РАЯ. Ой, садьмис. Ме котөрөн. Öшинь улад өд, көляскаын.

КОСТРОМИН. Энлы на мун, Раюк.

РАЯ. Пырала на, пиукөс лөньөда да.

Рая петө. Здук мысти пырөны Сергей да Мальцев. Киасьөны, пуксьөны.

КОСТРОМИН. Вот мый, ёртьяс. Картопель идралан техникаүд дась?

МАЛЬЦЕВ. Дась.

Пырө Рая да чөла пуксьө лабич вылө.

КОСТРОМИН. Но, сідзкө, нинөм и нюжъявны. Öні мунөй да видзөдлөй нөшта ставсө, и Сергей, так сказать, петкөд звенотө Паськүд ыбас картопель керны.

СЕРГЕЙ. Картопель идравны? Август шөрнас? Тэ, Михаил Васильевич, күдз көсьян, а тайө мөгөн ме му вылө ог на пет. Вывті на водз. Öні картопельыс сөмын на быдмыны босьт-чис. Пемыд войясыс и быдман кадыс сүлөн.

КОСТРОМИН. Сергей, тэ быттьө төлысь вылысь усьөм морт. Öнiя картопельыс өд мед-дона сдایتнысө. Выгөднө.

СЕРГЕЙ. Кодлы выгөднө? Меным? Али тэныд? Öні кө ме картопельсө босьта, гектарсьыс центнер лыдыс этша лөө. А нөшта кө төлысь сета быдмыны – ого-го! Август шөрын ме ас му вылысь картопель идравны ог мөд.

КОСТРОМИН. Мый тэ таво ырьянитан? Колян во тайө кадас жө заводитім, так сказать. Али вунөдін?

СЕРГЕЙ. Колян во, күдз көсийинныд, сідзи и вөчи. А таво ме ачым кывкута. Бөрыннас мөданныд артавны: кымын центнер картопель босьтис Логинов аслас участокысь? Этша. Сідзкө, омөля уджалөма. Та вөсна ме ас му вылысь картопель идравны ог на көсийы. Мукөд йөйясөс корсьөй. Ичөтикасө тані эмышт жө (таркөдө юрас). Тайө өти-кө. А мөд-кө, некутшөм виль комбайн ме ас му вылө ог жө лэдз. Вот тадз.

КОСТРОМИН (*сувтлө места вывсьыс*). Кутшөм сэтшөм виль комбайн? Миян отделение-лы, так сказать, некутшөм виль машина эз сетлыны.

СЕРГЕЙ. Со тай талон, изобретательыслон (*индө Мальцев вылө*).

КОСТРОМИН. Но?! (*Чуймөмөн видзөдө Мальцев вылө*.)

МАЛЬЦЕВ. Да, Михаил Васильевич, ме думышти отитор. Важ комбайнас содтөд, отсалө картофельсьыс торйөдлыны му глызаяссө да изъяссө. Сэки комбайн вылас этшаджык йөз ковмас. Вот ме и вөчи. Медводз чертөжъяс, весиг со Раялы петкөдлі. Сэсса төвбыд дасьт-вөчи удж бөрын. Спишитөм комбайн дзоньталі да сэтчө и ладмөді. Öнi сөмын уджын видлыны колө.

СЕРГЕЙ. Ме дорө сирасис. Вай, шуө, видлам, мый артмис.

МАЛЬЦЕВ. А мый нө?

СЕРГЕЙ. Ме нин шуи. Некутшөм виль машина ме ас му вылө ог лэдз. Колөк, джын картофельсө мөдас кольны муас. Либө нырны. Мукөд йөйясөс корсьө та вылө, а тані абуось.

КОСТРОМИН. Тэ, Сергей, вай энлы ёна ышнясь, так сказать. Колө думыштыны, видзөдлыны машинасө. И збыль видлыны уджын.

МАЛЬЦЕВ. Вот-вот. (*Сергейлы*.) А тэ стенө каян.

СЕРГЕЙ. Ме пөдрад вылын. Сёрнитчигас татшөмыс эз вөв? Эз. И öнi нинөм меным сійөс суйны. Вот тадз. (*Кыскө папирос да öптө*.)

РАЯ. Сергей, тадз өд он жө сёрнит.

СЕРГЕЙ. А мый «огыс». Ме абу прав?

РАЯ (*ньөжйөник*). Абу. А коді нө эськө виль комбайнсө видлас уджас? Мортыс вильтор мөвпыштөма, рытьяснас вөчөма, мед сиктса йөзыслы кокньөдны уджсө. Да нөшта на и совхозлы экономия. А тэ весиг му вылас он көсйы лэдзны? Аслам му пө. (*Гораа*.) Көзяин! А став көзяиныс кө татшөм лоө? Некод вильсө огө лэдзө? Мед, колөкө, Нёрымө дядьө экспериментируйтө.

СЕРГЕЙ. Тэ – гөгөрво. Ме – пөдрад вылын. А сёрнитчигас та йылысь эз вөв шуөма кыв ни джын.

РАЯ. Кывзы, Сергей. Бур көзяин – водзө видзөдысь морт, вильторсьыс некор оз бөрынтычы.

СЕРГЕЙ (*дөзмөмөн*). Тэ мый татчө суйсян, мужичөй сёрниө? Тэ кага бөрсыйд видзөд, а эн тан командуйт.

РАЯ. Но? Абу өмөй ме бригадир?

СЕРГЕЙ. Бригадир? Коркө вөвлін... А öнi тэнад уджыд – рузум пожъявны. А менам – деньга тэныд вайны. И эн суйсьы, кытчө тэнө оз юавны.

РАЯ. А бригадирсьыс менө некод на эз вештыв. Сөмын отпуск костө вежөны. И көть кага быдта, аслам уджысь торйөдчыны ог көсйы.

СЕРГЕЙ. Тэн шуөма: кага дінад пет!

РАЯ. А мый нө, кагаыс менам сөмын али мый? Мыйта менам, сы мыйта и тэнад. Тэ мостө ог вермы али мый уджавнытө? Эз на сьөд той кокө лэччы да. Талунсянь кагасө тэ видз. (*Петалө да пыртө сумка*.) Со тэныд рузумыс. Со гачьясыс, со нёныс. (*Ставсө пукталө управляющөй пызан вылө*.) Кагаыд өшинь улас көляскаын. (*Сумкасө пуктө көлуй вылас*.)

СЕРГЕЙ. Рая, Рая, мый тэкөд?

КОСТРОМИН. Рая, так сказать, успокоитчы, эн горзы. Мый сэтчө пузин?

РАЯ. А ме сэсса ог вермы. Тайө подряднас дзикөдз йөймис. Удж саяс мортсө эз мөд аддзыны. Мед мөд ногон видлас. Мөдім, Василий Иванович, звеноас ветлам. Сёрнитлам трактористьясыскөд.

Мальцев да Рая петёны.

СЕРГЕЙ. Мый такөд лои? Татшөмөн ме Раяөс некор на эг аддзыв. (*Сөвтө көлуйсө бөр сумкаас.*)

Костромин лэптылө пельпомсө да паськөдлө кияссө. Кылө кага бөрддзөм шы. Сергей сумканас петө.

КОСТРОМИН. И верөс вылас норасис, гортысь пө ог аддзывлы. Уджсьыс нин, буракө, гажтөмтчөма. Сійөн и верөсыс вылө дөзмис. Йөз дорад уджалысь мортыдлы, буракө, сьөкыд гортад пукавнытө.

Пырө Сергей.

СЕРГЕЙ. Михаил Васильевич, ті мый ме вылын тешитчанныд? Тайө өд збыль меным кагасө колис. Кутшөм нө ме кага видзысь? Йөз серам. Нянькаө вои. А ті: медбур механизатор, передөвик. И нянька. И мый Раяыслы пөтакайтанныд? Шуны колі. Ті сэсса управляющөй али коді?

КОСТРОМИН. Ме тјан семьяын абу управляющөй. Да и вывтјджык, буракө, тәнө ошкыссьөма. Эг и казјавлы. Ошкө пөрөмыд.

СЕРГЕЙ. А Раяыс кутшөм? Кыв вылө оз сетчы. Тјурис-муніс кытчөкө. Сэсса өд кагасө он эновт. Вай шу мыйкө сылы, Михаил Васильевич. Мужик морт сэсса кага рузумөн али мый вөрөшитчыны мөда?

КОСТРОМИН. Мыйкө асьныд нин гозъя кост ладмөдчө.

СЕРГЕЙ. Оз кө и лэдзлы здук кежлө. Котөртла ыбас. А то метөг заводитасны. Син пөв чөвтла, кыз сэн уджалөнысө. Здукөн бөр воа. Либө Раяөс ыста. Узьө со кагаыс. Садьмас кө, видзөдлы, Михаил Васильевич. Дзик өти здук. Со тані, мый ковмасыс. (*Пуктө пызан вылө сумка, бутылкаа нөнь да петө.*)

КОСТРОМИН (*вөтчө сы бөрся*). Тэ мый, тэ мый дуран, так сказать? Ачыд видз асьыд кагатө. (*Видзөдө өшиньөд.*) А оз кө и... (*Горөдө.*) Öти кокыд – сэн, мөдыс – тан. (*Бөр пуксьө пызан сайө.*) М-м-да. Сирасси.

Кылө кага бөрдөм шы. Костромин петалө, сэсса бөр пырө, кисьтө сумкасыс кага көлуйсө пызан вылас, корсьө рузум да петө. Здук мысти пырө, петкөдө гач да нөнь. Пырө.

КОСТРОМИН. Уф! Дөрөм бөж дорыс көтасьөма да вежны жө али нө сідз кольны? (*Корсьө дөрөм.*) Лоө вежны. (*Петкөдө. Пыртө ва көлуйсө да шыбитө улөс вылө.*) Уф! (*Видзөдө өшиньөд, горзө.*) Столля бабө, вай пырав, пырав!

Пырө Столля баб.

СТОЛЛЯ БАБ. Мый нө сэтшөма талун горзан? Он куж али мый метөг управляющөявнытө?

КОСТРОМИН. Пикө вои, Столля баб. Вай отсышт. Олышт тані. Гашкө, кодкө звөнитлас, да Логиновъяслысь кагасө видзышт. Кыкнанныс ыбынөсь. Меным тшөтш колө ветлыны.

СТОЛЛЯ БАБ. А мый нө огыс? Видза, видза, ветлы, кытчө колө. Верма на да. Тайө уджад өд велөдчыны оз ков. Быдтысьлөма. Вит чоя-вокаөс да челядьлысь нин нөльөс. А мый нө тэныд колисны кагасө видзны али мый?

КОСТРОМИН. А мый сэсса вёчан, так сказать?

СТОЛЛЯ БАБ. Со өд, бласлө кристос, яндысьтөм бугыльясыд, управтө кага видзны пуксьөдөмаось.

Звөнитө телефон.

КОСТРОМИН. Да, Василий Кузьмич, заводитам. Эг на вевъяв ветлынысө, дзик пыр муна. Тані со миян, так сказать, механикным думыштөма выльтор, рацпредложение. А гашкө, и изобретение вылө кыскас. Логиновъяскөд мунісны видлыны. Экспериментируйтөны, так сказать. (*Кост.*) Декретын эськө да. Пукавяся өмөй сылөн, так сказать? Котөрта, котөрта. И юөрта. (*Пуктө трубкасө.*) Но, Столля баб, так сказать, эн подведит. Со гачьясыс. Рузумыс. (*Мунө.*)

СТОЛЛЯ БАБ (*видзөдө өшиньөд*). Котөрөн өд со мунө, пөрысьө-нэмө. Абу на өд пөжар. Картопель керөмыд. Тайө нө мый Раяыс лоөма? Ассьыс дитясө кантораө кольөма. Öд сэтшөма кө колө удж вылас ветлынысө, мед гортас корліс дай, кагасө видзны. Но сө дивө! Но сө дивө жө нин олөм пуксис. Кокниа жө йөз пондісны овны. Öд ассьыд кага видзөмысь государство сьөм мөдіс сетны. Тайө ли абу дивө? А ми, коньөръясө, быдтысьлім жө. Гортад пузчужөм кага, а тэнө медся сьөкыд удж вылас ыстасны. Да өд сэтшөм йөз на эмось, век на мыйкө шуасьоны: эат абу сідз да тат абу тадз. Сьөкыдсө төдлытөмъясыд. А и мед эськө да. Ми зэв сьөкыда олөм да, мед өнія том войтырыс бурджыка олөны. А Рая коддьөмъясыд эськө и сетөманас оз кужны пөльзуйтчынысө да. Мый нө, уджавтөг деньга сетөны, да бара на ыб вылө уськөдчөма-мунөма. Яр удж вылад, зіль. Верөсыс эськө сэтшөм жө да, асла-нысджык нуө-а. Абу Рая кодъыс восьса.

Звөнитө телефон. Столля повзыштөкодь, но трубкасө босьтө.

СТОЛЛЯ БАБ. Алло? Коді?

Шыасьө нывбаба гөлөс.

ГӨЛӨС. Агропромысь Шомысова.

СТОЛЛЯ БАБ. Кыдзи?

ГӨЛӨС. Агропромысь Шомысова.

СТОЛЛЯ БАБ. Гөгөрвои, гөгөрвои, Аграпена Шомысова. А ме Столля баб лоа. А тэ нө ачыдсө кодлөн лоан?

ГӨЛӨС. Государстволөн, кодлөн сэсса.

СТОЛЛЯ БАБ. Но-о.

ГӨЛӨС. Көні управляющөйыд?

СТОЛЛЯ БАБ. Ыбын, ыбын. Котөрөн лепсьөдіс. Сэні пө миян механикыд да Логинов гозья-ыд эсийө керөны, мыйкөсө, час висьтала... Рача, рачапредложениесө. Да нөшта кутшөмкө кыв шуис, да вуні менам. А, эксперимент.

ГӨЛӨС. Кутшөм предложение, шуан?

СТОЛЛЯ БАБ. Рача.

ГӨЛӨС. Кутшөм рача?

СТОЛЛЯ БАБ (*рама*). А ог төд. Картопель керигад, гашкө, картопеля рача да. (*Збоя.*) Михаил Васильевичыд тай телефон пырыс сёрнитіс директорыдкөд да сэки шуис-а. Сэні жө и Рая Логиноваыд, кодлысь ме кагасө видза. Но, бригадирыд миян.

ГӨЛӨС. Нинөм ог гөгөрво. Ветлы кор телефон дорас Костроминсө.
СТОЛЛЯ БАБ. Ог вевъяв. Кагасө нө кытчө коля? Гозъя кыкнанныс ыбынось.
ГӨЛӨС. Яслиыс нө абу али мый?
СТОЛЛЯ БАБ. Эм эськө да. Öнi öд ар тыртөдзыс тай гортас видзöны.
ГӨЛӨС. Видзöда да, некутшөм тiян сэн пöрадок абу.

Трубкаыс тювгö.

СТОЛЛЯ БАБ. Аграпена? Аграпена? Мый тювган? (*Кывзыштö, сэсся пунктö трубкасö.*)
Аттö дивö! Видзöда пö да некутшөм тiян пöрадок абу. Кысь нин тэ аддзан? Аттö да дивö!
Гашкö нин ылысь аддзан телепонтö пунктисны да? Мыйкö внукö вöли висьталö, видеотеле-
фон пö лöсьöдöмаось. (*Вылысь босьтö трубкасö, видзöдö. Бөр пунктö да синнас гöгрöдлö
жырсö.*) Ставыс миян пöрадок. Этiйö вот гачьяссö öшлышта да.

Кылö кага бöрдöм шы.

СТОЛЛЯ БАБ. Со öд садьмис бобукыд. (*Петö, сэсся юрыс тыдовтчылö öшиньöд.*)
Шондiыс дзик синмас веськалö дитяыслы, керка мöдарас лöö нуны.

Пырö Рая.

РАЯ. Ой, көн нө кагай? Кантораö тай нө шуис кольöм? (*Видзöдö öшиньöд.*)

Пырö Сергей.

СЕРГЕЙ (*питшöгсьыс кыскö дзоридз да мыччö Раялы*). Тайö тэныд, Раяк.
РАЯ. Аттö, Сергей. Мый нин талун дзоридзөн?..
СЕРГЕЙ (*кутыштö гöтырсö*). Тэ нин сэсся ачид, Раяк, кагатö видз. Эн янöд менö.
РАЯ. Да тэ кöть висьтав, кöни пиыд?
СЕРГЕЙ. Да татчö кольли, Михаил Васильевичлы.
РАЯ. Да сiйö öд тшöтш ыбын вöли.

Пырö Костромин.

КОСТРОМИН. Но, Рая, молодец! Век, так сказать, на боевом посту. (*Кутлö кисö.*) Вай дась-
тысь ме местаö. Мен регыд пенсия вылö, а тiянлы, том йöзлы, так сказать, водзö уджавны.

РАЯ (*яндысьöмөн*). Водз на.

КОСТРОМИН. Нинөм абу водз. А комбайныс бура уджалö. Интереснö, и тайö миян
Мальцев! Изобретатель! (*Бергöдчö Сергейлань.*) Бур картопель быдтöмыд, Сергей Ильич,
200 центнерыд эськö гектарсьыд лöö да, оз кö унджык. А тэ, так сказать, вöли ыръянитан:
водз да водз. Да öд колö картопельыс йöзыслы. Карыс виччысьö.

СЕРГЕЙ. Ог тöд, ёна-ö бур водз керöмыд. Батьö менам вöли шулылö, му кöдзавтöдзыс пö
оз позь картопельсö босьтны. Озджык сiсьмы сiдзсö.

КОСТРОМИН. Но тайö öд абу на тöвйöдöм вылö.

РАЯ. Михаил Васильевич, кытчö миянлысь ичöтик Логиновсö воштiнныд?

Пырö Столля баб.

КОСТРОМИН. Со, Столля баблы дөверитлі.

СТОЛЛЯ БАБ (*стрöга*). Некытчö сійö тiян оз вош. Унмовськөді. Медводз колö начальстволы висьтасьны, честь по чести. Звöнитліс Аграпена.

КОСТРОМИН. Кутшöм Аграпена? Ме некутшöм Аграпенаöс ог тöд.

СТОЛЛЯ БАБ. Сійö тай тэнö тöдö-а. Ставсö юасис. Ме ставсö ладу висьтавлі сылы: експеременттö, и рача предложениетö, и Логиновьяслысь дитясö. Сöмын шуис, некутшöм пö тiян пöрадок абу. Мися, миян ставыс пöрадок. А кöляскасö керка саяс нуи. Шондiыс кагаыслы синмас воö да.

РАЯ (*окыштö Столля бабöс*). Аттö, Столля баб. (*Сергейлы.*) Мунам.

СЕРГЕЙ. Ме – муяс вылö.

Логиновьяс петöны.

КОСТРОМИН. Но, аттö, Столля баб. Выручитiн, так сказать.

СТОЛЛЯ БАБ (*ссылö йöктыштiгмоз*).

Вот тэныд аттö да,

Мича платтö да,

Сьöд ной гач.

***Пырöны Логиновьяс, Сергей кыин кага тубрас, на бöрся Мальцев.
Ставөн матыстчöны сцена дорö, лайкнитчöны видзöдысьяслы.***

Вөр чомйö

Висьт

Вася кывліс, кызди чеччис мамыс, ломтіс пач да мөдіс клёнакывны чугунъясөн да кастрюлясөн. Сэсса кыпөдчис батыс, ньөжйөнникөн пасьтасис. Петалис сёдавы* да юктавын скөтөс. Вася кывліс, кызди батыс да мамыс нуръясыштисны, лөсьөдчисны мунны удж вылө, но челядь дорө эз шыасьлыны: некор тай оз чуксавлыны каникул дырйиныс, некутшөм кө удж абу. Светлана чойыс, буракө, узыө на. Оз шыась.

Пөлатын вөлі шонид, эшкын улысь Васялы эз на вөв окота петны. Да и кытчө тэрмасьны? Школаө мунны оз ков – каникул, а ёртъясыскөд ворсны да исласьны быдса лун на водзын. Друг Васялы кучкис юрас мөвп: «А капканъясыс?»

Звирк чеччис. Тэрыба лэччис пөлатъсыс трустик да майка кежсьыс. Сөмын гын сапөг лэччигмызыс босьтіс паччөрысь да суйис кокас.

– Батьө, а капканъястө өд Ярө чом дорсьыд колө нин видзөдавлыны.

– А колө эськө, да ме өні ог эшты кайлынысө. Гриша Васькалөн тракторыс жугалөма, да талун-аски быть колө ремонтируйтны. Удобренньө вагонъяс вооны, колө став транспортсө колеса вылө сувтөдны, мед өдйөджык вагонъяссө ректыны.

Батыс Васялөн механик, совхозлы зэв колана уджалысь, со и төждысьө быд трактор-машина вөсна: төлын лөсьөдчө гөра-көдза кежлө, тулысын көрым заптігкежлө, гожөмын урожай идралігкежлө, и сідз быд во. А вөралө да вуграсьны ветлывлө коркө прөст кадө, шойччан лунъясө.

Со и колян вежон кайлісны ая-пия Ярө вөр чом дорө, пукталісны көч капканъяс. Коли нин нель лун. А видзөдлынысө некор. Öні кытчөдз Гриша Васькалысь тракторсө оз дзоньтав, сійөс гаражысь он кыскы.

– Батьө, а вай ме кайла, видзөдла, гашкө, мыйкө и веськаліс нин.

– Вай эн сөр, кытчө тэ өтнад каян?

– Да ме ог өтнам, Лёшкакөд кайлам.

– Лёшкатө, гашкө, гортсаясыс оз и лэдзны да.

– Мыйла оз? Лэдзасны, – эскөдіс Вася.

– Но, кайлө. Абу тай ылын, дас кык верстыс лоө-ө, оз-ө. Сөмын дыр эн нюжмасьө, мед пемдытөдзыс бөр воанныд. Капканъяссө бөр пуктав, кызд велөдлі, гашкө, сэсса ачим коркө слөйма кайлыны. Абу кө волөма некод капкан дорас – эн матыстчы, бокті мун.

– Да, төда.

– Няньтор босьт, сёянтөг эн пет туйө.

– Но...

Вася тэрмасьмөмөн пасьтасис, сёйыштис, пыртис лызьсө, мавтіс-лөсьөдіс да муртса югдыштөм бөрын котөртис ёртыс ордө сёрнитчыны Ярө вөр чом дорө ветлөм серти.

*Сёдавы – скр. сетны турун.

Лёшка вӖлі узьӖ на да унзильвывсьыд дыр эз гӖгӖрво, кытчӖ нуӖдчӖ Вася. МедбӖрын кӖсйысис кайлыны. А Вася котӖртіс гортас лызьла. Первой керкаас пыраліс, суйыштіс зептас нянтор, ботинкиасис, та бӖрын пондіс корсьны посводз пельӖсысь лызьсӖ. Но лызьыс эз вӖв, кӖть эськӖ Вася дзик на неважӖн сувтӖдліс сійӖс татчӖ. «Но, Ӗні на лӖсьӖдлі да». Вася видзӖдліс лызьсӖ пӖсйылысь, сарайысь, кильчӖ улысь – некӖн абу. «Код нӖ босьтіс? Вот дивӖйд! Светлана али мый муніс менам лызьӖн исласьны?» Но чойыслӖн лыжиыс некӖн жӖ эз тыдав. СӖмын батыслӖн вӖралан лямпаыс сулаліс ас местаас. «ДэльӖдчӖм могысь кӖ кодкӖ дзевис-а?» Вася бӖр пыраліс керкаас, видзӖдліс крӖвать улысь, гӖлбӖчысь – лызьыс быттӖ сьлӖма. КытчӖ нӖ вермис лоны? А Лёшка, кӖнкӖ, виччысьӖ.

Ывла вылын пуксис нин мича югыд, кор воис Светлана. Вася уськӖдчис сы дорӖ, тӖкӖтӖӖ синваыс оз пет.

– Светлан, тэ эн аддзыв менсьыс лызьӖс?

– Кыдз эг аддзыв? Век туплясьӖ, кӖн оз ков. Посводз шӖрӖ сувтӖдӖма – воськовтны некыт.

– Вай ӖдйӖ лызьсӖ! Менам луныс воши тэ ради! ВӖрӖ кайны лӖсьӖдчи да сійӖн посводзас кольлі.

– Йирк вылӖ шыбиті, босьт, – ярскӖба вочавидзис чойыс.

– АсьтӖ колӖ сэтчӖ шыбитны, мед мӖдысь эн кутчысь, кытчӖ оз ков, – скӖрмӖма вокыс.

– МестаӖ пукты, дай ог вӖрзьӖд.

Оз кӖ вӖлі тэрмась, Вася эськӖ кось паніс СветланакӖд, но Ӗні вӖлі некор. ТэрмасьӖмӖн сійӖ лэччӖдіс йирк вылысь вошлӖмторсӖ, котӖртіс Ӗртыс ордӖ.

ЛёшкалӖн керкаыс вӖлі сикт помас, вӖрсьыс сійӖс торйӖдісны сӖмын совхознӖй муяс.

– Но, мый сэтшӖм дыр? – дӖзмӖмпырысь нурбыльтіс Лёшка.

– Да Светлана сэн титимеритчӖ. ЛызьӖс шыбитӖма йирк вылӖ! Сетыштны эськӖ балябӖжас прамӖйджыка колі да, эг нин, бара равзыны мӖдас, – мисьтӖма вежыньтліс вомсӖ Вася.

– МӖдім! – торкис чойсӖ лӖкӖдӖмысь Лёшка. – Ӗні ЯрӖ чом дорӖдзыд ог нин волӖ, регыд пемдыны мӖдас. А кӖть сідз ислалыштам.

– Кыдзи ог волӖй? Ветлам!

– Мися, ог нин вевъялӖ. Вит часын менам радейтана мультик лоӖ телевизор пыр. БӖр колӖ воӖдчыны.

– Тэнад мультфильмыд! Быд лун нин сійӖс видзӖдан. А вӖр чомъяс сӖрнитчим ветлыныс, сідзкӖ, ветлам.

– Ачyd дыр эн во да, – бара на кайтыштіс Лёшка.

– Ачyd, ачyd! – нерыштіс ӖртсӖ Вася. – Тэнад абу ыджыдджык чойыд, да лӖсьыд! ВӖлі кӖ, колӖк, ачyd меысь дыр манитчин.

Тадзи Ӗта-мӖд вылас зыртласиггырйи зонкаяс чожа пысалісны-крепитісны ботинкиа лызьсӖ.

Эрд вывті мунны вӖлі сьӖкыд, зонкаяс вӖйласисны небыд лым пиас. Но вӖрӖ пырӖм бӖрын найӖ пыр жӖ корсисны важ лызь туйсӖ, кыті колян шойччан лунӖ Вася батыскӖд ветлісны ЯрӖ чом дорӖ пуктавыны капканъяс.

Ӗртъяс исковтисны водзлань пуяс костті, чукльӖдлысь тӖвся ордым кузя, дзоргисны-видзӖдісны гыӖртӖм пуяс, туй визьсӖ вомӖнавлысь кок туйяс вылӖ. То ӖдйӖдчыласны бедьнас йӖткасиггыр, то бӖр ньӖжмыласны. Ывлаыс талун кӖдзыдкодъ, тӖла, но котӖртігад тай кынмавынӖ он вевъяв.

ЫлӖдзкодъ нин котӖртісны детинкаяс, Лёшка водзын, Вася – сы бӖрся. ПӖсялісны. Друг Лёшка сувтовкерис, сэссия кыкнан лызьсӖ ӖтлаӖдӖмӖн чеччыштіс-бергӖдчис, лои Васялань нырӖн.

- Гоп! Бергөдчам! Тырмас!
- Бергөдчам? Джын туйсө мунім да бергөдчам? – шензис Вася.
- Ме тэн шуи, ог мунө талун. Сёр нин.
- Кыдз сідз ог мунө? Көсйисин, а өні он мун!
- Мед өдйө лызъыдла котөртлін дай.
- Да ме... Да Светлана...
- Светлана, Светлана! – нерыштис Лёшка. – Ачyd мыжаыс, и эн ыстысь некод вылө.

Бергөд лызътө!

- Трус тэ! Повзин! Эн мед и көсйысь! – шыалис Васялөн ёсь гөлөсыс.
- Ме трус?! Нөшта и нимтысян! Весась туй вывсьыс! Колө кө, өтнад мун, а ме – ог. Мед эн бовъяв та дыра дай.
- Но и кос. А ме джын туй вывсьыс ог бергөдчы.

Лёша визьнитис Вася динти гортлань. «Трус пө, – век на скөралис сійө. – Ме – трус? Ачыс оз гөгөрво, мый нинөмла татшөм сёрнас сэтчө муннысө. Асыв бара на лун воас. Куим лун на каникул помөдзыс коли. Вевъялам на. Ачыс лызъысла кык час ветлис. Светлана сылы мыжа лои! Ачыс на, колөкө, телевизорө ылавлис. А өні мун вой улө вөр керкаө. Эг на йөймы да. Трус пө, – бара на казътыштис нимтысьөмсө Лёшка. – Ачыс трус! Оз на лысьт өтнас Ярө чомъяс мунныс. Бөрсянь и воас. Час, пыра да өшинь дорын виччысьла, өд таті мөдас локны».

Лёшка кепысьнас уськөдалис лызяс сибдөм лымсө, өтлаө көрталис, сүйис кильчө улас, ачыс пырис гортас. «Регид воас, өтнас оз мун, – зэв эскана мөвпыштис зонка. – Эг нин өтчид зыкад волө, да пыр на тай ме ногөн лолі. Сэки и шуа, мый ачыс трус».

Коли нин час джын, нелямын вит минут, а Вася эз тыдовтчы. «Гашкө, мөд туйті петіс? – воис юрас Лёшкалы. – Но мыйла нө мөд туйыс сылы ковмис, таті ветлөдлөны ставныс да? А муніс кө? Өтнас? Вөр керкаө?» – быдөн көдзавліс детинка татшөм мөвпьяссьыс. Коли кад. Лёшка синсө вештывліс лымъя эрд вылысь сөмын кад видзөдлыны. Кутшөм ньөжйө бергалісны часі стрелкаясыс. Тайө виль ыджыд циферблата часісө Лёшкалы козьналіс мамыс колян тулыс, квайтөд класс «триястөг» помалөмысь.

Вася эз вөв. «Сідзкө, муніс. Өтнас. А мыйкө кө ськөд лоас?» И друг Лёшкалы юрас воис аслас бать йылысь пөльыслөн коркөя висътасьөмыс. «Нималана вөралысь батьө вөлі. Но и стрөг. Муніс өтчид сійө вөравны Катшөкөд, томиник на пон вөлі, арөса. Рытланьыс Катшө гортө воис, а бать – абу. Мам өшиньысь синъяссө оз вештыв, виччысьө. Ми, челядь чукөр, ланьтөдчим. Чөв олам. Керканым быттьө шуштөм быдөн лои. А бать абу и абу. Вөрад өд быдтор вермас лоны. Гөгөрвотөм: мыйла понйыс өтнас воис гортө? Мам сійө вояс эз и узылы.

Воис бать асывнас: мудз, скөр. Видзөда өшиньті: востіс дзирья, а Катшө сылы воча зэв радпырысь уськөдчис. Бать лэдзис пельпом вывсьыс пицальсө да гымөбтіс-луйис поныслы.

Ырөбөн ме сэки бөрддзи... Дыр лөгали бать вылө. Некидз эг вермы прөститны. Верстьөөн нин гөгөрвои, мый прав вөлі батьө».

- Кыдзи прав? – горөдсис сэки Лёшкалөн.
- А сідзи, – водзө нуөдіс дедыс сёрнисө. – Пон – сійө вөралысьлөн медбур ёрт. А Катшө эновтіс көзяинсө вөрө өтнассө. Сідзкө, предайтис ёртсө.

Став тайө коркөя сёрниыс өти здукөн вирдыштис Лёшка юрын. «Сідзкө, и ме эновті ёртөс өтнассө? – дзенмунліс быдөн зонка. Тэрмасьөмөн уськөдчис сійө керкасыс, лызясис да мөдөдчис вөрлань сійө жө лызь туйөдыс, кыті неважөн на локтіс.

Поводдяыс вежсьөма, өні төлыс пөльтис веськыда Лёшкалы чужөмас, сотыштө весиг.

«Дерт, Вася эз ылав, – думайтис Лёшка, – өд сийө неважөн на кайлис батыскөд вөр чом дорө, а ме сы лызь туйтис мөда мунны дай». Да и арнас ачыс на пөльыскөд кайлис сэтчө ельдөт корсялигмоз.

Эз тай көсийыв талун Лёшка воөдчывны вөр чом дорас да, но өни оз нин кос, кытчөдз оз аддзы Васяөс. Отлаын мунисны, отлаын и локтасны. Да өд позис көть нянь тор босьтны куртка зептас либө гортас сөйыштны, да юрас тай эз воы. А өни кынөмсө нюкрөдлө тшыгысла.

Вочасөн рөмдіс. Вөрыс өдйө шуштөммис. Пыр ёнджыка и ёнджыка ёнмысь төв ныр улын пуяс шенасисны лапъяснас, шувгисны, дзуртисны. Бөрдисны. Зонкалы чужөмас пөльтис чизыр төв. Лёшка сувтыштлис, лэдзалис шапка пельяссө, лэптіс шарпсө синмөдзис. Заводитисны кынмыны чунь помьясыс. Мудзис. Сэтшөм окота шойччыштны. Көть өти здук кежлө пуксьывны... Но пуксьыны ни водны лымйө оз позь. Детинка тайөс бура төдіс. Водзлань. Сөмын водзлань.

Турөбыс лёкысь омляліс, нөбөдіс да вайис-пуктіс толаясө пушыд лым, тырталіс зверпөткалысь кок туйяс, шыльөдіс увтасінъяс.

Лёшкалөн кок увсьыс пондіс вошласьны лызь туйыс, то мунө-вермасьө төлыскөд чорыдінті, то кок улас кылө выльөн на пуксьөм лымлөн топалөмыс. «Мед көть туй визьсьыс оз жө кежсьы. Дыр-ө нө вошнытө татшөм турөбнад? Өні кө Көдзыд шор воас, сідзкө, эг на ылав. Шорсө вуджан да шор мозыс веськыдывы сетчыны колө. Сэсянь абу нин ылын». Друг бөрвылас быттьө бара кодкө бөрддзис. Лёшкаөс босьтіс йирмөг тайө гажтөм шыяссыйс. Видзөдліс гөгөрбок, но некөн нинөм эз тыдав, сөмын матысса пуясыс өвтчисны лапъяснас. «Сідз-ө ме муна? Эг-ө вош? Эг. Оз вермы лоны. Быть колө воөдчыны чомйөдз. Со, буракө, и шорыс. Лымйөн тыртөма да, оз бура и төдчы. Сөмын шор визьлөсыс төдчө. Но, сідзкө, матын нин».

Шор визьлөссө вуджөм бөрын бөръя вынъяссө зэвтөмөн зонка бара на ызьйөдліс-тэрмөдліс асьсө: «Өдйөджык, өдйөджык! Кыдзкө удитөдчыны тайө кок йылысь уськөдан төвсьыс!»

Со и вөр керка. Турөбыс удитөма нин пуктыны өдзөс дорас тола. Лёшка мынтөдіс лызьсө да сувтөдіс стен бердө, кокнас вешталіс лымсө, восьтіс өдзөссө. Нинөм оз тыдав. Здук-мөд мысти синмыс велаліс пемыдас. Вася вөлі тані. Сийө нөрөвтчөма пызан дорышас, кияс вылас пуктөма юрсө. Узьө.

– Вася! Вася! – Лёшка вөрзьөдыштіс пельпомөдыс ёртсө. Вася ымөстіс, но эз шыась.

– Вася! – тракйөдліс сийөс Лёшка.

– Лёшка! Тэ! – чуймис Вася да көсийис сувтны, но «ой!» горөдөмөн пыр жө шняпкысис лабич вылө.

– Мый тэкөд?

– Кокъясөй ёнтыштісны, сувтны ог вермы.

– Кынтін! Ноко пөрччы ботинкитө!

Зонка босьтіс Васялысь кокъяссө да пондіс ниртны-песны. Киясыс өдйө мудзисны. Став вынсө зэвтөмөн Лёшка зыртис и зыртис ёртыслысь кокъяссө. Медбөрын найө заводитисны шонавны.

– А өни бөр көмась да тэрыба ветлөдлы джодж кузяыс. А ме час видзөдла, гашкө, пестор эм да истөг.

– Эм. Колян кайлігас на видзөдлім батьөкөд. Гожөмнас на кодкө пессө унакодъ заптылөма, – шыасис Вася.

Кималасөн Лёшка корсис став коланаторсө, тэрыба сюяліс горьяс, өзтіс. Тшыныс пуркнитис чомйө.

- Гашкө, эз и ков ломтыны да? Öнi тшыннас пöдан, – бöратчис** Вася.
- Бинас гажаджык, – вочавидзис Лёшка.
- Öдзöссö либö восьтышт, – корис Вася.
- Ляпкөдчы джодж бердас, сэнi лoлавнысö кокныдджык, – велөдö ёртсö Лёшка öдзöссö восьтигмоз.
- Турöблөн шуштöм ызгöм-шутлялöмыс кутiс кывны ёнджыка.
- Ковмас асылөдзыс танi овны. Гашкө, турöбыс лаймалас и, – гажтöма кайтiс Лёшка.
- А гортын виччысьöны. Мам йöймас, – сiдз жö нора содтiс Вася.
- Нинöм. Медся главнöйыс сыын, мый ми ловъяёсь, öтлаынöсь... Няньтор абу тэнад? – юалис Лёшка.
- Эм. На. Выйөн на мавтлi и...
- А тэ нö?
- Шöри чег.
- Лёшка, – чöv олыштöм бöрын шыасис Вася. – А тэ кö эн во, ме эськö сiдзи и кынми?
- Ме ог тöд. Көдзыдад некор оз ков узьмөдчыны.
- Ме эськö тöда, мися, öти здук кежлö пуксьыла, шойччышта, сэсся и ломта. А со тай, унмовссьöма.
- Найö бара чöv ланьтiсны. А ывлаас омлялiс вой тöv.

**Бöратчыны – нв. дoльны.

Пур кылөдөм

Висьт

Ю шөрас, ыджыд паськыд пур вылын, ярьюгыда ломалис бипур.

Пурйыс ньөжйөнникөн кывтіс Эжва ю шөрөд. Би дорас пукалісны куимөн: Лёш Вась, ён да зумыд, латшкөс тушаа олөма нин мужик. Уна чукура чужөмыс век зумыш. Та вөсна кажитчө скөрөн. Дзоля кельыдлөз синмыс мукөддырйиыс, мыйыськө скөрмылас кө, вирдыштлө көдзыдөн. Абу уна сёрниа, сөмын кыв-мөд коркө шыбитлас.

Мөд мужичөйыс, Митрей, пөрысь зон, мөдарө, вөсни да кузь ки-кока, варов да тэрыб. Оз и ланьтлы, пыр мыйкө висьталө. Кутшөмкө тыдавтөм висьөм вөсна война вылас абу босьтлөмаось.

Коймөд мортыс пур вылын – томиник ныв, Ольга, муртса дас сизимыс тырөма. Сійөс, гөгрөс сөстөм чужөма, муртсук чангыль ныра, дженьыда шырөм сьөд юрсиа нылөс, мөдөдісны колхозсянь пур кылөдысьяслы туй чөжыс пусьыны.

Пурсө колө кылөдны Котласөдз, кад сертиыс ковмас вежон кык. Водзынджык эськө арлыдаджык бабаясөс ыстывлісны пурсө колльөдны. Но дзик неважөн налөн сиктын лои неминуча. Тадз жө мужичөйяскөд пур кылөдны мырдөн-сорөн мөдөдөмаось кык челядя мамөс – Картинөс. Тыр нимыс эськө сылөн Харитина, но сиктсаяс ас ногыс шулісны – Картин. Кык челядь, двөйни. Верөсыс фронт вылын. Эз гижсьывлыны, да некутшөм отсөт оз во челядь вылас. Зэв сьөкыда олөны, челядьыс тшыгөсь, оз ветлөдлыны, седуньяс. Дорйысьыд Картинтө некод эз ло, со колхозса предыд и ыстас пур колльөдны кык челядя мамтө. Садйө пө коль поснястө. Быть лоө мунны. Кык вежон мысти мамыд воас, а өти кагайд кулөма. Ыззясны сэк челядя бабаясыд, горзасны председатель вылад. Со и шуөмаось: челядя бабаястө пур кылөдны не ыстыны.

Ольга – том мича ныв: сук лөз синма, сьөд синкыма да юрсиа, абу ыджыд тушаа, но статья. Эз ёна и пыксы Ольга, мый нө, олөмас мыйкө вильтор, кывтлас Котласөдз, аддзылас төдтөминьяс. Дерт, гөгрөвоис: оз гажөдчыны мун.

Абу кокни удж вөлөма пуртө кылөдны. Юыс визув, чукуля. Зэв эськө паськыд Эжваыд кывтчөсланьыс, но ёна жө ковмис видзчысьны, мед пуртө оз суй лыа көсаө либө оз шковкнит пур помсө чукуля инө.

Лёш Вась унаысь нин кылөдлөма пурсө, бура төдіс юыслысь быд чукуль, быд лыа бөж да лөкинтіыс кывтігөн водзвыв дасьтысьліс; да и Митрейөс тшөтш ызьөдліс колана удж вөчны. Тшөкыда ковмыліс пөсь петтөдзныс зібьясьны, мед пур помсө оз суй лөкинө.

Корсюрө аюлов вевьявлісны и чери кыйыштны: век нин кынөмпөт. Ольгалы ёна тшөктыны нинөм оз ков, ачыс шурыд: и водзвыв заптылөм кос пестө ваяс бипур дорад, лөдсыштас колана кадө, и ватө пузьөдас, дась черисьыд юква пуас, чай юигкежлө пакулатө пөртъяд чөвтас.

Том на эськө Ольга, но важөн нин велалөма ас идөрөн овны. Ас пуас-пөжасөн. Некод ки улысь нинөм оз кыйөд.

Но тані ставыс вöлі мöд нога. И сюсявны лои быдторйын. Медводдза лунъясас ковмис велöдчыны ветлöдлыны пур кузя: мед он джöмды кутшöмкö увйö, мед кокыд оз вильс-нит керъяс костас. Полöмпырысь ветлывліс пур бокас, мед гумовтны пöртйö ва. Торъя нин шуштöм вöлі Ольгалы сьöд арся войяснас, кор пемыдыс сукмыліс, йиджтысьліс став матігöгорас. Сэки эз вöв окота вöчны ни öти воськов гажаа трачкöдчысь би дорсьыс. Но ковмыліс. И сэні, пемыдас, синмыс велалыштöм мысти, воссьыліс мöд мир: югыд кодзула енэж, кöнкö муртса кылыштысь, гусьöникöн сялькöдчысь ва. Да выль ногөн, шуштöмөн, петкöдчыліс сьöд ота Эжваыс. И йирмöг босьтліс и пемыдсьыс, и арся ыркыд тövсьыс.

Пур шöрас зэвтöма кыз ён дöраысь вон. Сэні и узылöны. Зэръясысь вон вылас плавгöма сира дöра (брезент). Брезент улас жö и водзвыв дасьтöм кос пескыс. Кор ёна зэрö, ваыс уліас и выліас. Корсюрö весиг вонъяс мöдлö войтавны. Зэригад Ольгалы абу кокни пусьынытö. Мед нин ачылд кöтасян, но зэрыс кусöдö бипуртö, биыс сöмын чисавны мöдлас.

Но кызкö-мыйкö вежоныс коли. Зэрыс дугдіс, тöдчымöнъя шондöдіс. Быттö велалыштіс нин Ольга. Митрейыс варов, öтарö шмонитіс, кузь кинас öвтчиг, мыйкö висьтавліс-больгис, ас ногыс гажöдіс том нылöс бипур дорын пукавліг. Сёрнитöмсьыс дуллыс чукöрмö вомкөтш дорас. Мустöм. Узылісны ставөн öти вонйын, мöдыс эз вöв. Мужичöйяс вежлісны öта-мöднысö, кыкнанныс öтпырйö узыны водны эз лысьтны. Век ковмыліс видзны-дöзьöритны, мед пурсö оз суй кутшöмкö лёкинö.

Пурйыс кывтіс ас вöляысь ю шöрöдыс. Матын некутшöм ю чукыль эз тыдав, да ставөн личöдчисны. Лёш Вась да Митрей пукалісны бипур дорын да тшынасысны.

Ольга, шонылд шалля, кирза сапöга, ужын бöрын мышкыртчöмөн тульс-тольс пожъяліс бекаръяс Эжва ваас, пыртіс брезент улö да тэчис кудйö. Сэні жö видзисны нянь да мукöд сёянтор. Ставсö коланаинö идралöм бöрын сійö вешйис вон сайö, ас могөн дзевсьыштіс аюловысь. Бипур дорысь ылыстчöм бöрын син водзас лои дзурс пемыд.

– Вай Ольгасö чиллялам, – кыліс том ныв бипур дорын пукалысь Митрейлысь кывъяссö.

Ольга весьöпöри, синъясыс гöгрöсмисны, сійö кынмис места вылас.

«Мый? Мый öні лоö? Кытчö ме? Ваас чеччышта? Но ме öд ог куж уявнысö. Да и ваыс йиа кöдзыд». Сьölöмыс нывлөн топавліс, вылас быттö кöдзыд ваён кисьтісны, ловгöныс сувтіс. Юрас жуисны ковтöм мövпъяс. Ольга сулаліс лов шысö кутöмөн. Пеляс вартіс чунгана чöv-лөнъ. «Мый? Мый öні лоö? Кодарö уськöдчыны? Гашкö, таті ляпкыд да, берегöдзыс воа. Матыстчыны кö мöдас, пур мöдарас пышъя да сэті чеччышта. Сэні берегыс матын да алькös. Лыаыс матын. Мыйла Лёш Васьыс чöv олö? Мövпалö?» Ольгалөн лёкысь чеччис сьölöмыс. «Чеччышта ваас! Веськодъ! Мед сöмын кутчысьлас ме дорö пез кинас! Мед сöмын матыстчылас! Чодзув!»

– Он лысьт вөрöдны, – чорыда шуис Лёш Вась.

Ольга ыджыда ышловзис лэчкысь мынöм звер моз, коді оз на эскы мынöмыслы, лөнъя вöчис воськов-мöд вонлань, сэсса чöv-чöv пырис вонъяс. «Оз вөрöд! Оз лысьт!» И синваыс киссьыны мöдіс молльөн. «Мамукöй! Тятьöй! Спаситöй менö лёк йöзсьыс!»

Син водзас вирдыштіс мамыслөн гортйыс. Керкаас уна йöз. Ольгалы куим арös. Ыджыдджык чойыс, Вера, тойлалö сійös мышкас.

– Оле, мун матыстчыв. Мамыдкöд прöщайтчы.

Ольга родö уна йöзсьыс. Сійö оз гөгөрво, мыйла мамыс куйлö гортйын, мыйла колö прöщайтчыны. И кызди колö? Мыйла чойыс тойлалö сійös мышсянныс? Кутшöмкö вын оз сет водзö воськовтны.

Ывлаын мурзө Лёш Вась:

– Ме тэныд шуи, мый он вөрзёд! Шуи! Тэ он кыв? Али он гөгөрво?

Ольга кыліс: мыйкө ыджыд да сьёкыд бузнитчис ваё. «Мый тайё? Мый сэн керсьёны ывлаас? Коді ваас уси?»

Кыліс Митрейлөн чирём гөлөснас горзёмыс: «Спаситой! Спаситой!»

– Ыркалышт сэні! Меж юр! Вежөртө пальёдышт! – бара мурөстис Лёш Вась.

Ольга синсө тупкөмөн да кыкнан кинас пельсө топөдөмөн бөрдис вонийын.

Син водзас мөд серпас. Ольгалы дас куим арөс.

Орчча сиктын концерт видзөдөм бөрын нывьёртыс пыртөдіс гортас узыны: «Пемыд! Ми ордын узям! Асывводз лэччан!»

Асывводзнас гортө воом бөрын ичиньыс, батыслөн выль гөтырыс, Ольгаөс аддзөм бөрын мөдіс горзыны, лыйліс джоджө батыслөн нажөтка вылысь вайөм мича чашкаяссө. Жуй пазөдліс. Ни өти дзонь эз коль. Батыс тайё мича дзоридза чашкаяссө вайліс Удораө туй пискөдны ветлөм бөрын. Кутшөм мичаөсь вөліны чашкаясыс! Енэж рөма дзоридзь-яса!

Батыс куйліс крөватьын. Висис. Нинөм эз шу. Весиг эз дугөд ичиньөс лёк кывьяссө шуалөмысь. Ольгалөн висьталөмыс, мый войнас эз лок, узис нывьёрт ордас, вошис ичинь горзөм шыас.

Батыс, зарни киа батыс, быдтор кужысь-вөчысь морт, эз нин и чеччыв вольпасысь. Регыдъя кадөн и кулі.

Ывлаын чөв-лөнь. Мый сэн керсьёны, Ольга эз төд. Эз жө өд вөй Митрейыс?

Ичиньыс, батыслөн выль гөтырыс, эськө эз вөв лёк морт, зэв на и лөсялісны Ольгакөд; но Вера, ыджыдджык чойыс, збойджык вөлі, да шуис юксыны. Петкөдіс Ольгаөс керка мөдарас, гожсөв джыньяс. Кор Вера эз вөв гортын, Ольга петавліс ичиньыс ордө кутшөмкө кысян уджөн либө сідз, пукалігмоз, ворслывліс ичөт Машук чойыскөд.

Кык во мысти кулі и ичиньыс. Машаөс ичиньыслөн рөдвужыс катөдісны карө. И колины кык чой ыджыд керкаө өтнаныс.

Ставыс тайё өти здукөн вирдыштіс Ольгалөн син водзын. Синваыс петіс и петіс. Мөдіс нин сыркъявны. «Колө дугдыны, – такөдіс асьсө Ольга. – Лёш Вась дорйис. Вот и зумыш морт! А эз кө... Ковмис эськө чеччыштны көдзыд ваас. Мамукөй, тятөй, Енмөй, отсалөй меным!»

Здук кежлө мыччысьліс Митрейлөн кузь киыс, сійө тшапкис асьыс паськөм нопсө да бөр воши.

Дыр на нускис-бөрдис Ольга. Коркө тай сэсся вугыртсьөма жө. Сійө эз нин кывлы, кыдзи вонийө пырис Лёш Вась да зэв чөла, мед не садьмөдны Ольгаөс, водіс вольпась дорышас.

Митрей коли бипур дорын. Ас кежсыс матькис Лёш Вась вылө. Тірзөмөн зэвтис-ладмөдіс көтасьөм көм-паськөмсө косьтыны ломзьясь би гөгөрыс. Мөд сапөг сылөн эз вөв, да төбис кокьяссө кос нямөдөн. Сідзи и пукаліс. Кадысь кадө вешйивліс пур дорланьяс, пемыдас синмыслөн велалөм бөрын сюся видзөдлывліс-арталіс, ылын-ө берегыс, мед не зутшкысьны сэтчө пурнас.

Пурйыс визув шөрөдыс ньөжйөникөн кывтіс Войвыв Вынвалань, мед сэні өтлаасыны мөд ыджыд пуркөд да сэсся катер отсөгөн нин воөдчыны Кардорөдз. А сэсся код төдас кытчөдз.

Койгородский
национальный парк

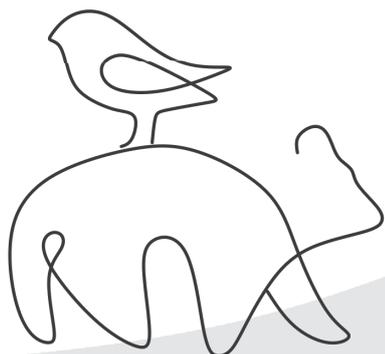

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПАРК «КОЙГОРОДСКИЙ»

НА СТРАЖЕ КОМИ «ДЖУНГЛЕЙ»

Человек начал изменять природу тысячи лет назад, когда первый земледelec бросил в почву зерно в надежде, что оно принесёт ему больше новых зёрен. Он хотел увеличить свои шансы на выживание и пока ещё не понимал, что одновременно уничтожает основы своего существования. Уже в те древние времена люди массово истребляли животных, нещадно вырубали леса. Конечно, на расстановку сил влияла отнюдь не только деятельность Homo sapiens: копилку неблагоприятных факторов пополнили резкое изменение климата и сокращение кормовой базы.

В XXI столетии нашей эры мы гораздо больше знаем о мире и экосистемах. Человек наконец-то понял, что живёт на очень тесной планете, где всё взаимосвязано. Но, несмотря на громко звучащую экологическую повестку, каждый год в живой природе некоторые виды животных и растений исчезают навсегда. Чтобы сохранить статус-кво, уберечь редкие уголки нетронутой природы, во всём мире создаются национальные парки, заповедники, природоохранные зоны, заказники. Не исключение и наша республика.

ШАГ НАВСТРЕЧУ ПРИРОДЕ

В Коми есть два мощных экогиганта: Национальный парк «Югыд ва» (кстати, один из крупнейших резерватов Европы) и Печоро-Илычский заповедник. «Арт» неоднократно писал об экспедициях в эти удивительные места. Писателей, философов, публицистов, художников и просто тысячи туристов влечёт уникальная флора и фауна, кристально прозрачная вода, древнейшие Уральские горы, «зелёное море» нетронутых лесов и глубокая мудрость предков. А вот Национальный парк «Койгородский», основанный в конце 2019 года, для нашей редакции направление новое, перспективное и привлекательное. В ближайший год мы обязательно пройдем по тропинкам таёжных «джунглей», поделимся путевыми заметками и впечатлениями с нашими преданными читателями.

Пока команда парка готовит к запуску первые туристические маршруты, нам показалось важным порассуждать, часто ли мы задумываемся, гуляя по коми парме или отдыхая на озёрах и реках, о том, насколько сильно меняет человеческая деятельность облик Земли? Осознаём ли мы уникальность того, что имеем? Мест с чистыми водоёмами, девственными ландшафтами на планете почти не осталось. Поэтому писать об охране этих редких островков природы – первый шаг на пути к формированию экологической культуры общества.

ОСНОВНЫЕ ЦЕЛИ СОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ПАРКА «КОЙГОРОДСКИЙ»:

- ✓ сохранение уникальной, последней в Европе малонарушенной лесной территории в южной подзоне Европейской тайги, расположенной на водоразделе крупнейших рек Европы – Волги (бассейн Каспийского моря) и Северной Двины (бассейн Белого моря);
- ✓ сохранение редких видов и уникальных лесных экосистем южнотаёжной подзоны европейской тайги;
- ✓ обеспечение экологически и социально ответственного развития природного туризма в Республике Коми;
- ✓ поддержание традиционного природопользования коренного народа коми и местного населения.

Клест-еловик
Прозаповедник, 2021

Зарянка
Прозаповедник, 2021

НА КАРТЕ ГРИНПИС, НА ЭКРАНАХ ТВ

В 2001 году ГРИНПИС России создал карту малонарушенных лесов Европейской части России, на которой обозначилась Южная (Койгородская) лесная территория на границе Республики Коми и Кировской области. Здесь никогда и никем не велись рубки, не строились дороги, не было иного промышленного освоения. Первозданный лесной ландшафт развивался тысячелетиями только по законам естественной динамики. И это большая редкость! Число жителей городов с годами увеличивается. Это приводит к активному развитию промышленности. Нагрузка на природу становится более серьёзной. Именно поэтому так важно сохранять «дикие уголки», где животные и растения могут занять доминирующую позицию и развиваться так, как это заложено природой.

Национальный парк «Койгородский» стоит на страже прежде всего южнотаёжного леса, не затронутого антропогенным воздействием. Это один из самых внушительных лес-

ных массивов в Европе. За два с небольшим года существования парка учёными, государственными инспекторами, популяризаторами экологии была проделана огромная работа.

Построено пять туристических стоянок «Фёдоровка», «Матвей шор», «Восточная», «Грань», «Сенюк»; налажено наземное, воздушное, водное патрулирование ООПТ. Дабы поддержать популяцию обитателей леса, инспекторы разместили искусственные гнездовья для птиц, солонцы и подкормочные площадки для сохатых, а для удобства наблюдения установили три специальные вышки.

В лесу также спрятаны фотоловушки, которые фиксируют кадры из жизни койгородской фауны. Непуганые лоси, бобры, медведи, выдры, куницы, россомахи, рыси, кабаны, волки, норки, зайцы оказались вполне фотогеничными и очень понравились зрителям местных телеканалов. Дикие животные моментально стали звёздами эфиров «Юргана» и «Коми гор».

РАСПОЛОЖЕН НА ТЕРРИТОРИИ
РЕСПУБЛИКИ КОМИ, В ЮГО-
ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ РЕГИОНА. ОДНОЙ ИЗ
КЛЮЧЕВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ РАСПОЛО-
ЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ПАРКА ЯВЛЯ-
ЕТСЯ НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ ПРИМЫКАНИЕ
К ГРАНИЦАМ УЧАСТКА «ТУЛАШОР»
ЗАПОВЕДНИКА «НУРГУШ»

ОБЩАЯ ПЛОЩАДЬ СОСТАВЛЯЕТ
56 700,032 ГА.

ПО ДАННЫМ ЗИМНЕГО МАРШРУТНОГО
УЧЁТА ПОДТВЕРЖДЕНО ОБИТАНИЕ
ЕВРОПЕЙСКОГО ЛОСЯ, ВОЛКА, РОСОМАХИ, РЫСИ,
ОБЫКНОВЕННОЙ БЕЛКИ, ГОРНОСТАЯ, ЗАЙЦА-БЕЛЯКА,
ЛЕСНОЙ КУНИЦЫ, РЯБЧИКА, ГЛУХАРЯ.

СПИСОК МХОВ ТЕРРИТОРИИ
ВКЛЮЧАЕТ **49** ВИДОВ,
ОТНОСЯЩИХСЯ К **33** РОДАМ,
20 СЕМЕЙСТВАМ И
4 КЛАССАМ.

ДЛЯ ТЕРРИТОРИИ НАЦИОНАЛЬНО-
ГО ПАРКА «КОЙГОРОДСКИЙ»
В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ИЗВЕСТНО
35 ВИДОВ И ОДИН ПОДВИД
ПЕЧЁНОЧНИКОВ.

НЕМНОГО САМЫХ ВАЖНЫХ ФАКТОВ

ФЛОРА «КОЙГОРОДСКОГО»
ПОСЛЕ ПЕРВЫХ ФЛОРИСТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
НА ЕГО ТЕРРИТОРИИ
НАСЧИТЫВАЕТ

270 ВИДОВ

ВЫСШИХ СПОРОВЫХ СОСУДИСТЫХ,
ГОЛОСЕМЕННЫХ И ЦВЕТКОВЫХ
РАСТЕНИЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ К

162 РОДАМ И
64 СЕМЕЙСТВАМ.

К СПОРОВЫМ РАСТЕНИЯМ,
КОТОРЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНЫ
ПАПОРОТНИКАМИ,
ХВОШАМИ, ПЛАУНАМИ,
ОТНОСЯТСЯ **17** ВИДОВ.

РЫБНОЕ НАСЕЛЕНИЕ
РЕК СУРАН, МЫТЕЦ
И СЕНЫК – ЭТО **10** ВИДОВ
ИЗ ЧЕТЫРЁХ СЕМЕЙСТВ:
ОБЫКНОВЕННАЯ ШУКА, УКЛЕЙКА,
ПЕСКАРЬ, ЯЗЬ, ПЛОТВА, ЕЛЕЦ,
ОБЫКНОВЕННЫЙ ГОЛЬЯН,
УСАТЫЙ ГОЛЕЦ,
ОБЫКНОВЕННЫЙ ЁРШ
И РЕЧНОЙ ОКУНЬ.

САМОЕ ЦЕННОЕ
НАХОДИТСЯ
В ГЛУБИНЕ НАЦПАРКА
И СОСТАВЛЯЕТ
ПРИМЕРНО ОДНУ ПЯТУЮ
ЕГО ЧАСТЬ –
ПЕРВОЗДАННЫЕ
ПИХТОВЫЕ
И ЕЛОВЫЕ ЛЕСА.

НАУКА В ДИКИХ УСЛОВИЯХ

Научные сотрудники плотно занимаются мониторингом, подробно исследуют отдельные исчезающие виды животных и растений, но комплексно вопрос освоен недостаточно. Изучение требует гораздо больше времени. Уже сейчас в пределах границ национального парка «Койгородский» выявлено 10 типов ландшафтов, которые различаются возрастом подстилающих пород (осадочные юрские и меловые). Здесь проходила граница московского оледенения*, что повлияло на специфику почв и растительности.

Научными изысканиями подтверждена ключевая роль «Койгородского» в сохранении местообитаний редких видов. В результате исследований, выполненных в 2021 году, на территории резервата найдено семь видов высших сосудистых растений, занесённых в Красную книгу Республики Коми (2019) и три вида, нуждающихся в биологическом надзоре. Установлены новые местонахождения охраняемых в регионе видов мхов (*Neckera pennata*, *Schistostega pennata*) и печёночников (*Lophozia ascendens*, *Scapania apiculata*).

Концентрация редких видов отмечена в основном в старовозрастных лесах. Благодаря кропотливому труду было зафиксировано восемь видов грибов, включённых в региональную Красную книгу: 3 вида аскомицетов, 2 вида агарикоидных базидиомицетов и 3 вида афиллофороидных грибов. Один из видов (*Sarcosoma globosum*) включён в Красную книгу Российской Федерации (2008). В северной части национального парка произрастают 12 видов лишайников, занесённых в Красную книгу Республики Коми (2019).

Научный сотрудник на месте произрастания Неккеры перистой, которая занесена в Красную книгу РК

Руслан Ушаков – государственный инспектор в области охраны окружающей среды

* **Московское оледенение** (московская ледниковая эпоха, московское ледниковье), второе из среднеледниковых покровных оледенений Восточно-Европейской равнины. Происходило 195-130 тыс. лет назад между одинцовским и микулинским межледниковьями. Во время М. о. ледники спускались от долин рек Неман, Днепр, Угра. Мощность льда 3-4 км. Юж. граница распространения М. о. протягивается от г. Бреста на западе по линии Калуга – Москва – Владимир до Урала.

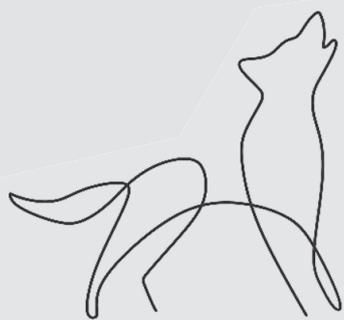

Экскурсия по визит-центру, г. Сыктывкар

Экологический урок

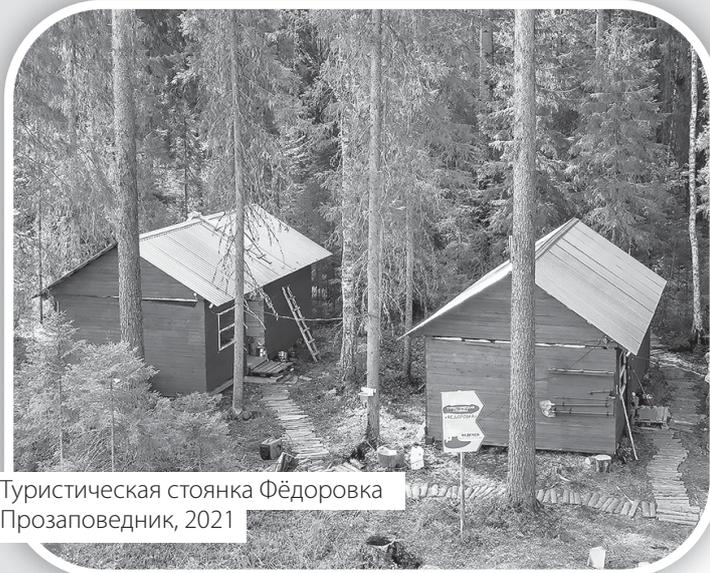
ТУРИЗМ И СОХРАННОСТЬ НАСЛЕДИЯ

Высокая планка самым молодым резерватом Республики Коми поставлена и в вопросе обеспечения экологического и социально ответственного природного туризма. Дорабатывается проект экологической тропы, строится современная туристическая инфраструктура, проводятся конкурсы для фотографий и волонёров со всей России. Совсем скоро таёжные «джунгли» смогут принять первые организованные группы туристов.

По словам пресс-службы национального парка «Койгородский»: «Не всякий турист, приехавший в Республику Коми, отважится отправиться в первобытную тайгу. Однако непроходимые северные леса – место не менее интересное, чем тропические джунгли, высокие горы или достопримечательности мегаполисов. Это территория любопытных и смелых».

Купольные дома с. Койгородок
Прозаповедник, 2021

Туристическая стоянка Фёдоровка
Прозаповедник, 2021

Папоротник
Прозаповедник, 2021

ДО ВСТРЕЧИ
В НАЦИОНАЛЬНОМ ПАРКЕ
«КОЙГОРОДСКИЙ»!

KOYGORODSKIY.RU

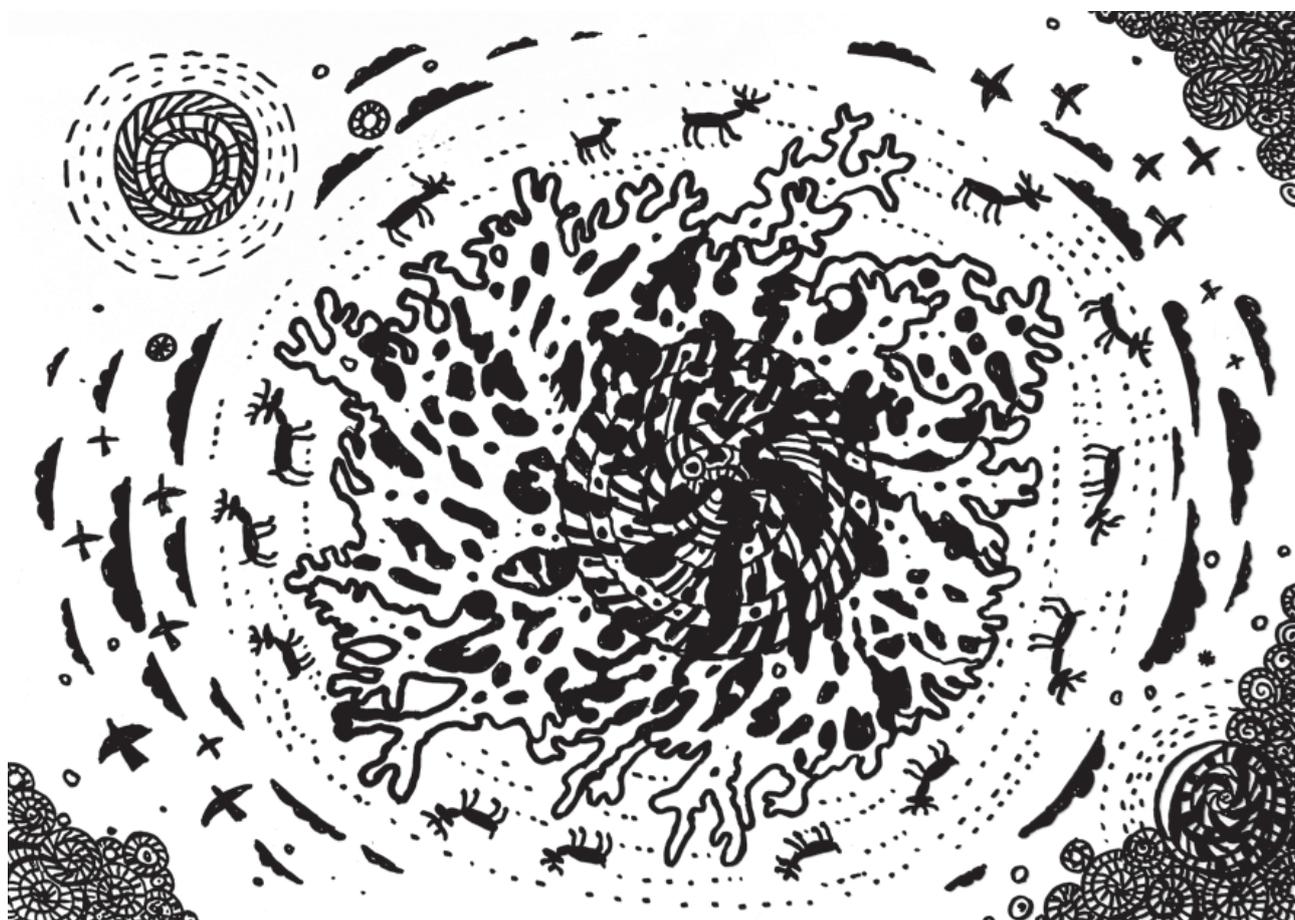
[VK.COM/KOJGORODOK](https://vk.com/kojgorodok)

E-MAIL - NP_KOYGORODSKIY@MAIL.RU

ТЕЛЕФОНЫ: 8(912) 180-10-04;
8(912) 180-07-11

Арт-факт

Дарья
МАМОНОВА

**Дарья Аркадьевна
Мамонова** –
искусствовед, лектор.
Сотрудник галереи
«Дали&Пикассо».
Училась в МГУ
им. М. В. Ломоносова
по специальности
«История искусства».

Проект «Графика народов Севера»

2022 год – год культурного наследия народов России. Важно помнить, что наша страна многонациональна, в этом её духовная сила и конкурентное преимущество на международной арене. Национальные черты хорошо проявляются в изобразительном искусстве, поэтому фонд «Искусство наций» при поддержке Фонда президентских грантов организовал выставочный проект на конкурсной основе с мастер-классами под названием «Графика народов Севера».

Идея проекта имеет свою предысторию. В 50–70 годы XX века плеяда национальных мастеров-графиков, в целом развивавшаяся под влиянием основных тенденций советской культуры, создаёт уникальное явление национальной графики регионов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока. В поисках новых художественных языков, образов и самовыражения художники обращаются к национальному мировоззрению и символизму своих предков, а техника тиражной графики становится актуальным способом понимания, освоения мифа и собственной этнической и национальной идентичности.

Позднее, в 90-е годы, в силу ряда общегосударственных проблем техника тиражной графики пришла в упадок. На смену мастеров старой школы прибывают считанные единицы. А ведь сфера искусства является одним из важнейших инструментов для формирования, трансляции, сохранения и передачи от поколения к поколению национальной идентичности. Проблемы эти были и в Канаде с коренным населением Северо-Западного побережья. Приведём пример решения данной проблемы в Канаде: сначала аборигенных художников племён хайда, квакиутлей, бела-кула и других бесплатно, за счёт грантов, научили делать тиражную графику в 70-е и 80-е годы XX века, в эпоху развития туризма, а потом на этой надстройке сформировался арт-рынок, позволяющий им жить и сохранять идентичность. Творческие эксперименты позволили превратить традиционные для региона образы в успешный художественный бренд: произведения тиражной графики украшают аэропорт города Ванкувера и другие важные со-

циальные объекты. Также именно тиражная графика стала способом предотвращения утраты культурной идентичности индейцев в Мексике и странах Латинской Америки, потому что она финансово доступна для покупателя (зачастую представителя одного с художником народа) и отлично выполняет функцию поддержания жизненного пути художника.

Культурное богатство Русского Севера, Сибири и Дальнего Востока ни в коей мере не уступает ни канадским коренным жителям, ни латиноамериканским индейцам. В этом плане можно сказать, что наша страна обречена на успех и ренессанс национального искусства. Проект «Графика народов Севера» – хороший шаг на пути к успеху и возрождению национальных школ графики. Он направлен на сохранение, актуализацию и развитие этой самобытной парадигмы в XXI веке, на популяризацию творчества молодых художников-графиков Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока, а также на укрепление позиции техники тиражной графики на современном арт-рынке.

Проект стартовал в феврале 2022 года, и первой его частью стал конкурс, заявки на участие в котором подали более 200 графиков со всей страны. Конкурсная комиссия, состоящая из руководства Сахалинского художественного музея, Нижнетагильского музея ИЗО и руководства фонда «Искусство наций», должна была отобрать 10 победителей, которые отправятся на мастер-классы в Москву. Но ввиду высочайшего уровня подготовки художников и желания организаторов достичь поставленных целей принято решение увеличить число победителей до 15 человек, которые в июне приехали в Москву для обучения и создания работ на национальную тематику в технике линогравюры. Были отобраны представители всех Северных и Восточных земель от Мурманска до Владивостока.

Отдельно стоит рассказать о преиму-

ществах выбранной организаторами проекта техники, в которой работали художники в рамках всего срока нахождения в Москве. Линогравюра как вид тиражной графики возникла относительно недавно – в начале XX столетия. В период её зарождения эта техника уже позволяла художникам с большей свободой работать с размером и вариативностью изобразительных форм, которые до изобретения линолеума обеспечивали мастерам-графикам другие виды гравюры. Например, относительно ксилографии (гравюра на дереве – древнейшая из техник гравирования), в линогравюре можно более вольно играть с масштабом: использовать большой отрез линолеума, а также варьировать толщину штриха от более тонкого, чем то позволяет деревянная основа, до широко изрезанных плоскостей, которые ко всему прочему физически легче изъять инструментом из такого материала как линолеум.

В мастерской фонда «Искусство наций» художники работали на немецком прессе для высокой печати марки Krause 1908 года выпуска. Некоторым мастерам, много лет трудившимся в технике линогравюры, в новинку пришёлся в первую очередь именно главный инструмент – станок-ровесник возникновения техники, но также был ряд победителей, для которых работа с линогравюрой в целом стала новым творческим этапом. Например, не одно десятилетие посвятивший профессии художника-графика мастер Ю. Лисовский в рамках проекта впервые переводил в линогравюру свои излюбленные изобразительные мотивы, связанные с финно-угорской мифологией, исследованием пермского звериного стиля и в целом природы Севера. Результат, к которому пришёл художник, пожалуй, не может не впечатлить: эскизы к линогравюрам, наполненные духом природы Республики Коми, обрели новый художественный окрас, только усилив своё изначальное звучание. Чёткость штриха и заливки линогравюры в самом деле спо-

собна обогатить визуальное восприятие работ на контрасте с аналогичным же изображением, но выполненным в более привычном зрителю материале (маркер, карандаш, тушь и другие). Кроме прочего, теперь публике доступны замечательные работы автора не только в единичном экземпляре, что также расширяет поле взаимодействия художника со зрителем благодаря тиражу, который можно сделать с линолеумной основы.

Рабочее времяпрепровождение участников проекта состояло из самостоятельной занятости и участия в мастер-классах от опытных мастеров линогравюры. Наставников проекта было несколько, и среди них особенно хочется выделить Красовитову Нину Владимировну, Заслуженного художника РФ, опытного графика. Она внесла большой вклад в проведение мастер-классов, своими советами определяя наиболее удачные решения для воплощения замыслов художников.

Художники высоко оценили организацию проекта во всех отношениях. Мастерская располагалась в самом центре Москвы, в саду им. Баумана, в историческом здании – Путевом дворце Василия III. Мастерам были предоставлены все необходимые для работы в технике линогравюры материалы, так что участникам не пришлось переживать о технической оснащённости рабочего места. Проживание и питание для победителей проекта было в шаговой доступности от мастерской. В дополнение к организации рабочего и бытового аспектов во время нахождения художников в Москве для них организовали индивидуальные экскурсии по городу и музеям.

Художники за время мастер-классов создали 32 линогравюры, которые пополнят коллекции различных российских художественных музеев. Таким образом будут выполнены сразу две задачи: популяризация графического искусства выдающихся художников отдалённых тер-

риторий России, а также знакомство широкой публики с особенностями культуры и географии уникальных мест нашей родины, о которых в своих работах рассказывают художники.

Параллельно с мастер-классами в Москве, на ВДНХ, в павильоне «Рабочий и колхозница», открылась первая выставка «Графика народов Севера». В выставочном пространстве экспонировались не только работы победителей конкурса, но и финалистов, которых отобрала конкурсная комиссия, – всего более 30 художников.

Среди работ, представленных вниманию зрителя, встретились совершенно различные по стилистике произведения. Несмотря на нередкую схожесть мотивов, к которым обращались авторы ввиду близости тематических исканий, художественные вариации отличаются разительно: от включений декоративно-прикладных элементов в станковую картину (комбинация рыбьей кожи и туши в картине «Космос» авторства В. Осиповой) до использования обычной гелевой ручки (П. Ойношев, серия работ «Сакральный Алтай»), карандашей и акварели (А. Мурлина, «Шаман» и «Дух Севера»), а также сложных и требующих большой доли терпения и усидчивости техник гравюры – например, офорта и акватинты (Д. Кантакова с серией к бурятскому эпосу «Гэсэр»; Ю. Бычков «Югра», «Легенда», «Птицы моего сознания» – работы, вдохновлённые мифологией коренных северных народов России). Рассмотрим некоторые из графических произведений, ставших частью экспозиции, которые нам и продемонстрируют всё её богатое художественное многообразие в полной мере.

Проект отличителен в числе прочего ещё и тем, что в одном выставочном пространстве встретились работы мастеров советской художественной графики, уже по-своему ставшие отечественной классикой графического искусства, и работы художников современных. Так, своеобразную аллею славы выставки образова-

ли картины, демонстрирующие беспрецедентно высокий уровень владения мастерством цветной линогравюры художника В. И. Мешкова (1919–2012), а также мастера книжной иллюстрации Д. А. Брюханова (1915–1992).

Работы В. И. Мешкова, например, «Олени копытят», «Летний аргиш» и другие, представленные на выставке, заставляют посетителей, в том числе пристрастных художников-графиков, стремящихся постичь мастерство цветной линогравюры годами, разгадывать самый настоящий квест: как с технической точки зрения мастеру удавалось достичь столь тонких цветовых и тональных нюансировок. Ответ на этот вопрос кроется, во-первых, в многолетнем труде, который художник вкладывал в постижение техники, во-вторых, во всепоглощающей любви мастера к северному пейзажу, красота и сила которого иногда даже невольно провоцирует художника-пейзажиста непрерывно повышать уровень ремесла, чтобы достичь правдоподобной и стремящейся к исходной красоте мотива трактовки. Прочитав отзыв посетителя выставки, занимающегося линогравюрой не одно десятилетие, оставленный в адрес работ Мешкова: «К такой технике, наверное, я при всём желании дойти не смогу никогда, признаюсь Вам откровенно. Зато точно есть ориентир, на который стоит равняться...»

Второй раздел нашей звёздной части выставки составили графические иллюстрации к северным сказкам мастера линогравюры Д. А. Брюханова. Чтобы понять их значимость и оправдать пафос наших формулировок по типу «выдающийся мастер, мастер-классик», немного погрузимся в контекст. В начале XX столетия, столь богатого на развитие графического искусства в отечественной изобразительной школе, был ряд мастеров-педагогов, которые задавали тон и вектор всем начинающим графикам. Среди самых первых имён художников такого толка в первую очередь

горит звезда мастера В. А. Фаворского, воспитавшего целую плеяду выдающихся не только графиков, но и живописцев. Герой нашей выставки Дмитрий Афанасьевич Брюханов, будучи знакомым с Фаворским, с его наследием, также воспринял многие теоретические предписания, разработанные его коллегой по цеху. Это позволило нашему герою ввести в и без того основательный собственный арсенал выразительных художественных средств некоторые аспекты, которые позволяют мастеру книжной иллюстрации работать с текстом и изображением максимально осознанно. Чего добился Брюханов в области иллюстрации, что можно увидеть и на нашей выставке: иллюстрируя эскимосские сказки (например, «Два мудрых оленя», «Мыля», «Пять девушек и Майирахпак» из книги Г. А. Меновщикова «Эскимосские сказки и легенды» Магаданского книжного издательства), сами по себе невероятно сложные, чаще прочего не имеющие одной понятной сюжетной линии, автору нужно, как и предписывала советская школа графики в лице Фаворского, выявить в повествовании самый главный сюжетный элемент, а дальше сделать его художественный вид как можно более выразительным и запоминающимся. Задача сама по себе сложная, а в случае с тем текстовым материалом, с которым работал Брюханов, так и вовсе многим не под силу. Например, в иллюстрации к сказке «Пять девушек и Майирахпак» мастеру нужно было из весьма сюрреалистичного сочетания непонятных сюжетных линий выявить одного-единственного героя (причём желательно в стадии положительного развития, несмотря на превалирование отрицательных черт у действующих лиц, ведь книги предназначены для детей) и сделать его образ как можно более понятным, запоминающимся, иллюстративным и ярким. Задача, повторимся, не из лёгких, и то, как справлялся с ней Брюханов – так же, как и Мешков с цветом в своих пейзажах, ставит

картины этого мастера в ранг эталонных, к чему хочется стремиться художникам и сегодня (во всяком случае, отзывы посетителей выставки вторят нашему мнению).

С победителями нашего конкурса, кроме советских мастеров, также соседствовали произведения звёздной тройки творцов, впервые встретившихся в рамках одного выставочного проекта: Фёдора Конюхова, Даши Намдакова и Михаила Старостина. Примечательно, что выставка познакомила многих посетителей, знавших Ф. Ф. Конюхова в первую очередь как выдающегося исследователя-путешественника и писателя, с ещё одной яркой стороной его личности – с его художественным наследием. На сегодняшний день в арсенале Ф. Конюхова свыше 3000 картин, весомая часть из которых – графика, как раз вторящая тематике нашей выставки. Так, зрителю были представлены его работы «На Командорах» (офорт, сухая игла, 1987), «В горах Матачингая» (цветная литография, 1986), «Каюр Булат Еселгендинов» (офорт, сухая игла, 1989) и другие, в которых в полной мере раскрываются не только индивидуальная манера автора, явленная в стремительном и уверенном штрихе, но и своеобразии природных мотивов отдалённых территорий нашей страны.

По территориально-выставочному соседству с графическими работами Ф. Конюхова расположились, сразу притягивающие взгляд своей узнаваемой стилистикой, масштабные чёрно-белые жикле Даши Намдакова – мастера, который сегодня может быть знаком зрителю в первую очередь как выдающийся скульптор, имеющий совершенно особый взгляд на пространственные композиции. Но и его станковые графические и живописные произведения абсолютно уникальны и узнаваемы по авторскому стилю. Работа «Богатая невеста», представленная в экспозиции, рассказывает зрителю о юной всаднице, передвигающейся на лошади по степи (вероятно, в момент переезда невесты в юрту

жениха). Картина «Танец Гаруды» знакомит посетителей выставки с персонажем мистерии Цам – мифическим царём птиц, одним из символов просветлённого ума.

Посетителя, пришедшего на выставку ради ознакомления с несравненно изящной и завораживающей техникой офорта, сразу стоит сопроводить к работам Михаила Старостина, графика которого нас может отсылать даже, не побоимся громких сравнений, к маэстрии художников Северного Возрождения (например, А. Дюрера). Уникально деликатные штрихи, доступные нашему взгляду только при очень близком и пристальном рассмотрении, образуют собой единый графический ансамбль, в котором решены образы картин «Спешащий» (портрет «оленного» человека – северного кочевника, облачённого на картине в характерные одежды народов Севера), «Рыбак» (в работе раскрыты особенности Якутии, считающейся краем озёр, каждое из которых по поверьям принадлежит тому или иному рыбаку) и «Старушка Тебенэкэн» (собираТЕЛЬНЫЙ образ мудрой пожилой якутки, которая часто встречается в местных сказаниях в качестве положительной героини). Таким образом, зритель, наслаждаясь высоким уровнем мастерства художника, также знакомится с характерными особенностями северных поверий. В этой комбинации просветительско-эстетических аспектов в том числе и раскрывается своеобразие выставки.

Из лауреатов конкурса вторят технике старых мастеров композиционно гармоничные монохромные линогравюры серии «Беломорье. Уходящий Север» А. Смирновой. Работы художницы привлекают внимание зрителя не только мастерством воплощения, но и смысловой нагрузкой: одним из главных источников вдохновения для автора стали встречи с деревянной архитектурой поморов, их укладом жизни, традициями, самобытной культурой. Изобилие природных даров, самостоятельность и свобода представителей

царства животного мира, встречи с добродушным и приветливым коренным населением – всё это также находит свою интерпретацию в графической серии.

Высокое мастерство владения иллюстративным навыком, кроме зала советских мастеров, демонстрирует зрителю серия работ «Лингвистический справочник по фауне Чукотки» художницы В. Вологжанниковой. Работы созданы по впечатлениям и зарисовкам из арт-экспедиции в село Новое Чаплино (национальное эскимосское село в Провиденском районе Чукотского автономного округа России). Зрителю представлены стилизованные образы местных птиц и зверей, подписи к которым позволяют познакомиться с их эскимосскими наименованиями. Например, айвык – тихоокеанский морж, издавна являющийся объектом промысла коренного населения Чукотки и Аляски, даже стал символом проекта «Графика народов Севера», разместив своё «лежбище» на афише выставки.

Также примечательны в контексте разговора о Чукотке работы мастера М. Михайленко. Линогравюра «Дети и кости» рассказывает о двух маленьких братьях, вдохновенно модернизирующих свою находку – кости серого кита. Мальчишки из найденных костей соорудили автомобиль, эффектно выделяющийся выбеленным от времени цветом на фоне ярких цветных одежд юных инженеров. Любуясь серьёзностью подхода к своему делу, художница проводит аналогии между малышами и взрослыми людьми, которые с таким же упорством придают порой излишнюю важность каждому занятию.

Ценным стал интерес некоторых победителей конкурса к собственным национальным мотивам декоративно-прикладного искусства. Например, серия работ «Времена года» художницы Н. Каменщиковой, выполненная в смешанной технике, вдохновлена мезенской росписью и символикой, которая присуща

этому виду художественного промысла.

Вдохновение художественными формами искусства прошлого актуально для многих мастеров, чьи работы представлены на выставке. Например, визуальная интерпретация триптиха «Солнце в зените» И. Вороновой подсказана историей и культурой племён, населявших территорию Кемеровской области. Наскальные рисунки «Томской Писаницы» (музей-заповедник под открытым небом), расположенные вдоль реки Томь, послужили вдохновительной опорой для образной системы, созданной художницей в представленных композициях. «Солнце в зените» заимствует стилистические особенности сибирской неоархаики. С особенностью намеренного введения в свой творческий арсенал стилистических особенностей произведений первобытного искусства зрители также знакомились, изучая линогравюру Н. Комиссаровой «Кюн сирэ» – средний мир, который ассоциируется с цикличностью всех жизненных процессов, происходящих с людьми в настоящее время. Это время земного плана, рождения и смерти, воплощения идей. В мире человека всё стремится к балансу противостоящих сил, энергии, концентрации духовного потенциала, всеобщей гармонии. В картине художественно осмысляются вопросы выживания человека в столь сложном, во многом опасном и стремительно меняющемся мире.

Совершенно удивительными, неходящими аналогичных вариаций по технике исполнения, оказались работы С. Пташкиной «Колыбельная», «Ночной полёт», «Нухуко», «Колыбель», «Сотворение мира», «Добыча», в которых художница рассказывает об отличительных особенностях быта народов Ямала. Общая черта северных кочевников (ненцев, хантов, коми-ижемцев и энцев) – жизнь непременно связана с природой, оленем и домом, потому центральным элементом в каждой композиции является чум. Чум – универсальное

жилище кочевых северных народов, установка которого с давних времён считалась делом всей семьи, в котором принимали участие даже дети. В каждой из представленных историй раскрывается образное богатство северных поверий.

К теме жилища как центра жизни также обращается Ч. Монгуш в серии «Юрта». Цветные гравюры раскрывают оригинальность национальных традиций и обычаев тувинского народа. В картинах «Шагаа» и «Дерево шамана» юрта стилизованно трактуется в форме круга. Ещё в скифо-сибирские времена круг означал солнце, а движение внутри этого солярного символа слева направо соотносилось с бесконечным круговоротом и цикличностью возрождения жизни, потому динамика движения орнаментов в каждой из представленных композиций также подчёркивает избранную художницей символику.

Кроме создания работ на тему поверий и легенд, связанных с тем или иным символом коренных народов, населяющих отдалённые территории, на выставке была представлена графика, интерпретирующая бытовые сцены из жизни современного человека, проживающего в этих местах. Например, таковыми стали цветные линогравюры художницы Д. Серовой серии «В заброшенном порту»: «Корабли», «Старые баржи». В этих работах мастера неприглядная, лишённая внешнего блеска сторона портовых городов решена как некий неотъемлемый визуальный символ этих территорий, также способный занять достойное место в ряду интересующих современных художников мотивов. На схожие же темы жизни людей в отдалённых регионах России сегодня побуждает рассуждать заснеженный пейзаж О. Даниловой «Местный». В тяготеющей по цветам к монохромному решению линогравюре художница размышляет о человеческом предназначении и суровой природе Севера, которая способна побудить людей к размышлению о роли челове-

ка в столь большом и сложно устроенном мире, в частности в мире природы.

Многие художники в творческих исканиях главным акцентом делают мифологические и географические особенности регионов, в которых проживают. Например, о колорите Байкальского региона, оправданно привлекающего внимание туристов со всего света, в своих гравюрах размышляет график Е. Болсобоев. В композиции «Ночь Ёхора» стилизованные фигуры людей и антропоморфных животных образуют хоровод – Ёхор. По древней традиции этот хороводный бурятский танец завершал родовые шаманские обряды. Сюжет гравюры символизирует единение человека с природой, отражает этнический колорит Байкальского региона. Гравюра «Параллельные миры» в современной вариации трактует таинство древнего культа: переход шамана в ирреальное пространство с помощью бубна, который является также его средством перемещения между мирами. Работа «Шаманские тропы. Полёт в верхний мир» рассказывает о шамане – идеальной фигуре для воссоздания древней бурятской космологии. Способность шамана путешествовать по верхнему, среднему и нижнему мирам и принимать различные облики отразилась в сюжете гравюры: шаман трансформируется в птицу на глазах у зрителя и летит над пейзажем тайги, где люди возносят руки к небу, скачут олени, а вдали виднеется Байкал и заснеженные вершины гор.

Свидетельством обычаев коренных народов Дальнего Востока стали художественно выразительные графические работы В. Фентяжева. Гравюры мастера повествуют о национальных обычаях и празднествах эвенков. «Первомай» художественно интерпретирует празднование Первого мая в г. Магадане: начальник отдела культуры ведёт колонну сотрудников под пение национального эвенского ансамбля «Энэр». «Бакылдыдяк» рассказывает об эвенском празднике первой рыбы,

отмечаемом в середине июня, когда горбуша идёт на нерест. В ходе этого праздника эвенские рыбаки соревнуются в скорости лова, затем варят уху, и до наступления ночи люди исполняют танцы и песни. В картине «Укчэндей» запечатлён обычай эвенов, планирующих связать свои судьбы брачными узами, обращаться к шаману, который предскажет им наилучшую дату для столь важного события. Шаман на берегу моря разжигает костёр (на картине изображён в виде идола) и посредством ритуального танца обращается к Богам.

Особенно выразительной эстетикой обладает техника линогравюры, к которой для наиболее полного раскрытия задуманного образа обращалось большинство победителей выставки. Контраст восприятия графической формы произведения, созданного, например, посредством комбинации карандаша и белой краски, и этого же мотива, но воссозданного в двухцветной линогравюре, показывает, почему так много художников выбирают именно эту технику. Например, две работы художника И. Быкова – «Зима. Юный монгол» (крафтовая бумага, карандаш, краска) и «Монгол» (линогравюра), посвящённые практически стёртому из памяти людей событию – грандиозной экспедиции монгольского каравана, в 1942 году пересёкшему в тяжелейший зимний период безжизненные, покрывшиеся льдами горные перевалы и продуваемые ветрами предгорья Алтая, демонстрирует эту художественную разницу. Линогравюра «Монгол» повторяет этот же портретный образ, но в ином материале. Фактура линолеума позволила в новом ракурсе раскрыть смысловую составляющую портрета, запечатлевшего юношу, в студёный мороз безвозмездно помогаю-

щего ближнему, на что работали смелые штрихи, оставленные на линолеуме, и выбор сине-белой, сдержанной цветовой гаммы, поддерживающей суровость выбранного мотива.

В рамках выставки в Москве, которую посетили более 3000 человек, зрители знакомились с культурно-географическими особенностями Севера, Сибири и Дальнего Востока не только посредством изобразительного искусства, но и организованных фондом «Искусство наций» тематических лекций, мастер-классов и музыкальных концертов. Например, среди графических работ художников состоялась лекция «Вживающийся в Алтай» путешественника и писателя И. Кочергина, в ходе которой автор рассказал о личном опыте жизни в деревне самобытного алтайского народа.

В рамках проекта до конца 2022 года пройдут одноимённые выставки в Южно-Сахалинске, Томске, Нижнем Тагиле и Смоленске. Также было создано интернет-пространство, посетив которое каждый желающий сможет увидеть экспонаты выставки и почитать об участниках проекта. Адрес: <https://sever.artofthenations.org/>

Опираясь на положительные отзывы художников, принявших участие в конкурсе, и на добрые отзывы посетителей выставки «Графика народов Севера» в Москве организаторы проекта убедились в значимости и важности его для развития и поддержки культурно-исторической сокровищницы наших богатых на природную и человеческую мысль территорий. Авторы проекта намерены и дальше заниматься его развитием, создавая выставки с мастер-классами по линогравюре в различных городах России.

Вологжанникова Вероника

«Айвьык».

Из серии «Лингвистический справочник по фауне Чукотки».

2021. Линогравюра.

г. Мурманск

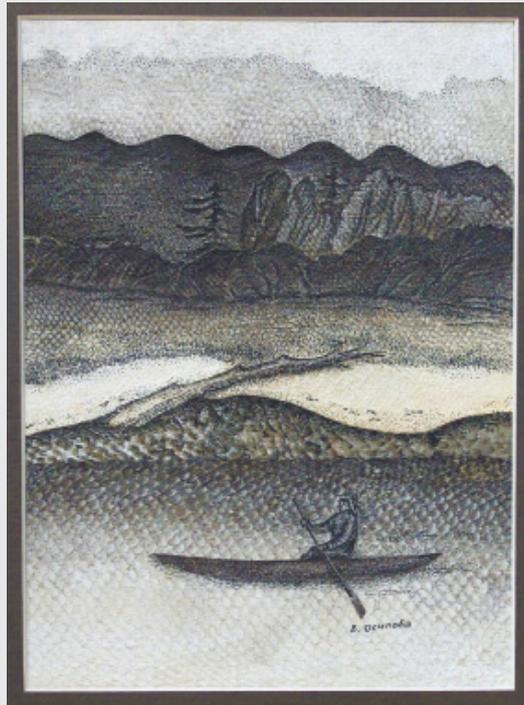

Вологжанникова Вероника

«Лингвистический справочник по фауне Чукотки».

2021. Линогравюра.

г. Мурманск

Осипова Вероника
«Вверх по реке». 2019. Тушь, графика по рыбьей коже.
г. Южно-Сахалинск

Бычков Юрий
«Птицы моего сознания III». 2012. Офорт, акватинта.
г. Тюмень

Лисовский Юрий
«Говорящий лес», 2022. Линогравюра.
г. Сыктывкар

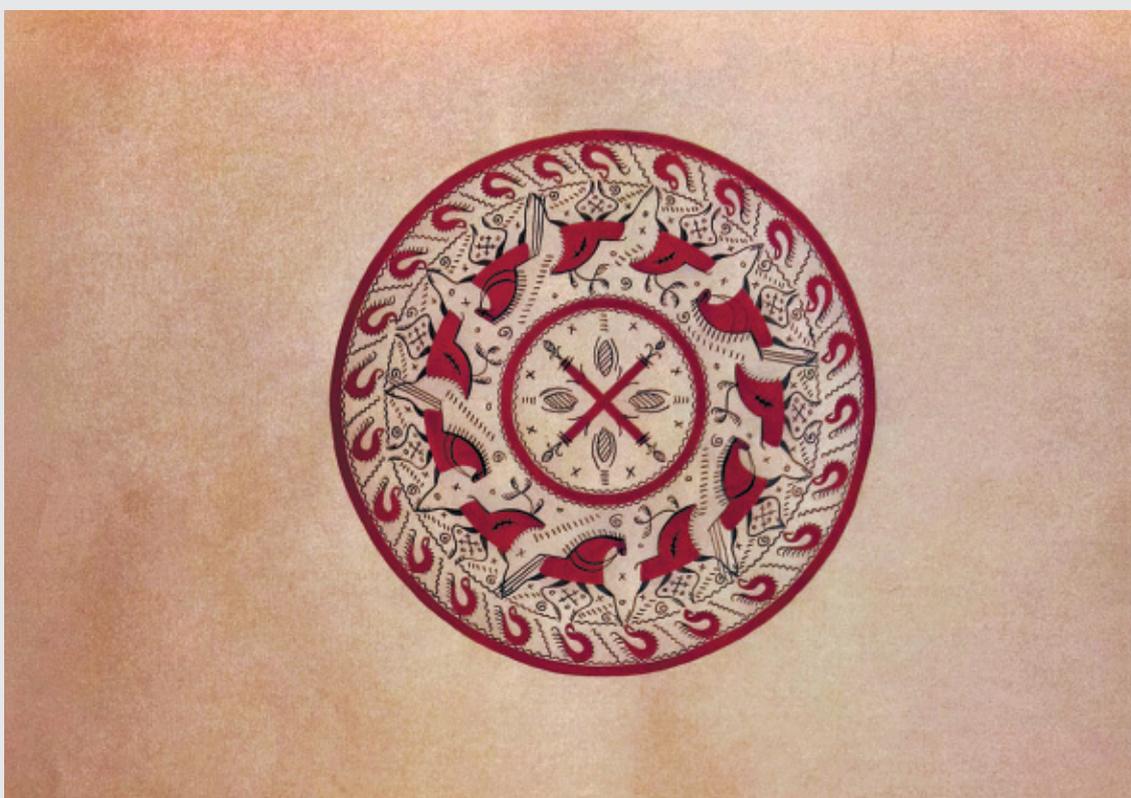
Бычков Юрий
«Югра». 2003. Офорт, акватинта.
г. Тюмень

Брюханов Дмитрий
«Мальчик и волк». 1973. Линогравюра.
г. Магадан

Брюханов Дмитрий
Полосная иллюстрация к книге В. Кеулькута «Маленький каюр».
Линогравюра.
г. Магадан

Каменщикова Наталья
Серия работ «Времена года».
2022. Бумага, смешанная техника (темпера+тушь).
г. Калуга

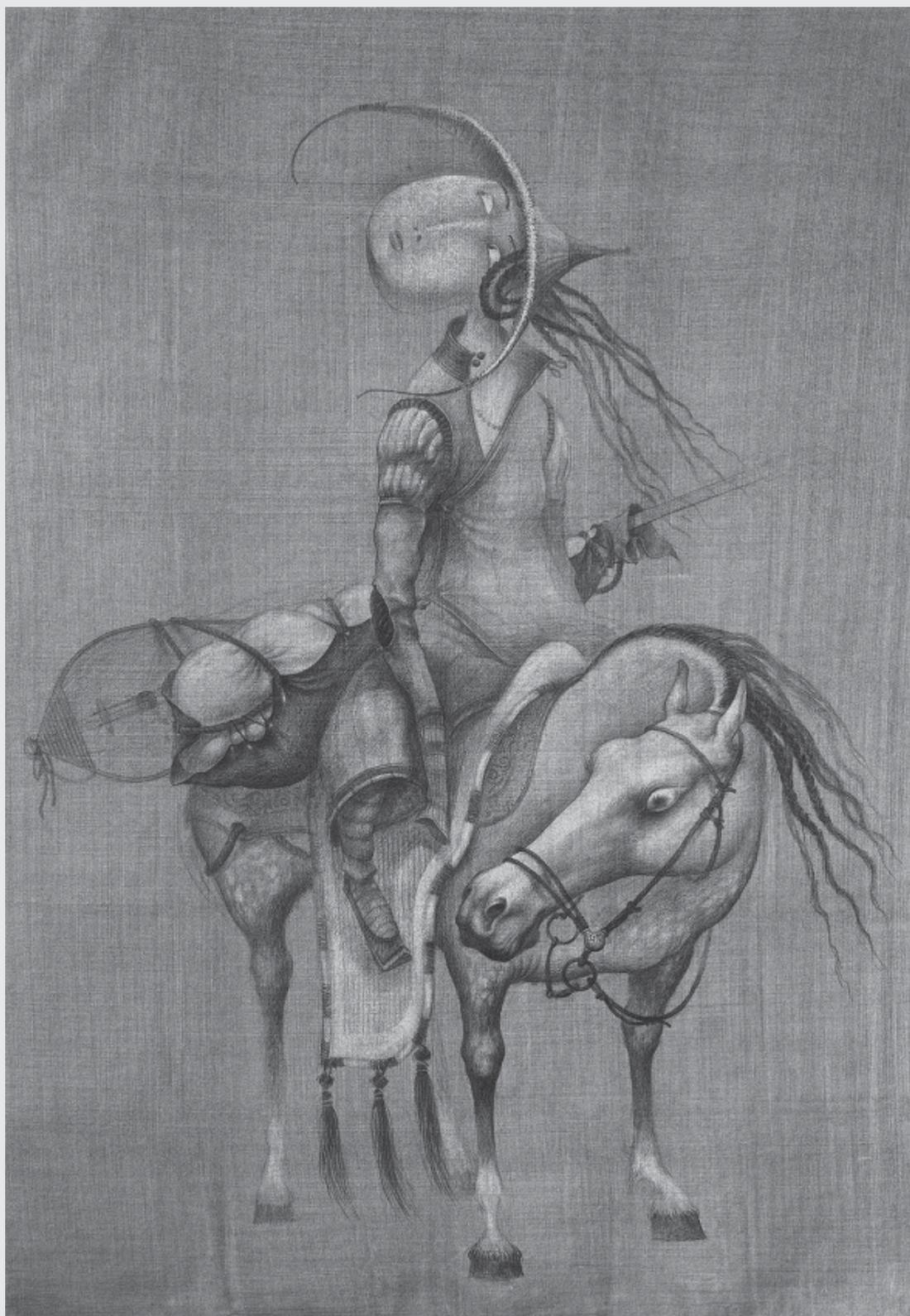
Контакова Дарима
«Лучники». Из серии иллюстраций к бурятскому эпосу «Гэсэр». 2020. Офорт, акватинта.
г. Улан-Удэ

Контакова Дарима
«Старик». Из серии иллюстраций к бурятскому эпосу «Гэсэр». 2020. Офорт, акватинта.
г. Улан-Удэ

Фентяжев Вячеслав
«Укчэндей» («Разговор с богами»). 2010. Цветная гравюра на картоне.
г. Воронеж

Намдаков Даши
«Богатая невеста». Жикле.
Республика Бурятия

Намдаков Даши
*«Танец гаруды». Жикле.
Республика Бурятия*

Михайленко Мария
*«Дети и кости». По мотивам путешествия по Чукотке.
2021. Линогравюра, коллаж.
г. Мурманск*

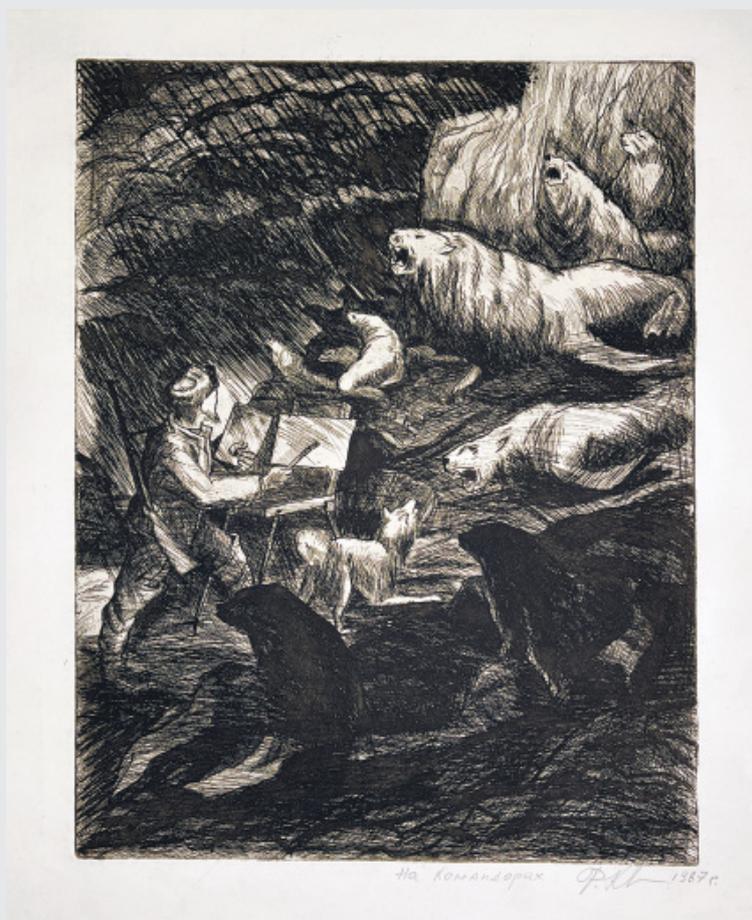
Болсобоев Евгений
«Ночь Ёхора». 2014. Гравюра на пластике.
г. Улан-Удэ

Бычков Иван
«Зима. Юный монгол». 2013. Бумага, карандаш, акрил.
г. Барнаул

Конюхов Фёдор
«Каюр Булат Еселгендинов».1989. Офорт, сухая игла.

Конюхов Фёдор
«На Командорах».1987. Офорт, сухая игла.

Конюхов Фёдор
«В горах Матачингая». 1986. Цветная литография.

Серова Дарья
Лист 1 «Корабли». Из серии «В заброшенном порту».
2021. Цветная линогравюра.
г. Красноярск

Пташкина Светлана
«Добыча». 2020. Печать, смешанная техника.
г. Ноябрьск

Монгуш Чечек Кызыл-ооловна
Лист № 1 «Шагаа». Из серии «Юрта».
2015. Цветная гравюра на пластике.
г. Кызыл

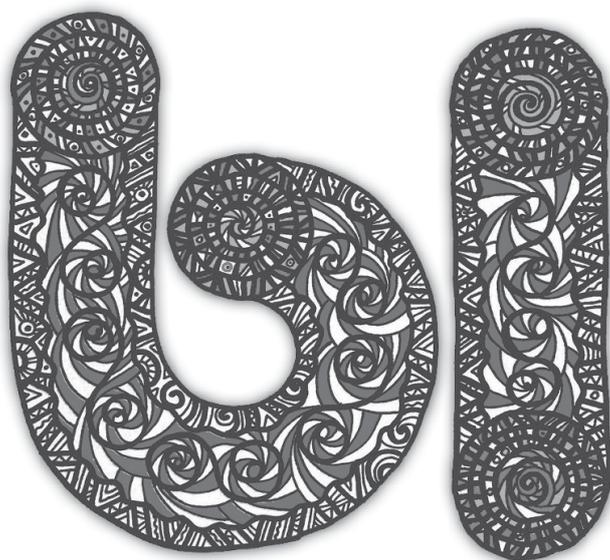
Мешков Владимир
«Олени копытят». 1977. Цветная линогравюра.

Ойношев Павел
«Полёт шамана». Из серии «Сакральный Алтай».
2014. Рисование гелевой ручкой.
г. Горно-Алтайск

Старостин Михаил
«Спешащий». 1997. Бумага, офорт, акватинта.
г. Якутск

**ТОМ
ГИЖЫСЬЯСЛӨН
ЛИТЕРАТУРНОЙ
ЖУРНАЛ**

Елена Афанасьева

КУТШ

Висът

Кутш аддзис вѳт... тешкодъ вѳт. Быттьѳ мунѳ сійѳ важѳн нин ветлывтѳм ордымѳд. Некутшѳм мѳгтѳг, некодлѳн индытѳг. Оз-ѳ кодлѳнкѳ лов выныс сійѳс кытчѳкѳ чуксав?

Йѳн турунѳн пырзьѳм* муяс вуджис, сѳсся ордымыс козъя вѳрѳ пыртѳдѳс. А сѳнѳ пемыдсыс-пемыд, сук лапъяс костѳд шондѳ югѳрыс весиг читкыртчывны оз вевъяв. И сѳмын быд воськов гартчыс кок ув турун лѳня вашкѳдѳ: «Кытчѳ нѳ мунан, дитяѳ, кытчѳ?...» Таыс весиг йирмѳг босьтлѳ.

Муртса тѳдчыс туйѳд надзѳник восьлалѳ и восьлалѳ Кутш, чужѳм весьтсыс коз лапъяс вешталѳ. Кѳнкѳ водзын, ру пиас, пѳлѳстчѳм керка петкѳдчис. Сы сайын мѳд. Сѳсся коймѳд. Нѳшта некымын воськов, и туѳм воййыв сайсянь мыччысисны мукѳд керка вевтъяс. Сѳдзкѳ, тайѳ кутшѳмкѳ грезд. А керкаясыс зѳв на и крепыдѳсь, мед кѳть и пельѳсъяснаныс ставѳн ѳтарѳ пѳлынтчѳмаѳсь.

ѳти керка весьтѳд мунѳс, мѳд керка весьтѳд... Та бѳрын джѳм сувтѳс. Чуналыс лѳняс кыліс кутшѳмкѳ шы. Сьылісны ли бѳрдѳсны – он вежѳрт.

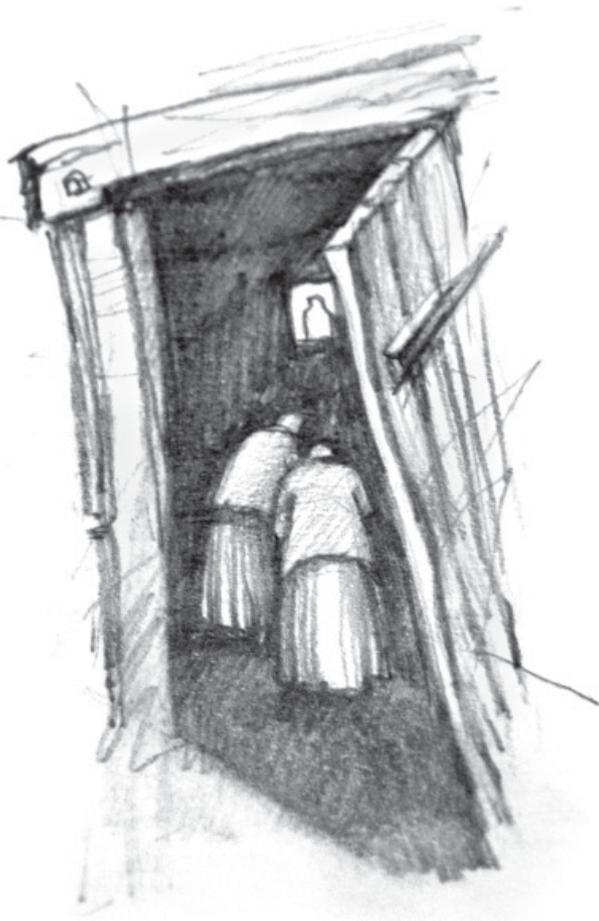
Вежынтчѳм сарайын кодъяскѳ вѳліны. Ловсѳ зѳлѳдѳмѳн матыстчис да восьса ѳдзѳс пыр видзѳдлѳс пемыдас. А сѳнѳ бабаяс. Сулалѳны да вѳтын моз юрбитѳны. И он гѳгѳрво, кутшѳм кыв вылын... Вермас лоны, мыйкѳ корѳны. Гашкѳ, асланыс грезд понда вежавидзѳмѳн кевмысьѳны, гашкѳ, мусѳ да васѳ молитѳны, мед вын сетас йѳзыслы...

ѳти на пиыс казяліс Кутшѳс, петѳс сы дорѳ. Чужѳмыс ѳбразывса ен мамлѳн кодъ, а синъясыс дзик лов пытшкѳдзыд пыралѳны.

– Но мый, Кутшѳ, воин? – нюмдѳмѳн юалѳс анъ. – Ветлы эстчѳ... Колѳ струба дзоньтавны. Струбатѳгыд, ачыд тѳдан, кутшѳм олѳм, – и кытчаныкѳ индѳс кинас.

– Ме эськѳ... – мырдысьѳн-сорѳн кѳсйис шуны Кутш, но эз шу, а вежѳрас бергѳдѳс: «Ки пѳла...»

* Пырзьѳм (диал.) – ѳгѳн-турунѳн тырѳм.

– Эн майшась, ме тода. Йозлы буртö вöчигөн отсöгыд воас.

Кутш сулалыштис на недыр... А сэссия кутшöмкö вын öдйö бергöдис сийöс татчöс олöмас.

Öшиньын ворсöдчис шондiа асыв. Садьмöm вежöрас зонка гöгрöдлис лоöмторсö: кытчö сийöс нулис вöтыс? И нывбабаыс... кодi? И... кытысь тöдö, мый ёртъясыс сийöс Кутшөн нимтöны?

...Отчyd классö кодкö вайис книга. Лэбачьяс йылысь. Шöр лист бокас вöли серпасалöма кутшöс.

– О, тайö жö тэнад синьясыд! – горöдiс Ванька Саш.

– А ме кутш и эм, – вочавидзис зонка и ланьтис.

Тайö нимыс сэссия нэм кежлö коли-ляскысис сылы.

«...Но мыйсяма нö тайö вöт? Весиг быттö абу и вöт, а вемöс», – Кутш бергöдлис юрас аддзылöмторьяссö и пондiс гöгөрвоны, мый тайö

ордымсö кытыськö тöдö нин. И со тайö муясыс тöдсаöсь жö.

И козья вöрыс... И сы сайса грездыс...

Ставсö тайöс зонка аддзылис нин коркö.

Ру пытшкын моз син водзас сувтiс батыс. И ачыс – ичöтик морт. Бать киас кутчысьöмön тувчалö васöд туйöд. «Батьö-ö-ö!» – и тайö здукас паметяс садьмис сийö луныс, кор найö кыкөн тэрмасьтöг ветлисны ичöтик грездö. И сёрниныс:

– А ми регыд воам?

– Регыд, пиук, регыд. Аддзан козьяссö? Локтам на сайö, и тыдовтчас миян грездным. Сэтчö и дзебöма пöль-пöчнымöс.

...Тайö сёрни бöрас коли некымын во. Батыс кувсис. Грездыс быри. «Гашкö, тайö вöт пырыс менö дед-баб корисны... мед вола на дорö...»

И Кутш думö уси, а сэссия кöсйысис быть ветлыны грездас. Рытöдзис ставсö бура мөвпалiс: öтарö кö, вöтыд вöт и эм, а сiдзкö, мыйла колö мунны? Но и мöдарö: ветлан кö, нинöm он вошты...

Шондi мыччысигкежлö лысваа лои. Кутш петiс керкасыс да мöдöдчис тöдса ордымöд. Гач кокыс регыд мысти пидзöсöдзыс кöтасис...

Ставыс вöли сiдзи, кыдзи и вöтас: энöвтöm муяс, пемыд козьяин, чужöмö вачкалысь пу лапьяс. Дыра-регыда туйыс вайöдiс тöдса грездö. Ру пытшкын моз тыдовтчисны мед-воддза керкаяс. Найöс казялöm бöрын зонка надзмöдiс воськовсö. Сувтiс да мөвпалыштiс здук-мöд, а сэссия нин сетчис водзлань.

Керкаяс вöлины ляпкыдикöсь, ставныс сунгысьöмаöсь воййыв турун дзуас, быттö вералысь асья кыаö. Чорыд заа воййывсö кинас вешталiгтыр мудзмöныс келiс да келiс...

Кутшöмкö сарай веськыдладорын коли. Öдзöсыс восьса, но шы ни ру. Со кутшöмкö керка – öшиньяссö брöвьялöма мисьтöm, пемыд пöвьясөн, и та понда нöшта на шуштöммöдö ловтö.

Куим керка кост мунөм бөрын Кутш казяліс струба мыгөрсө. Матыстчис да турун пөвстысь аддзис кадысь төрмөм рисө. «Риа юкмөс* тай эськө вөлөма да...» – гөгөрвоис Кутш, а аслыс кывмөн шуис: «А лөньыс, лөньыс тані – морөс пытшкөдзыд йиджө».

Но недыр мысти сынөдыс пондіс веравны да кыськө му горувсьыс кыліс кодлөнкө небыдик шыалөм, быттё нывка кывлысис:

– Кутшөм мөгөн... мөгөн... мөгөн?..

Кутш став вир-яйнас чурмунліс, сэссия юр йывсянь кок улөдзыс кодкө быттё көдзыд киөн малыштіс.

– Коді тэ? – юалис зон, кор воис ас садяс.

– Менө тэ он төд, – шыасис тыдавтөм ныв.

Кутш видзөдліс гөгөр, а некод орччөн абу.

– А көні тэ?

– Матын, – висьталіс ныв.

– И аддзан менө?

– Аддза, – сибыдджыка нин шуис. – Мыйла нө татчө локтін?

– Аддзылі вөт. Тайө грездыс мен петкөдчыліс. Тшөктісны воыны, – вочавидзис зонка.

– Да-а-а, ставөн тай вунөдісны. Колө эськө струбасө дзоньтавны, да некодлы, – чөв олыштөм бөрын ышловзис тыдавтөм ныв.

Кутш ставсө гөгөрвоис да пондіс нин асьсө көритны, мыйла татчө локтігөн чер эз босыт, өд бабыс шуис, колө пө струба дзоньтавны. А сійө эз эскы.

– Вай видлы, Кутш, – нөшта небыдджыка шыасис гөлөс. – Он кө удит өти лунөн, войколав грездас.

«И тан менсьым нимөс төдөны», – шензыштіс зонка. Сэссия матыстчис да мышкыртчылөмөн видзөдліс струбаас – пыдіас сьөдвидзис джум. И тайө джумыс пыдөстөм синнас тшөтш видзөдліс сы синмө.

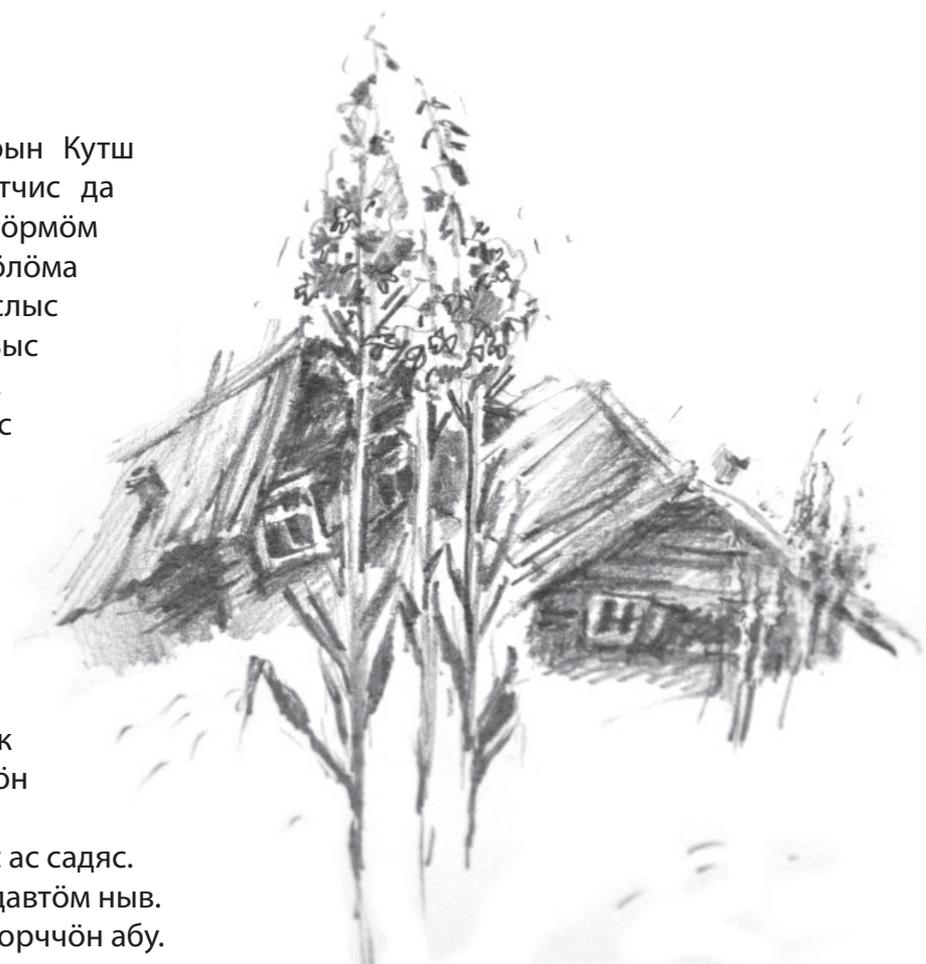
– Но, мый сэні? – небыд төвруөн воис юалөм. – Струбаыс джуджыд?

– Ме... ме... быттё кодлыкө лолас видзөдлі... – чуймөмпырысь вочавидзис Кутш.

– Оз ков сетны сылы косьмыны.

– Мый понда? Кодлы сійө ковмас? Некод татчө оз лок. Мөдарө на, ставөн зільөны ылөджык мунны. Тані туй ни ньөв, – воча шуис гөлөслы Кутш.

– Тэ тай зэв өдйө аддзин воча шуанторсө. А юрад он көсйы гөгөртны? Йөзыс көть кытчө мунасны,

* Риа юкмөс (диал.) – жаравеч.

коркө бөр воасны асланыс чужанінө. Мед көть думнас... И ордым тальёны, – недыр чөв олыштөм бөрын содтіс:

- Мый нө нинөм он вөч, сувтөмыд да сулалан?!
- Черсө тай аскөд эг босьт да...
- Пырав орчча керкаас, – чуйдіс гөлөс.

Кутш падъялыштис и век жө воськовтіс индөм керкалань. Сійө вөлі крепыдкодь на. Калькөдіс өдзөссө, и син улас уси кильчө сод вылын куйлысь чер. Бытьтө сійөс и виччысьөма. Пыраліс, босьтіс да көсйис нин петны бөр, но лов пыр муніс визув – кодкө меліа корис: «Пы-рав!» Кутш дрөгмуніс. Джөм сувтіс, кывзысьыштис лөняс, сэсся пуктіс черсө бөр да воськовтіс керка өдзөслань. Киыс ачыс пемыдсьыс аддзис пелькиник вуг. Өдзөсыс сетчис кокниа, и Кутш пырис. Дыр ломтывтөм керка пытшкө йөрмөм ыркыдыс йирмөгалис. А брөвъялөм өшиньяс пондаыс Кутшлы кажитчис, бытьтө гуө веськаліс. Но пөвъяс костөдыс кытъястікө век жө писькөдчисны жебиника йөктысь буса югөръяс. Тайө вөлі тырмымөн, мед видзөдлыны керка

пытшкөссө: кык өшинь костын сулаліс пу диван, сы водзын – кузь пызан. Инпөлын – шкап. Кутш матыстчис сы дорө и руа стеклө пыр аддзис өбраз. Важ пөвйыс вөлі сэтшөма нин съөдасьөма, мый өдва-өдва казялан ликсө. Но сикөтш моль кодь кык лөз чут төдчисны бура – тайө вөліны вежа аньлөн синъясыс. И наын тыдаліс пыдөстөм дой и югыд муслун... Кутшөмкө здукө весиг кажитчис, мый воссьыліс кык енэж, а здук мысти нин аддзис ыб шөрө петөм пөлөзничаяслысь кык чукөр. Дыр на тадзи видзөдіс на вылө и эз вермы пөтны – бытьтө кутшөмкө юөр воис вежөрөдзыс.

Нинөм на эз гөгөрво, но морөс пытшкөснас кыліс нин: мыйкө лои. И тайө мөвпыс воис руөн – кутшөм тай локтө мусянныс лөнь гожся рытө, кор му веркөссянь енэжөдз сынөдыс тырөма пуксьысь шонді водзас дзирдалысь югыд бордъя юрсигусьясөн. И тайө здукө Кутшлөн вежөрөдз воис вөтын индөм могускөд йитчөм мөвп – важ струбаас и эм став сөдзлуныс да джудждаыс. Но риыс кө абу, и васө он лэпты! А васө кө он лэпты, и выль ва оз во.

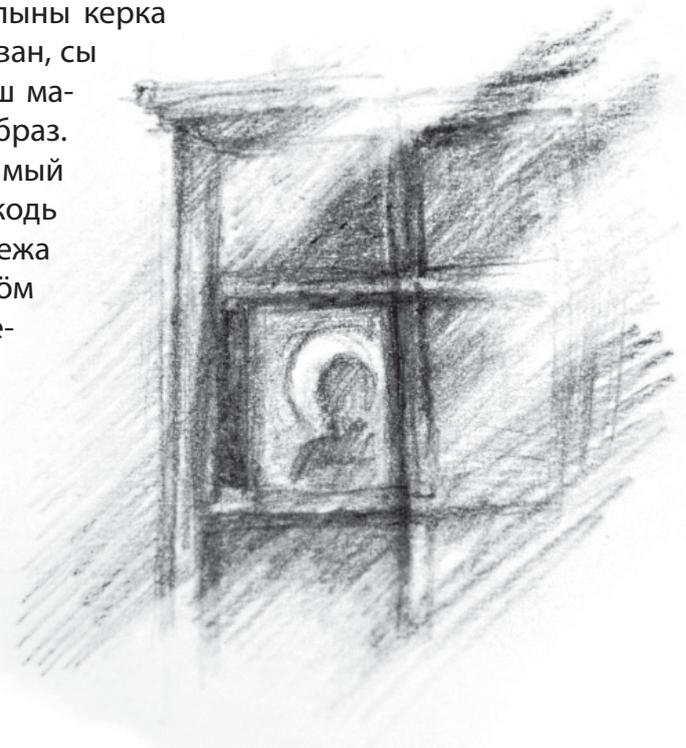
И колө овны. И струбаыслы, и мортлөн көсйөмъяслы. Таын и эм олөмыслөн сөстөмлуныс да джудждаыс...

Пачводз дорас тыдаліс мөд жырийө пыран өдзөс. Кутш кокниа йөткыштис сійөс да воськовтіс водзө. Сылы мышкөн пукаліс съөд паськөма нывбаба, киас югьөвтліс ем – еджыд дөра вылө вурис гөрд дөмас.

- Пыр, ин сулав пөрөг дорас, – бергөдчывтөг шуис сійө.
- Ме думайті, керкаыс овтөм, – чөвтіс Кутш.
- Овтөм, – ышловзис нывбаба. – Но ме төда мөгтө. Сы понда и тани.

Пуксьыліс чөв-лөнь. И сөмын Кутшлөн сьөлөмыс тіпкис вывті гораа: «Зутш-зутш, зутш-зутш...»

- А мый татшөм еджыдсө вуран?..

- Енэж эшкын. И юкмös.
- Но сэнi жö вaыс сьöд, – шуис зон.
- Сьöд, – вильысь тайö кывсö шуис нывбаба. – Сьöдыслөн да гөрдыслөн выныс öтмында.
- Но öнi вермö сьöдыс.
- Ме тай шуи нин: сьöдыслөн да гөрдыслөн выныс öтмында. Воас кад, и гөрдыс вевтыр-тас. Кодкö бөр воас татчö. И тэ воан... – Кутшлань чужöмөн бергöдчыштіс нывбаба, и зонка тöдмаліс сійöс.
- Тэ... сійö... сараяс тай...
- Бабыдлысь öбразсö казытыштін?.. – шоныда нюмдіс нывбаба да кинас нуöдіс сынöдтіыс, быттьö вештіс тыдавтöм занавес, и зонкалөн син водзö петкöдчис ичöтик öбраз. А пельöдзыс кутісны воавны бабысөн шуöм кывъяс: «Тайö öд миян Пятнича Параскеваным. Водзö вылö тöд... А гожöмнас ми тэкöд ветлам Керью дорö. Васö сэнi пондасны вежöдны Параскева öбразөн...»
- Казытышті, – аслысмоз шуис Кутш. – Со ме и вои.
- Эн. Тэ быттьö и тані, но мөвпнад абу на воöмьд.
- Ме вильысь локта.
- Эн тэрмась.

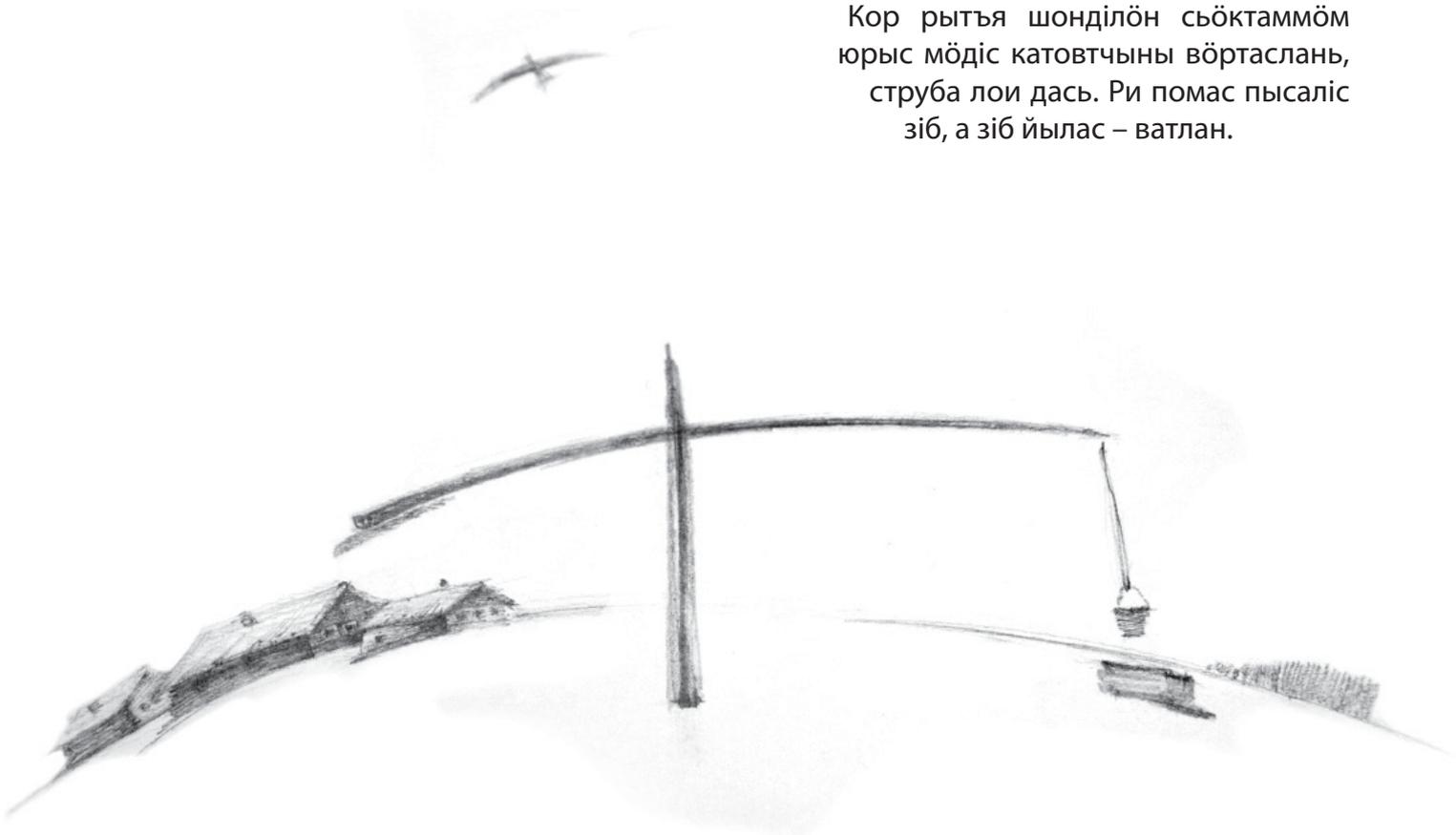
Керкаысь петігмоз Кутш босьтіс сод вивсьыс черсö да видліс дорышсö: зэв на и лэчыд! Бөр пыраліс керкаö, медым юавны, кодi ёсьтіс. Воськовтіс пыдіас, но сэнi некодi эз вöv. И еджыд дöраыс вошöма.

Петіс ывлаö да пыр жö босьтчис уджö, медым шондi пуксьытöдз удитны ставсö вöчны-бергöдны.

«Дивö тай! – думнас чуймаліс Кутш. – Параскеваыд эз весьшөрö висьтав: бурторйö кө босьтчан, отсöгыд быть воас».

Шондi туйыс öти пу йывсянь мöд пу йылöдз сöмын на и вешйис, а Кутш вевъяліс нин козья вөр діö пыравны да пельпом вылас пелькиник краж петкöдны. Шöрсö пасйис лöсасөн, медым рийс эз дзирнясь.

Кор рытя шондiлөн сьöктаммöм юрыс мöдіс катовтчыны вöртаслань, струба лои дась. Ри помас пысаліс зіб, а зіб йылас – ватлан.

– Но вот, и тэнад бордъяс лоины. Өвтчы, өвтчы, гашкө, лэбавны велалан, – нюммунис Кутш. – А меным öнi позяс васö гумовтны. Быттьö аслам струбаысь.

Ватланьс, кылö, инмис ва веркöсö. Кутш пыдöджык лэдзлiс зiбсö да бöр лэптiс. Рытъя шондi улын ватланын садьмалiсны эзысь кодзувъяс.

Кутш ляпкöдчыштiс да пöттöдзыс юис ыркыдöн вералысь васö. Кöдзыдыс мыськовтiс морöс пытшкöссö. Лои кокни и лöсьыд. Эз весьшöрö батысь ошкыв валысь бурдöдан вынсö.

Пöттöдз юём бöрын Кутш водiс турун пиас да кутiс видзöдны енэжö. А сийö öзтöма нин медводдза кодзувъяс.

Кор пемдыштiс, чукöрөн-чукöрөн пондiсны воссявны помтöм дзуюс: и вижоват, и гөрдоват, и лöзоват. И кутшöмкö здукö чайтсис, мый найö эз кутны тöрны енэжас, сы понда ли мый ли помтöг киссьöны му вылö да струба йирö, и кöсьян кö, найöс позяс лэптавны да лэптавны сэтысь ваыскöд öттшöтш.

Недыр мысти кодзула эрдсö вевттис пемыд кымöрлөн эшкыныс. Кутшлы лои весиг шуштöмкодъ. Вöрладорсьыс пондiс локны тöдтöм шы, а сэссия кылiс: «Нюу-нюу». Мöдысь дай, дзик нин орччөн... Быттьö уна йöз чукöртчöмаось да кытшалiсны сийöс. Кутш видзöдлiс пемыдас да зiлис гөгөрвоны, мый сэнi вöчсьö. И тайö здукас кыськö воём шоньд ру сывъялiс зонкаос, да мöдыд пыр жö унмовсис.

...И сэнi, шоньд ру пиас, вöтын ли вемöсын, аддзис, кыдзи ри йылас лайкъялiгтырийи струбаыс качöдчис енэжас. Кыпöдчис пыр вылöджык и вылöджык.

– Сулав! – горöдiс зон. – Тэ нö кытчö? А код вылö сиктсö эновтан?

– Тэ менö бордъялiн, сiдзкö, ме лэбач!

– Кыдзи лэбач?! Тэ жö струба! Тэныд колö йöзсö ваён юктавны!

– Колö кö мортлы струба, ачыс лöсьöдас.

– Та могысь али мый ме тэнö дзоньталi?

– Тэ ассъыд медводдза мөгтö пöртiн нин...

Кутш шöйöвошöмөн сулалiс тыртöм му шöрын да эз тöд, мый водзö вöчны. А сэссия асла вöтысь ли струба горссьыс кыпöдчис ортсыö, палялiс да восьтiс синсö.

– Тэ танi?!

– Танi, – йөлöгаён вочавидзис гөлöс.

– Некытчö на эн лэб?

– Эг.

– Но и бур! А то вöтөн аддзылi лэбöмтö.

– И тэ... татчö кольчы.

– Меным öтнамлы гажтöм лоö. Тэнö кö эськö аддзывны... Сёрни сертиыд тэ зэв мича.

– Меным нэм ковмас овны тыдавтöмөн.

– А мый вöчны, мед тыдаланаён лоин?

– Мед юисны ваос.

– Сiдзкö, ме...

Некод нинöм эз вочавидз. Кутш виччысьыштiс здук-мöд, сэссия ышловзис да бöр петiс туйö. Грезд помас бергöдчылiс на, и воййив пытшкö вöйöм керкаяс дорысь казялiс еджыд платтьöа нывкаос, кодi сулалiс асья шондiлөн югөр улын. Сулалыштiс и ру моз воши. А гашкö и, каститчис да...

Кутш тэрыба мöдöдчис водзö, а мунигас нин ас кежсьыс мөвпыштiс: «Локта. Ме татчö быть локта!»

Елена Афанасьева

БЕРКУТ

Рассказ

И был ему сон. Чудной сон, непонятный. Будто идёт он по давно нехоженной тропе. Без мыслей, без цели, словно чужая воля вперёд его тянет. Давно брошенное, забурьяневшее поле одолел. Дальше тропа в еловый перелесок ныряет. А перелесок сумрачный, глухой. Звуки в нём гаснут, как в воде. Только под ногами шёпот травы: «Куда тебя несёт, Беркут, куда?..» Оторопь ходака берёт. По заросшей тропе сторожко ступает, здоровой рукой еловые лапы от лица отводит. Вторая-то рука, левая, и на это не годится – с младенчества сухой плетью висит.

Впереди, в туманной прогалине, изба меж елями показалась. За ней вторая виднеется, следом третья тёмную крышу из иван-чая кажет. Похоже, на деревню ходок набрёл. А деревенька, по всем приметам, нежилая, покинутая людьми. Теперь тут иван-чай за хозяина – выше окон стеной стоит. А поглядеть, так иные-то избы ещё крепкие, хоть и просели на тот или иной угол. С устатку, вроде – долог век... Чего ж они оставили деревню, люди-то?

А туман густеет, выше иван-чая норовит разлиться. Ходок уже по пояс в тумане идёт. Сон с явью перехлестнулись, душа замирает, назад просится. Но парень идёт, по сторонам опасливо озирается. Одну избу-покойницу миновал, другую. И встал как вкопанный – в мёртвой тишине голоса слышались. То ли поют, то ли по ком голоса.

Голоса доносились из покосившегося, ветхого сарая. Парень собрался с духом, ближе подступился. В приоткрытую дверь сарая видно: стоят в полутьме старушки долгим веком согбенные, молятся истово. А слов не разобрать. Должно быть, просят о чём-то бабушки, за деревню кинутую радеют. Одна молельщица заметила подошедшего, вышла к нему. Лицо млажавое, иконописное, а глазами как на привязи парня держит.

– Вот и прилетел Беркут, – говорит с чуть заметной улыбкой, на гостя пытливо смотрит. – Сходи-ка туда, – рукой на другой конец деревни показывает. – Надо колодец починить, святой он. Без этого колодца тут не житьё.

– Я бы... – выдавил из себя парень и осёкся. – Однорукий я.

– Не робей допрежь, Беркут. Доброму делу всегда подмога сыщется.

Повернулась молельщица, шагнула через порог и будто растаяла в полутьме сарая. А гость стоял, не зная, как дальше быть. И тут его словно смерчем подхватило, ввысь взметнуло.

На том он и проснулся.

За окном солнечное утро лёгким ветерком играло. Лежал парень и думал: куда это его занесло во сне? А женщина из сарая – кто она? Откуда бы ей знать, интересно, что друзья по школе Беркутом его звали?

Этим птичьим именем его наградили из-за глаз. Необычные у него глаза – взгляд острый, пронзительный даже, брови прямые, как стрелки.

Однажды кто-то из ребят принёс в школу книгу о птицах. На какой-то странице был нарисован беркут – птица гордая, сильная.

– Это ж твои глаза! – воскликнул тот, что листал книгу. – Смотрите, он на беркута похож!

– А я и есть беркут, – взглянув на птичий портрет, сказал он с усмешкой. Вот и приклеил сам себе птичье имя. И был вполне доволен этим.

...Но что же это за сон такой? Словно бы и не снилось, а наяву было. Беркут перебирал в памяти то, что снилось, и стало ему казаться, что знал эту тропу, с босоногого детства знал. И поле, тогда ещё не брошенное, и перелесок, а за ним деревня – всё это он видел когда-то.

Память стала тянуть нить минувшего. Словно из тумана вырисовывалась живая картина. ...Отец ведёт его за руку по тропе. Идут неторопко, простор оглядывая, на солнышко щурясь.

– Папа, мы скоро придём?

– Скоро, сына. Перелесок впереди видишь? Пройдём его, там и деревня наша родовая будет. Деды-прадеды, бабушки-прабабушки там похоронены. Проведаем, поклонимся могилкам, да тем же порядком назад пошагаем.

– А деревня большая?

– Ох, сына, была большая. Была да усохла.

– Почему усохла? Там воды нет?

Смеётся отец.

– Есть вода, как ей не быть? Без водицы, брат, не житьё. В одном колодце, так она родниковая. Говорят, целебная, вся деревня эту водицу черпала. Святое место, скажу тебе. Чудеса там случались. А усохла деревенька наша потому, что люди стали покидать её.

– Почему стали покидать?

– Город, видишь ли, поманил. Вот и бросают гнездо родовое. Оно понятно – в городе жизнь краше, интереснее. Опять же, землю пахать да скотинку держать не надо – всё в магазине есть. А теперь ломают голову – никто не может придумать, как людей в деревню воротить.

– Я вырасту и придумаю.

– Молодец, сына! – засмеялся отец. – Тебе да не придумать!

...Давно это было. Отца похоронил. И деревня, если верить сну, не выжила.

«Странно получается, – думал Беркут. – И отец, и богомолка из сарая одинаково сказали: без воды не житьё. Нет уж, такие сны не бывают случайными. Вроде как напоминание мне о родовом гнезде предков... Может, деды-прадеды меня позвали? Сходи, мол, проведай, да не во сне, а наяву».

Так ли, не так, а сходить бы надо.

День до вечера раздумывал Беркут о загадке. Это же, мол, фокусы спящего ума, чего туда переться? Под конец даже осерчал на себя: боишься, что ли?

Он ничего не боялся, праздновать труса – не его занятие.

Утро росой умылось, а Беркут уже шагал по знакомой тропе. Получается, третий раз шагал, если считать странный сон.

Шёл и удивлялся: повторялось в точности, что он видел во сне – брошенное поле, сумеречный перелесок, еловые лапы, которые норовят хлестнуть по лицу. Вот в туманном прогале показалась первая изба, по окна утонувшая в иван-чае. Разве так бывает, чтобы увиденное во сне повторялось наяву?

Сарай миновал. Дверь настезь, но голосов не слышно. Окна домов потемневшими досками заколочены, будто им запрещено смотреть на белый свет.

За третьим двором Беркут увидел столб с развилкой наверху. Когда-то на развилке журавец-перевес был, теперь он в бурьяне лежал трухлявый, пополам переломленный. Отслужил, откланялся.

А тишина такая, о которой говорят: слышно, как трава растёт.

Вдруг по воздуху рябь пробежала. Такая бывает на реке в ветреную погоду. Откуда-то из-под земли голос послышался – нежный, похоже, девичий:

– С чем пришёл? – И чуть слышное эхо прошелестело по-над травой – «шёл, шёл...»

Дохнуло холодом. Будто чья-то ледяная ладонь погладила его от головы до пят. Беркут вздрогнул, но взял себя в руки, спросил изменившимся голосом:

– Кто тут?

– Ты меня не знаешь, – донеслось со вздохом.

Беркут озирался по сторонам, стараясь унять мурашки, волнами забегавшие по спине.

– Ты где?

– Близко, близко.

– Видишь меня?

– Вижу, – всё мягче звучал голос. – С чем пожаловал?

Страх рассеивался, таял, как туман.

– Прошлой ночью сон видел. Сюда велели прийти.

– Да-а, – донёлся вздох после недолгого молчания. – Люди забыли про нас. Надо колодец починить, а некому.

Беркут пожалел, что не взял с собой топор. Ведь во сне сказано было о колодце, который надо починить.

– Возьмись-ка, Беркут, – всё нежнее звучал голос. – Одним днём не справишься, заночуй в деревне.

«И здесь моё имя знают», – удивился, подходя к колодезному срубу. Наклонился, вглядываясь в чёрную глубину колодца. На секунду померещилось, что глубина эта живая и она тоже пытливо вглядывается в него. Говорил же отец, что у этого колодца чудеса случались...

– Что увидел? – спросил таинственный некто. – Глубокий колодец?

– Там... – Беркут подбирал слова. – Я как в душу чью-то посмотрел.

– Верно говоришь – душа и есть. У колодца, у деревни одна душа. Она у нас родниковая, святая. Нельзя, чтобы колодец иссяк, высох, он людей поить должен.

– Кто же воду из него будет брать? – не выдержал Беркут. – Никого ведь нет, из города никто не вернётся. Сюда даже дороги нет.

– А ты не языком подумай, Беркут! – зазвенел голос. – Головой лучше получится. Люди к земле, к памяти, к святым родникам всегда возвращаются и дорогу за собой ведут. Что без дела стоишь, Беркут?

– Я... я топор с собой не взял.

– Эка беда! Зайди в избу, которая по левую руку. Ступай.

С виду изба эта крепкая. Дверь вела на крыльцо. Отворил её и сразу увидел топор. Он лежал на ступеньке, словно дожидался Беркута. Он взял топор, повернулся уходить.

– Зайди, – услышал негромкий женский голос.

Беркут замер, прислушиваясь к тишине. Почудилось? Нет, был голос. Звал зайти.

Положив топор на ступеньку, взялся за скобу. Дверь открылась легко. Дохнуло знобкой прохладой давно не топленного жилья. В комнате полутьма, окна заколочены досками, в щели пробиваются тонкие лучи света.

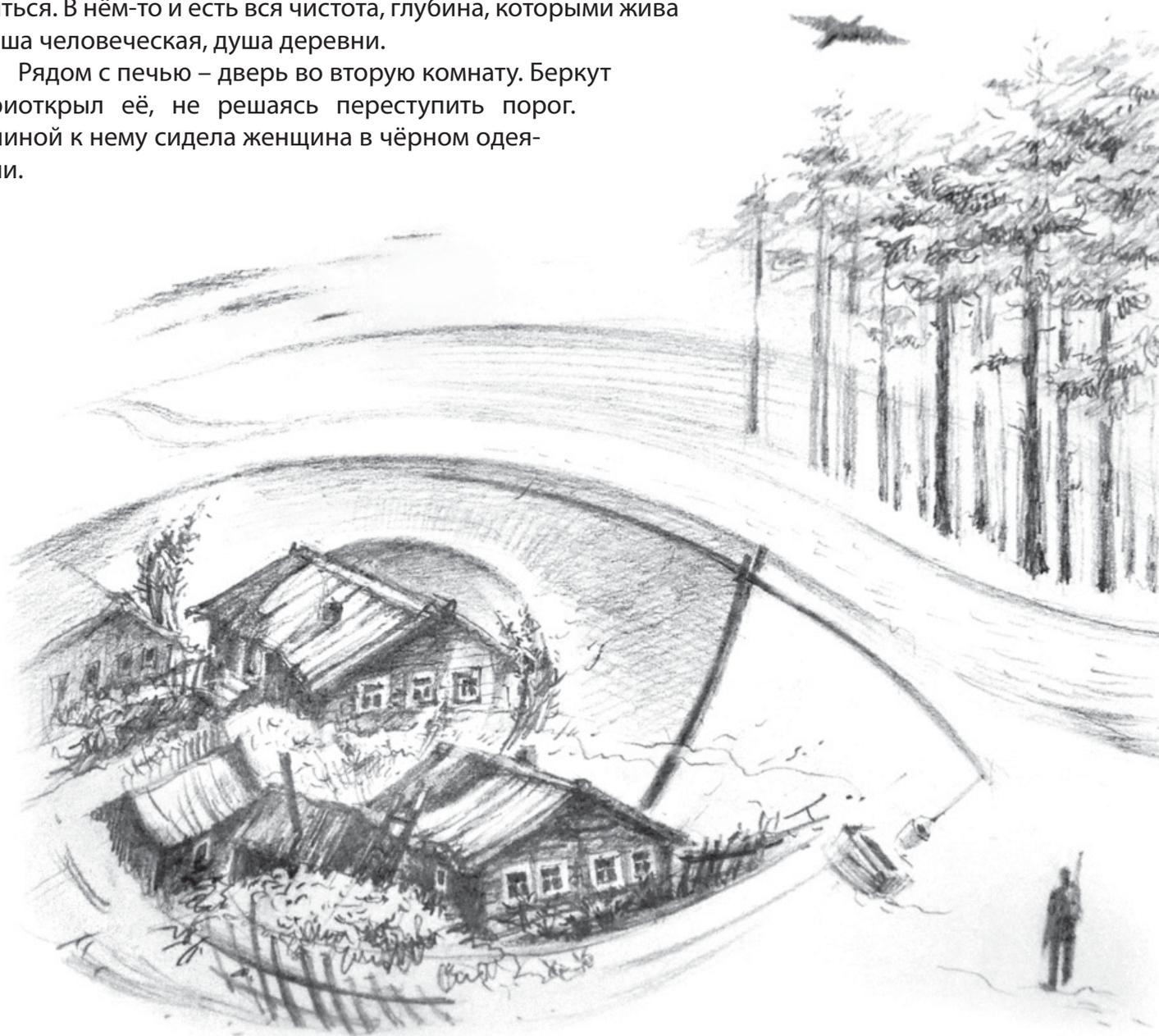
Беркут пригляделся. Между двумя окнами – старый диван и длинный стол. Ближе к печи – деревенский самодельный шкаф, за стеклом которого Беркут заметил икону. Старая доска до того почернела, что с трудом различался лик Богородицы. Но глаза! Они были словно живые. Глаза, исполненные бездонной боли и светлой любви.

Он стоял, забыв дышать, не в силах оторвать взгляда от лика Богородицы.

«Что-то произошло, – билось в голове. – Изменилось что-то».

Изменилось. Беркут понял, что здесь он не случайно. И не напрасно. Он здесь потому, что колодец не должен высохнуть, завалиться. В нём-то и есть вся чистота, глубина, которыми жива душа человеческая, душа деревни.

Рядом с печью – дверь во вторую комнату. Беркут приоткрыл её, не решаясь переступить порог. Спиной к нему сидела женщина в чёрном одеянии.

– Заходи, не стой на пороге, – не оборачиваясь, сказала негромко. В её пальцах поблёскивала игла с нитью. На белое полотно женщина нашивала красный лоскут.

– Я думал, в этом доме никто не живёт, – сказал Беркут первое, что пришло в голову.

– Не живёт, – вздохнула женщина, по-прежнему не поворачивая головы. – А я здесь потому, что знаю, с чем ты пришёл.

Тишина. Только сердце отсчитывает своё время.

– Что ты такое белое шьёшь?

– Небесный покров шью. Для деревни покров, для колодца.

– Я смотрел в колодец, вода в нём чёрная, – осмелел гость.

– Чёрная, – со вздохом повторила швея. – У чёрного и красного одинаковая сила.

– Почему сейчас у чёрного больше силы?

– Не всегда так будет. Придёт время, красное одолеет чёрное, люди сюда вернуться, – негромко говорила женщина, оборачивая к Беркуту молоджавое, иконописное лицо. – И ты придёшь, Беркут. Вспомнил меня?

– Ты... вы, – смутился Беркут, – там, в сарае...

– А бабушкину иконку не то забыл? – чуть заметно улыбнулась женщина. – Ну-ка, вспомни. – Она повела рукой, словно отодвигала невидимый занавес. Перед глазами Беркута засветилась маленькая иконка. А в ушах – тихий голос покойной бабушки: «Это, внучек, небесная заступница наша, зырянская, Параскевой Пятницей зовут. Поклонись ей и помни. А этим летом поведу тебя крестным ходом на Кер-ю. Вода в ней иконой Параскевы освещена, будем с тобой другие иконы в той водице омывать...»

– Вспомнил, – потупившись, сказал парень. – Вот, пришёл.

– Не торопись. Хоть ты и здесь, но ещё не пришёл. Ну, не теряй время. У него, у времени-то, обратного хода нет.

Беркут вышел, взял со ступеньки топор, попробовал пальцем лезвие. Огонь! Топор, поди, десяток лет без работы лежит, поржавел даже. Кто ж его тут точил? Хотел спросить у швеи, открыл одну дверь, открыл дверь в другую комнату, а там никого... И полотна белого с красным нет.

«Теперь уж точно: Параскева Пятница наведальась, – стоя с топором в руке, думал Беркут. – Своё сделала и ушла. Теперь, значит, мой черёд».

Решил управиться до захода солнца. Прикинул, какой длины должен быть журавль-перевес, которому положено кланяться, когда достают воду бадьёй или ведром. Пошёл с топором в перелесок, выбрал молодую ель, ровную, как стрела.

Всю жизнь, с самого младенчества, парню надо было обходиться одной рукой. И так он наловчился, что в работе никакому двурукому не уступит. А в этот раз и вовсе топор словно порхал в руке, как будто веса в нём не было.

– Чудеса! – сказал негромко. И вспомнил, как во сне Параскева – конечно, это была она – сказала ему, что доброму делу всегда подмога сыщется. Значит, сыскалась. Часа не прошло, а Беркут уже шагал к колодцу с ошкуренным, сияющим белизной бревном на плече. Центр тяжести он уже и отметил зарубкой, осталось точно выбрать выемки по бокам, чтобы журавль не ёрзал в развилке, а сидел надёжно и легко кланялся.

Работа ладилась. Журавль сел на своё место и закачался, словно это были крылья.

– Маши, маши, – усмехнулся ему Беркут, – может, летать научишься.

Приладив к перевесу ведро на гладкой жердине, устало вздохнул: вот и делу венец, пора водички отведать.

Журавль отвесил поклон. Ведро нырнуло в сруб и там, в глубине, шлёпнулось о гладь воды. Черпнув её, ведро неторопливо воротилось и встало на край сруба. Беркут залюбо-

вался – в свете закатного солнца в ведре резвились серебряные звёздочки. Вода была такой прозрачной, что на дне ведра можно разглядеть царапины не толще волоса. А ведь вода была чёрной, когда он заглядывал в колодец.

Наклонившись, Беркут отведал холодной водицы. Вот она, чистота из глубины! Должно быть, правда, что колодец стоит на святом источнике. Напившись вдоволь, лёг в траву передохнуть. На небе робко мерцали первые звёзды. Их становилось всё больше. Те звёзды, думалось Беркуту, которые не умещаются на небе, падают в колодцы, и их поднимают с водой.

Со стороны леса слышался крик ночной птицы. Тёплый ветерок обласкал уставшего работника, и тот не заметил, как уснул. И снова был ему сон, который словно караулил парня.

...Колодец, махая журавлём как крыльями, поднимался в небо.

– Стой! – закричал Беркут. – На кого ты деревню оставляешь?

– У меня крылья, значит, я птица! – набирал высоту колодец. – А птица должна летать!

– Какая ты птица?! Ты колодец! Тебе надо людей поить!

– Некого мне поить! – гудел сверху колодец. – Люди бросили меня, теперь я сам улетаю!

Усилием воли Беркут сбросил с себя наваждение. Подумал: сам же присоветовал колодцу научиться летать, вот он и... Приподнялся на локте, позвал:

– Голос, ты здесь?

– Здесь, – донеслось из-под земли.

– Не улетел?

– Не улетел.

– Вот и хорошо. А то тут на ночь глядя колодцы разлетались... Слушай, если по голосу судить, то ты, конечно, красавица. Как тебя увидеть?

Послышался вздох, похожий на стон.

– Мне доведку быть невидимой.

– А что нужно, чтобы ты стала видимой?

– Надо, чтобы воду пили.

Смеркалось. Пора в путь. Беркут вышел на тропу. Возле перелеска обернулся. У крайних изб, купающихся в иван-чае, стояла девушка в длинном белом одеянии. Беркут замер, смотрел как зачарованный. Хотел помахать ей рукой, но видение растаяло как туман.

Он размашисто шагал в сумерках через еловый перелесок, по забурьяневшему полю.

– Вернись, – упрямо шептали его губы. – Я туда вернусь...

*Перевод с коми
Петра Столповского.*

Рисунки Анны Княжевой.

Алёна СТАРЦЕВА

Тэкөд сёрни

Кывбуръяс

Тэсянь

* * *

Тэнад көдзыдлунсьыд гожом шöрын усис лым.
Мылыштöмтö лун-вой кевма Войпельлысь да тунлысь:
– Отсалöй мен, вежаяс, ыстöй чард да гым!
Орт моз сыкөд орччөн ветла. Узьöм-олöм вуні...

Сöмын тэнад видзöдласыд воддза мозыс кын.
Небзьöдчыны он и кöсйы – личöдны том сьöлöм.
– Сідзкö, тöд, та здуксянь быдта вöвлытöм на вын –
Лоан на тэ, Еретнича, менам олöм пöлөн!

* * *

Радейтö, оз радейт –
Катшасинөн тунася.
Вочакывсьыс пола,
Кöть и сэн – став олöм.

Воськов бöрся воськов
Мудзöмöйла рудзала.
Гашкö, кежны бокö?
Оз тай кывзысь кокöй.

– Радейта, ог радейт –
Сьöлöмöйлысь юася:
– Сытöг олöм чусмö,
Збыль-ö тайö муслун?

Тырмас-ö том кадыс
Öта-мöдöс вежöртны,
Майшасьöмас пöдтöдз
Радейтчыны пöттöдз?

Воськов бöрся воськов
Кыла, воча тувчалан.
– Менö-ö куш аддзан?
Мыйла локтан надзөн?

Тырмас-ö том кадыс
Öтвыв туны-вежöдны
Нюмөн, мелі кывйөн?..

Ме нин тэнад сывйын.

* * *

Ме ачым аслым полі шуны водзті,
А талун асыв, сөмын синмөс восьті,
Друг гөгөрвои: өтнадөн мен колан,
И тэнад сывйын – ставнас менам олөм.

А видзөдласыд муса сё сюрс мөдысь.
Тэ вөрысь петін? Чудьөн быдтөм төдысь?
Өд бипур дорас аслам кокөн муна:
– О, Вежа Батьөй, аскиасө тунав.

Збыль өмөй лоө сэтшөм томөн сывны?
Ме кыла сьөлөмөс, ме талун Лымныв.
А сійө кык пөв вынаджыка öзйө
И сөмын менө кутлынысө көсйө.

* * *

Тэнад кийн ме быттьө чача –
Медся мичаён менө аддзан.
Ворсан, бергөдлан тадз и этадз,
Полян пуктыны кызкө не тадз.

Сэтшөм ярьюгыд талун шонді,
Ачым зарниён койны понді.
Ковтөг куйлі өд сымда төлысь.
Коланаён өд лои вөлись.

Медводдзаысь мен татшөм кокни.
Бара мездорад көсья, лок нин...

Сорси, ворсөдчө Шувгей, вөлөм.
Здук, и пазалис чача сьөлөм.

* * *

Часіөс бергөда куим во бөрө,
Тэ дінө пуксьывны позис мед тшук.
Ю дорын сетін сэк пасьтавны дөрөм –
Козьналін нэм кежлө казьтылан здук.

Артмас-ө вожмавны став өтка восө,
Тэ дінын шудаён садьмыны мед?
Кадсө тадз ёрны да пемыдас косны
Пола ме. Бакенён югыдсө сет.

* * *

Поездöй водзö пыр чушкö,
Нюжöдö кадыслысь пос.
Тэрмасьтöг воддзасö вуштö,
Джудждöдö тэа-ме кост.

– Тöрыт да талунсö йитны
Кужтöгным вермам-ö ми?
Ылысянь шуднымöс витны?
Чужтыны коркö ныв-пи?

Зарни Ань йылысь моз мойдö
Оз-ö лöнь муслунным пөр?..

Мунысьöс мөвпъясөн дойдö
Туй пöлөн нюжалöм вөр.

* * *

Лёзьöс лэдзали,
Ёмаён ветла.
Вөрö пырысьöс
Лёкгоршөн вётла.

Кыз пу кутла да
Омляла нора.
Грекö вöйöмысь
Мылыштöм кора.

Пез көрт гыжъясөн
Морöсöс гудъя –
Ылөг сьөлөмöй
Сизимдас пудъя.

Ляска, ковтöмöс,
Кок улын ныра.
Менö мустöмыс
Немöстас* дыр-ö?

Гашкö, вöлисти
Висьöмысь бурда.
Сирöd кондаён
Вөр шөрö сувта.

*Немöстыны (диал.) – мустöмтны.

Спасибо!

**Редакция журнала «Арт»
сердчено благодарит коллектив
и лично директора творческой мастерской «АРТ»
Николая Пунегова
за помощь в организации выставки
по мотивам цикла книг Елены Афанасьевой
«Дуда платтьö», «Дуда чудит» и «Дуда манит».**

